

**Управление по делам культуры мэрии г. Череповца
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Объединение библиотек»**

XVI краеведческие Чечулинские чтения

**Материалы XVI краеведческих Чечулинских чтений
г. Череповец,
11 ноября 2017 год**

Часть I.

**г. Череповец,
Центральная городская библиотека им. В.В. Верещагина
2018 г.**

УДК 94(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)
Ч-57

Тексты докладов воспроизводятся с полным сохранением содержания, орфографии и синтаксиса, предоставленных авторами текстов.

-
- Ч-57   **Чечулинские чтения (16; 2017; Череповец)**
      XVI краеведческие Чечулинские чтения: материалы XVI краевед. Чечулинских чтений (г. Череповец, 11 ноября 2017 г.): в 2 ч. Ч.1. / Управление по делам культуры мэрии г. Череповца, МБУК «Объединение библиотек» ; верстка, макет, компьют. оформл. Л. И. Закусовой, отв. за вып. Л. Н. Макаревская. — Череповец: ЦГБ им. В.В. Верещагина, 2018. — 103 с.: ил.

УДК 94(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)

© МБУК «Объединение библиотек», 2018

Н.Д. Чечулин
(03(15).11.1863 – 14.02.1927)

«История не дает отдыха своим труженикам: кто раз отведал этого горького и крепкого напитка, тот не перестанет пить его до смерти!», – прочёл я ещё студентом в одном сочинении Мишле; с тех пор эти слова всегда были моим девизом и останутся им до конца моих дней».

*Н.Д. Чечулин
«Ответ на «Заметку» проф. Кареева»
Санкт-Петербург, Типография
В.С. Балашева и К°, Фонтанка, 95.1897 г.*

Т.В. Пахолкова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков ГИ ЧГУ

Реальные лица в чудесах колоденских

Целью данной статьи является выяснение реальности существования лиц, упоминаемых в книге российского религиозного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862-1929) «Сила Божия и немощь человеческая»[8],[13]. Наше исследование построено на тексте рукописи, опубликованной Нилусом С.А. в 1906 году и архивных документах Колоденской волости Череповецкого уезда конца 19 века. Методом сплошной выборки автор статьи пытается проверить реальность существования героев невероятных событий с привязкой к указанной территории. При этом наряду с доказательствами присутствуют и предположения для открытия перспективы дальнейших исследований микрорегиона.

Как в далекой Оптиной пустыни оказались рассказы о колоденских чудесах? С.А. Нилус пишет: *«...От одного из старцев великой Оптиной пустыни Бог привел получить в мое распоряжение рукопись, которая еще во дни блаженной памяти великого старца отца Амвросия Оптинского была на его рассмотрении и исправлении. То лицо, от кого мне эта рукопись досталась, утверждало, что она самим старцем предназначалась для печатного назидания современникам, но почему-то от этой мысли он отказался. По неведомым судьбам Божиим только теперь, спустя пятнадцать лет после смерти отца Амвросия, настало ей время увидеть свет [12,147].*

Поскольку рукопись была получена от одного из старцев, который хорошо знал Колоденскую волость, предполагаем, что это мог быть Мелхиседек. Он внесен в список подвижников Оптиной пустыни: *«Иеросхимонах Мелхиседек (Разумов; 29 марта/11 апр. 1902). Великий старец, строгий затворник[14]. Он же служил и в ближайшем к Колоднам Моденском монастыре: «...архимандрит Мелхиседек. Действительно, старик строгой жизни, аскет. Его в 1878 г перевели куда-то викарием...»[11,10]. Мелхиседек II. Последний архимандрит. Перемещен указом Святейшего Синода 14 октября 1877 года по собственному прошению из настоятелей Оренбургского Богодуховского второклассного монастыря. Указом Синода от 6 ноября 1878 года перемещен на настоятельскую должность в прежний монастырь [10].* Подчеркиваем, что это лишь наше предположение, оно может быть ошибочным.

В нашу задачу не входит описание невероятных чудес полного текста книги [12]. Проверяется только реальность существования указанных в некоторых эпизодах лиц Колоденской волости и соседних деревень. Ведь С.А. Нилус пишет, что автор рукописи уверен в их существовании: *«...В кругу простого народа нередко приходится слышать рассказы, которые могут показаться странными и даже невероятными. Один из таких рассказов, записанный со слов очевидца, мы предлагаем читателю. Ему трудно поверить, но и совершенно отвергать истинность его, пожалуй, нельзя, потому что сотни людей были очевидными свидетелями описываемого события. Мы намеренно указываем место, где случилось событие, и называем имена тех лиц, которые каким бы то ни было образом участвовали в нем, дабы любопытствующие, кто имеет возможность, лично расспросили их о случившемся....»[12,147].*

Все населенные пункты, упомянутые в книге и ниже в нашей статье, являются однозначно реальными, что не требует доказательств. Это деревни бывшей Колоденской волости, они существуют и сегодня в Череповецком районе: Гришкино, Миндюкино. Воротишино, Давыдово, Супроново. Липенка административно отошла к Колоденской волости из Устюженского уезда Моденско-Плотичевской волости, но относилась к Колоденскому (Гришкинскому) приходу. Курилово (Кисово) было в соседней Уломской волости. Зимник, Ванское, Лентьево - соседние с Колоднами деревни Устюженского района.

С.А. Нилус пишет: «...Вот что случилось в Новгородской губернии в наше время: «...**В Новгородской губернии, Череповецкого уезда, Колоденской волости, в деревне Миндюкине, в имени действительного статского советника Секретарева, у крестьянина Трудникова был сын Михаил, мальчик здоровенький и веселенький, да при этом еще и порядочный шалун.....** (прим С.А.Нилуса: Трудников- прозвище, а не настоящая фамилия крестьянина, которое он получил оттого, что был трудолюбив, но неуспешен» [Там же]. Получается, что описываются события с 1824 по 1865. Ведь именно тогда Колоденская вотчина принадлежала помещикам Секретаревым [4], [1].

«...**В 1850 году** или, может быть, на год раньше, когда Михаилу сравнялось пятнадцать лет, бедные родители вздумали отдать его в пастухи...» [12]. Это говорит о том, что Михаил родился у Трудникова около 1835 года. Ответ на этот вопрос могут дать Метрические книги Гришкинской церкви за 1815-35 г.г. [4] и 1836-1847г.г.[5].

«...Волей-неволей, а Михаил должен был, наконец, уступить требованиям матери: в скором времени его отправили к предназначенной для него обязанности за тридцать пять верст от своей деревни в село Лентьево Устюженского уезда...» [12].

«...В селе **Курилове Череповецкого же уезда жили два брата-купца. Один доброй нравственности, другой – беспорядочной жизни. Такой контраст в характерах родных братьев заставил их разделить и разойтись. Добрый брат стал богачом, а другой вскоре окончательно прокутился...**» [Там же]. Речь идет, несомненно, о купцах Носыриных. Но пути братьев Носыриных расходились в истории этого рода не однажды. В середине 19 века известны Филипп, Анфим, Еремей, Кирьяк Носырины, а в конце 19 века это могли быть родные братья Максим, Михаил, Иван и Прокопий Кириковичи [9,80].

«...Версты четыре не дойдя **до Миндюкиной, он остановился для отдыха в селе Воротишине у крестьянина Василия Яковлевича....**»[12]. Нам не удалось выяснить, кто был Василий Яковлев. А Илья Яковлев, скорее всего, брат Василия, упоминается в Воротишине в 1871 году [1,л.440об.].

«...**Был воскресный день заговенья перед Петровским постом 1863 года. Перед избою миндюкинского крестьянина Федота Иванова Гришина резвились его маленькие дети со своими сверстниками. Тут же был и сам Федот кой с кем из стариков-соседей...**»[12]. Гришины и сегодня известны в Миндюкине как один из древнейших местных родов. О них сохранились записи в архивных документах: «... У Федота Иванова родился сын Иван 1830г...»[4,л.47]. В 1871г. значится Николай Федотов, должно быть, это сын Федота Иванова из Миндюкина [1,л.461]. Гришин Иван Григорьевич в1906г.записан уже как землевладелец [6,59].

Следующая цитата: «...Тут вмешалась **одна гришкинская крестьянка: - А меня знаешь ли?- Как не знать, - отвечал Михаил - еще в вашей семье есть слепая старуха, которая только и знает, что на всех ропщет, а потому "мы" постоянно бывали у вас и делали разные проказы...**» [12].

«...Во время наших сборищ мне не раз приходилось встречаться с одной слепой девкой из деревни Липенки Устюженского уезда, которая участвовала во всех наших проказах... Об этой слепой девке местные жители рассказывали, что вследствие родительского проклятия, она, как и Михаил, подпала масти злых духов и внезапно куда-то исчезла. Усиленная молитва родителей избавила ее от этой страшной власти: месяца через два после исчезновения ее нашли брошенной в поле. Дело было зимой, и она отморозила обе ноги. Когда ее спрашивали, где она была и что делала, она охотно отвечала, и ее рассказы были похожи на необыкновенные повествования Михаила. Тогда это был в той местности единственный случай, и девке никто не поверил...»[12]. Кто были слепая старуха из Гришкина и слепая девка из Липенки выяснить оказалось невозможно.

«...Вон – кузнец **Иван Рябинка** (в семи верстах от Миндюкина в деревне **Давыдове**) удавился у себя в овине из-за того только, что управляющий **Петр Андреевич Бехтер** хотел, было, слегка его наказать за небольшой обман...» [12]. **Иван Рябинка** – один из древних предков коренных жителей Рябининых в д. Давыдово. **Петр Андреевич Беккер** упомянут в «Летописи Гришкинской церкви...»: «Храмъ Тихвинский существует въ томъ же виде, въ коемъ онъ былъ устроенъ первоначально, только въ приделъ сего в 1845 году устроены новые иконостасы **Петромъ Андреевичем Беккеръ**, управляющимъ именованиемъ Г. Секретарева» [7,1].

«...Вон – **Акулина Потапова** (в шести верстах от Миндюкина в деревне **Супронове**) из-за пустяков начала тосковать и от тоски удавилась в своей новой избе, а дети ее, чтобы избежать подозрения и судебной волокиты, тайком вынули ее мертвую из петли, отвезли в лес, и там труп повесили на березе... Замечательно, что до рассказа Михаила в течении десяти лет со времени этого события никто не знал его подробностей и участия детей **Потаповой** в сокрытии от властей места ее самоубийства. Все, не исключая и властей, производивших следствие, думали, что **Акулина** удавилась в лесу на березе...»[12]. Крестьянин **Аксен Потапов** в **Супронове** проживал в 1871 году [1,464об.].

«...А вот недалекий пример: в деревне **Зимнике** (Устюженского уезда) одна крестьянка ночью ходила с огнем давать корм овцам и заронила маленькую искорку. Поскольку она была в ссоре со свекром, то это нам дало власть раздуть искру в большой пожар, от которого сгорело все их имущество. Так-то вот, и **Воротишино** горело: помнится, дело это было утром; погода была хорошая, тихая, а во время пожара поднялся такой сильный вихрь, что бревна раскидывал в разные стороны. Все это мы постарались сделать...»[13].

«...В деревню **Ванское** (в четырнадцати верстах от Миндюкина) мы не смели входить, а - почему? Потому что там одна набожная старуха имела обыкновение ежедневно вечером обходить свою деревню с молитвой...»

«...Опомнившись от страха, Михаил просил немедленно послать за приходским священником, отцом **Алексием**, в село **Гришкино**...» **Алексей Леонтьев** **Виноградов-священник** **Гришкинской церкви** с 1860 по 1902 г. [7].

«...Вскоре после этого **Михаил** был взят в близлежащий **Моденский Николаевский монастырь** и там, еще дважды исповедавши грехи свои: сперва - перед настоятелем, а потом перед монастырским духовником, сподобился, наконец, приступить и к **Страшным Христовым Тайнам**... » [12]. Списки послушников **Моденского монастыря** могли бы дать ответ на реальность пребывания **Михаила Трудникова** в указанном монастыре.

«...Алексей Купцов, самый богатый крестьянин из всего Миндюкина, первый отказался от Михаила, за ним – другие, и один по одному все присоединились к Купцову, и Михаила в скором времени, подержавши в холодной, упрятали в дом умалишенных...»[12]. Сын Алексея, Василий Алексеев Купцов, есть в записях в Миндюкине за 1870г.[1,л.396] . Василий Алексеев Купцов из Миндюкина, указан поручителем от жениха при бракосочетании Осаркова Николая Денисовича и Марьи Петровны Тетюевой из Гавина в Метрических книгах Гришкинской церкви за 1893г. [2,257об.] То, что миндюкинские Купцовы были не бедными, свидетельствует и происхождение их фамилии, и факты землевладений за некоторые годы. В 1894 году вся пустошь Селище близ Миндюкина принадлежала братьям Купцовым: Григорий I, Иван, Степан, Ефим, Григорий II Васильевы Купцовы. [7,139]. *«...На другой день после своего отказа от Михаила Алексей Купцов, первый от него отказавшийся, заболел и вскоре умер от водянки. Миндюкинцы тут же усмотрели в этом кару Божию за Михаила, но, конечно, пальцем не шевельнули, чтобы выручить бедняка из сумасшедшего дома...»*[12]. В 1863 году среди умерших в д. Миндюкине действительно значится Алексей Иванов в возрасте 61г. [1,156]. Возможно, это и был он. Фамилий крестьяне тогда не имели.

Мы привели из книги С.А. Нилуса все цитаты, касающиеся изучаемой территории Колоден и близлежащих деревень. Все населенные пункты исследуемых «чудес» книги Нилуса С.А. оказались реально существующими. Что касается лиц, большинство из них удалось идентифицировать через архивные источники. Автор статьи не ставил задачей доказать или опровергнуть реальность описываемых старцем событий. Значение своего исследования мы видим лишь в том, что работа содержит ссылки на административное деление того времени, даты и ремарки касающиеся отдельных лиц. Это дает пищу для дальнейших краеведческих и генеалогических поисков. Работа выполнена в рамках комплексного изучения Колоденской волости Череповецкого уезда автором статьи, о чем свидетельствуют предыдущие работы.

Источники:

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО) Ф.496,Оп.66,Д.7.
2. ГАВО Ф.496,Оп.66, Д.299.
3. ГАВО Ф.1067,Оп.8,Д.1.
4. ГАВО Ф.1067,Оп.8,Д.2.
5. ГАВО Ф.1067,Оп.8,Д.3.
6. Личное владение надельной землею Череповецкого, Кирилловского и Устюжнского уездов Новгородской губернии. Новгород. 1913.
7. Летопись Гришкинской церкви и ея прихода Череповецкаго уезда Новгородской епархии, начатая вестись съ 1894 года (на 27 л.) // Науч. архив ЧерМО 9-81; 1418/30.
8. Нилус С.А. «Сила Божия и немощь человеческая». ООО «Издательство „Э“», 2016. с.147-155. <http://www.optina.ru/030811/Вражья сила>.
9. Пахолкова Т.В. Колоденские жертвователи. Череповецкие научные чтения-2016. Материалы Всероссийской научно-практической конференции(16–17 ноября 2016 г.), ч.1,Череповец, 2017.
10. Хрусталева М.Ю. НИКОЛО-МОДЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ Устюжна. Краеведческий альманах. Выпуск 3.
11. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф.761. оп. 2 д. 41а.
12. <http://www.optina.ru/030811/Вражья сила>
13. <http://www.optina.ru/030811/>
14. <http://www.optina.ru/starets/>

Е.Л. Демидова,
кандидат филологических наук,
главный библиотекарь сектора редких книг ВОУНБ

«Кто есть кто в «Памятных книжках Вологодской губернии»» как новый ресурс Вологодской ОУНБ и как новые возможности генеалогического поиска

Идея составить список персоналий, встречающихся в «Памятных книжках», пришла сотрудникам отдела редкой книги несколько лет назад, и ее поддержал старейший читатель библиотеки, краевед, участник Великой Отечественной войны, Валентин Александрович Киселев. Он выписывал каждую фамилию на отдельную карточку. Им были расписаны «Памятные книжки» с 1853 до 1893-1894 гг. Картотека включает несколько тысяч карточек и занимает 10 каталожных ящиков. Для читателей, приходивших в библиотеку, эта картотека была доступна. В. А. Киселев умер два года назад, и эта картотека – рукописный памятник ему.

Ил. 1. В. А. Киселев

Картотека персоналий позволила в кратчайшие сроки найти сведения об интересующих их лицах. Наша задача состояла в том, чтобы эта картотека стала доступна не только вологжанам, но и более широким кругам читателей, в частности, потомкам лиц, упомянутых в «Вологодских памятных книжках», разбросанных сегодня по всей необъятной России и тем из них, кто живёт за рубежом.

В течение 2015-2016 г. эти сведения были перенесены в электронный вид и пополнены сведениями из самих «Памятных книжек» от 1895 до 1916 года. Некоторую помощь оказали студентки Вологодского педагогического колледжа, которые на практике, проходившей на базе библиотеки, смогли занести в электронную форму несколько десятков фамилий на буквы А-Г.

На презентации ресурса выступил один читатель, который посчитал число персоналий, подключив какую-то особенную программу, и сообщил, что в ресурсе более 12 тысяч персоналий (12843). Самим нам подсчитать не представлялось возможным, потому что он занимал две с половиной тысяч страниц документа в формате Word 12 кегля. В 2017 г. ресурс был готов, и начался поиск фотографий этих персоналий. В конце 2017 г. ресурс был выставлен в Интернет, и за первые дни существования начал набирать число обращений. За 2018 год число обращений составило 6453 (на 3 октября 2018 г.). Стали приходиться электронные письма с фотографиями своих предков, засветившихся в «Памятных книжках». Стали поступать и замечания, к которым мы, составители ресурса, не считаем себя виновными, так как просто повторили то, что содержится в книжках. **Заметим сразу, что еще ни одна библиотека страны не создала такой ресурс в силу своего объема и трудозатрат.**

Новый проект «Кто есть кто в “Памятных книжках Вологодской губернии”» дает новые возможности генеалогического поиска, хотя сведения, содержащиеся в нем, краткие, сжатые и основаны не на архивных документах, зато они дают информацию о большом количестве персоналий, задействованных в чиновничьей и общественной деятельности Вологодской губернии в 1853-1916 гг.

Памятные книжки губерний России – официальные справочные издания органов местного управления ведомства внутренних дел, сообщающие сведения о губернии на определенный год – стоят в ряду комплексных печатных источников по истории российской провинции XIX– начала XX века.

«Памятные книжки Вологодской губернии» издавались в Вологде с 1853 по 1916 г. Они меняли свое название – «Справочная книжка Вологодской губернии» (1853-1856 гг.), «Адрес-календарь Вологодской губернии» (1887 г.), «Вологодский календарь» (1881-1883 гг.), но структура их оставалась постоянной. В первой части их помещались официальные сведения, содержащие большое количество информации о лицах, занимавших в органах местной власти и земских учреждениях какое-либо место. Большую роль в издании «Памятных книжек» сыграл Вологодский губернский статистический комитет. О деятельности комитета и его роли в истории вологодской книги уже писали на страницах сборника «Книга: исследования и материалы»¹. «Памятные книжки Вологодской губернии» являются книжным памятником регионального уровня, и создание нашего ресурса еще более способствует сохранности этого памятника.

«Памятные книжки» уже представлены в полнотекстовом виде на сайте Вологодской областной универсальной научной библиотеки², но поиск упоминаний о любом из вологодских деятелей, имя которого занесено в справочник, за отсутствием именных указателей превращается в трудноразрешимую задачу. Тем более, когда предстоит проследить биографию какого-либо лица в течение многих лет, а такие случаи встречаются очень часто.

К сожалению, в некоторые годы «Памятные книжки» в силу финансовых трудностей не выходили, и полные биографические справки получились с «разрывами». Например, в нашей базе данных и в «Памятной книжке» на 1904-1905 г. (стр. 4) видим, что в Губернском по воинской повинности присутствии в это время исполняет дела секретаря коллежский секретарь Адольф Феликсович Малиновский, в следующий раз Адольф Феликсович, уже как секретарь и надворный советник того же присутствия, упоминается в Базе данных и в «Памятной книжке» только в 1912 году (стр. 9). Зная об отсутствии книжек за 1906–1911 гг., понятно, что именно в пропущенные годы ему, в соответствии с Табелью о рангах, присваивались чины титулярного советника, коллежского асессора и, наконец, надворного советника.

Проект «Кто есть кто в “Памятных книжках Вологодской губернии” как новый ресурс Вологодской ОУНБ» стал победителем конкурса «Новый взгляд» в мае 2015 г.

Когда работа еще не была закончена, база послужила источником для выполнения генеалогических и другого вида справок. Она дала возможность выявить всех однофамильцев, попавших в «Памятные книжки Вологодской губернии» (одних Поповых более 500 человек); выявить всех лиц, связанных с определенной профессиональной деятельностью, например, была составлена справка о всех прокурорах; выявить всех лиц, связанных с каким-либо населенным пунктом. На конференции «Кадниковский уезд – родина пяти

¹ Шпак А. П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции // Книга: исслед. и материалы. Москва: Книга, 1986. Сб. 53. С. 160-167.

² <http://www.booksaite.ru/fulltext/memo/book/15.htm>

районов» нами был прочитан доклад «Новый ресурс Вологодской ОУНБ «Кто есть кто в «Памятных книжках Вологодской губернии» за 1853-1916 гг. и упоминание в нем лиц, связанных с Сокольскими местами».

О создании нового ресурса была написана статья в сборник «В помощь библиотекам»³.

База, еще не получившая достойного завершения, послужила мощным информационным источником информации для нашей статьи «Вологжане в Государственной думе 1906-18917 гг.», написанной для Национальной библиотечной ассоциации «Библиотеки Будущего». Портреты, сканированные для статьи, стали основой базы иллюстративного материала к новому ресурсу.

При работе с карточками встретились трудности в правильном прочтении православных имен и разночтении написания фамилий – в одном году фамилия пишется как Волк, а в другом – как Воллк. В таких случаях все варианты написания фамилии идут в круглых скобках после основного, или главного, написания, как правило, чаще всего встречающегося. А какие только имена не встречаются: Евстратий и Евтихий, Иассон и Ионафан, Варсанофий и Иринарх, Конон и Феофил, Флавиан и Сакердон, Мельхион и Квинтилиан! А имя Арфаксаций еще не встречалось?

Удивление вызвало и большое количество иностранцев, занимающих должности в органах губернского правления и преподававших в вологодских учебных заведениях, врачей и специалистов-техников. Часто встречаются люди с немецкими фамилиями. Приведем примеры занимаемых должностей немцами, фамилии которых начинаются с буквы Ш:

– Штупперих Артур Францевич – заведующий Устьянской земской больницы в с. Устье Устьянской волости Кадниковского уезда,

– Штумпф Николай Георгиевич – почетный смотритель Вологодского городского училища. Коллежский регистратор,

– Штюрмер Юрий Борисович – неперменный член губернского по земским и городским делам присутствия,

– Штольценвальд П. Н. – член ревизионной комиссии Великоустюгского комитета общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста,

– Штофреген Аполлон Кондратьевич – лесничий 1-го разряда Вельского лесничества. Титулярный советник,

– Шредер Артур Фёдорович, фон – управляющий Северной учебной фермой в Вологодском уезде,

– Шпиндлер Сотэр Бернардович, фон – управляющий Вологодского отделения Государственного банка.

И это не все немецкие фамилии, которые начинается с буквы «Ш»!

Встречаются в книжках и польские, и французские, и еврейские фамилии.

Встречаются в «Памятных книгах Вологодской губернии» второй половины XIX века и представители «громких», в том числе титулованных фамилий. Так служат в Вологодской губернии:

– помощник учителя приходского одноклассного училища в г. Великом Устюге, вдова дворянина Мария Николаевна Беляницкая-Бируля;

– младший окружной врач Вологодского и Вельского округов лекарь Карл Николаевич Битный-Шляхто;

---

³ Демидова Е. Л. Кто есть кто в «Памятных книжках Вологодской губернии» как новый ресурс Вологодской ОУНБ //В помощь библиотекам: инф.-метод. бюллетень. Вологда: ВОУНБ, 2015. С. 145-147.

Ил. 2. С. А. Волконский

– командир 1-ой роты 53-го резервного батальона капитан Николай Степанович Благово;
– управляющий 6-м Вологодским имением, титулярный советник граф Эдуард Иосифович фон-дер Борх;

– младший чиновник для особых поручений, губернский секретарь, князь Сергей Александрович Волконский;

– производитель работ по поземельному устройству бывших государственных крестьян, коллежский секретарь Станислав Иванович Гедройц-Юраго;

– производитель работ Вологодского отряда по составлению владенных записей для поземельного устройства государственных крестьян, надворный советник барон Евгений Александрович Гревениц;

– делопроизводитель Вологодского

удельного округа, надворный советник Борис Дмитриевич Данзас;

– член Вологодского Окружного Суда, статский советник Михаил Адамович де-Кампо-Сципион;

– преподаватель французского языка в Вологодском реальном училище Франц Петрович Де-Лаплас;

– обер-провиантмейстер, подполковник Антон Иванович Деллинсгаузен;

– почетный мировой судья, действительный статский советник Иосиф Яковлевич Дунин-Борковский;

– батальонный лекарь Владимир Людвигович Дювернуа;

– при Кокшанско-Романовском дистанционном винном подвале пристав, коллежский регистратор Александр Иванович Дюсар-де-Невиль;

– делопроизводитель Вологодского губернского правления, коллежский асессор Константин Петрович Еропкин;

– судебный следователь, титулярный советник Лавр Флегонтович Колокольцов;

– гласный Кадниковской городской Думы, мещанин Василий Иванович Кульнев;

– делопроизводитель Вологодского губернского правления, губернский секретарь Леонид Александрович Ленин;

– помощник делопроизводителя, не имеющий чина Константин Егорович Немирович-Данченко;

– исправляющий должность управляющего земскою конюшнею, полковник барон Отто Людвигович Остен-Сакен;

– товарищ председателя Устьянского благотворительного общества Алексей Васильевич Пушкин;

– лесничий Папа Константинович Римский-Корсаков;

– заседатель Палаты Уголовного суда, коллежский секретарь барон Николай Федорович Розен;

– бухгалтер в Вологодском отделении Государственного банка, коллежский асессор барон Александр Александрович фон Фитингоф-Шеель.

«Памятные книжки Вологодской губернии» наглядно показывают постепенный рост числа женщин, вовлеченных в деятельность губернских, уездных и городских учреждений. В середине XIX в. их удел – учреждения, связанные с благотворительностью. В «Справочной книжке на 1853 год» нашлось

место только для трех дам: действительная статская советница Мария Петровна Замятина – попечительница в детском приюте, там же служит смотрительница, девица из дворян Варвара Платоновна Макшеева и ее помощница, девица из дворян Екатерина Фёдоровна Конищева⁴. Но уже через четверть века в Вологодском женском при Тюремном комитете отделении под председательством Юлии Александровны Сапоговой заседают шесть директрис: Екатерина Николаевна Дружинина, Любовь Петровна Гладкова, Анна Дмитриевна Андреева, Надежда Матвеевна Воропанова, Анна Петровна Пухидинская и Наталья Владимировна Непотерина⁵, в губернской земской больнице исполняющая должность ординатора Мария Петровна Литова⁶, в Вологодской женской гимназии почетная попечительница супруга действительного статского советника Екатерина Николаевна Дружинина⁷, начальница гимназии Мария Гавриловна Пташенская руководит коллективом преподавателей, среди которых уже 13 классных надзирательниц и учительниц Александринским женским приютом руководит Анастасия Александровна Шлегель, здесь же смотрительница Анна Николаевна Леденцова и три ее помощницы⁸, 10 женщин попечительницы и учительницы в женских приходских училищах⁹, в уездном городе Грязовце дамы преподают в женской прогимназии¹⁰, в Кадникове – в женском приходском училище¹¹, в Вельске Павла Васильевна Ивановская служит учительницей в городском женском училище¹², в Тотьме видим акушерку Анну Константиновну Степанову¹³, в Великом Устюге учительствует в приходских училищах Мария Павловна Шаламова, помощниками учителя служат Екатерина Петровна Лобровская, Александра Владимировна Прозорова и Екатерина Молодцова¹⁴, в больнице уездного города Никольска повивальная бабка Екатерина Макаровна Кузнецова¹⁵, а в женском приходском училище учительницы Юлия Гордеевна Кузнецова и Надежда Николаевна Шапошникова¹⁶, в далеком Сольвычегодске учительницы Александра Кенсариновна Шалаурова и Парасковья Александровна Загребина¹⁷, в еще более далеком Яренске несет свой крест повивальная бабка Аделаида Ивановна Успенская¹⁸, в женской прогимназии служит Любовь Николаевна Клячина и Александра Александровна Флерова¹⁹, в Устьсысольске начальница прогимназии Елизавета Ивановна Забоева²⁰.

В начале XX в. число женщин, вошедших в «Памятные книжки», заметно увеличилось. Особенно это заметно в списке почтово-телеграфных чиновников, врачей и учителей. Появились новые должности, которые занимали женщины. Например, в 1907-1908 гг. Елизавета Николаевна Смирнова – ремингтонистка

---

⁴ Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. Вологда, 1853. С. 27.

⁵ Памятная книжка Вологодской губернии на 1879 год. Вологда, 1879. С. 5.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 20-21.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Там же. С. 35-36.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ Там же. С. 50.

¹² Там же. С. 55.

¹³ Там же. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 77.

¹⁶ Там же. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Там же. С. 94.

Вологодского уездного съезда²¹. Согласно словарю Ушакова, это слово – устаревшее, синоним слова «машинистка».

Некоторые лица встречаются в единственной книжке, другие – в нескольких, что дает проследить, как складывалась карьера того или иного чиновника, с какого года он стал губернским секретарем, потом коллежским асессором, затем надворным советником – весь его чиновнический путь в соответствии с «Табелью о рангах».

Сведения включают фамилию, имя и отчество (если есть) персоны, его должность, чин, занимаемая общественная работа, награды. Сведения не повторяются. Если какую-то должность человек занимал несколько лет, указываются все источники, в которых упоминается эта должность. К сожалению, в некоторые годы «Памятные книжки» не выходили, и в сведения, таким образом, становятся не совсем полными и точными.

Создание электронной базы персоналий, содержащихся в «Памятных книжках», позволит расширить и углубить поле генеалогических поисков, что имеет большое значение, так как в библиотеке работает Вологодское отделение Русского генеалогического общества, проводятся генеалогические консультации, и любая персональная информация может служить дополнительной поддержкой в русле составления родословного древа.

Поиск в базе идет пока только по алфавиту имен. Отдел автоматизации работает над программой поиска информации по ключевым словам, и тогда эта база позволит легко отыскать всех чиновников по ведомствам, священников по приходам, здесь есть сведения и о крестьянах, бывших гласными в уездных и губернских земских управах и земских собраниях. Здесь сведения о купцах, занимавших какую-либо должность в общественной работе. Есть сведения обо всех повивальных бабках, работающих в земских больницах огромной губернии. Здесь даны сведения обо всех врачах, почтальонах, телеграфистах, немногочисленных тогда механиках и многочисленных, наоборот, межевщиков и лесников. Это дает большие возможности для изучения различных сословий вологодского общества и уточнения их назначения на какую-либо должность. Нажатием на строчку источника вы открываете полнотекстовую «Памятную книжку». Приведем пример занесения одной персоналии:

Сиземский Всеволод Львович

Учитель чистописания Вологодского уездного духовного училища. Священник.

Пам. кн., 1873 г., с. 50.

Законоучитель Вологодской женской гимназии. Священник Вологодского Успенского собора.

Пам. кн., 1875-1876 гг., с. 15.

Член епархиального попечительства о бедных духовного звания. Священник Вологодской градской Благовещенской церкви.

Адрес-календ., 1887 г., с. 26.

Пам. кн., 1893-1894 гг., с. 106.

Попечитель Успенского духовного детского приюта.

Адрес-календ., 1887 г., с. 32.

Протоиерей Вологодской градской Благовещенской церкви.

Пам. кн., 1899- 1900 гг., с. 166.

Адрес-календ., 1904-1905 гг., с. 50.

---

²¹ Вологодский указатель (календарь) на 1907 год. Вологда, 1906. С. 78; Вологодский указатель (календарь) на 1908 год. Вологда, 1907. С. 78.

Пам. кн., 1912 г., с. 20.

Пам. кн., 1913 г., с. 20.

Пам. кн., 1914 г., с. 22.

Пам. кн., 1915 г., с. 30.

Попечитель Успенского духовного детского приюта.

Адрес-календ., 1887 г., с. 32.

Член правления Попечительства о бедных воспитанниках Вологодской Духовной семинарии.

Пам. кн., 1893-1894 гг., с. 107.

Пам. кн., , 1896-1897 гг., с. 104.

Пам. кн., 1899-1900 гг., с. 258.

Член Совета Вологодского Православного церковного Братства во имя Всемилоственного Спаса. Протоиерей.

Пам. кн., 1896-1897 гг., с. 107.

Пам. кн., 1899-1900 гг., с. 166.

Адрес-календ., 1904-1905 гг., с. 18.

Член Вологодского Комитета Православного Миссионерского Общества, протоиерей градской Благовещенской церкви.

Пам. кн., 1899-1900 гг., с. 167.

Изменения в составе слушающих лиц Вологодской губернии к 1-му января 1900 года. Дополнение к Адрес-календарю Памятной книжки Вологодской губернии на 1899-1900 годы, с. 6.

Адрес-календ., 1904-1905 гг., с. 47.

Председатель Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Вологодского епархиального женского училища, протоиерей.

Пам. кн., , 1899 и 1900 г., с. 259.

До 1 января 1900 г. на посту Председателем Правления этого Общества протоиерея Всеволода Сиземского заместил священник Афинодор Малинин.

Изменения в составе слушающих лиц Вологодской губернии к 1-му января 1900 года.

Дополнение к Адрес-календарю Памятной книжки Вологодской губернии на 1899-1900 годы, с. 41.

Член Вологодской духовной консистории, протоиерей Благовещенской церкви г. Вологды.

Адрес-календ., 1904-1905 гг., с. 12.

Казначей и действительный пожизненный член Вологодского отдела Императорского Православного Палестинского Общества, протоиерей.

Адрес-календ., 1904-1905 гг., с. 48.

Член Совета Вологодского Благотворительного Общества.

Адрес-календ., 1904-1905 гг., с. 49.

Памятная кн., 1912 г., с. 53.

Представленная выборка показывает, какие должности занимал отец Всеволод Сиземский за время своего пастырского служения в губернском городе Вологде с 1873 по 1916 г. И таких персоналий, сведения о которых охватывают не одно десятилетие и не одну страницу, в базе данных множество.

Работа по составлению списка персоналий занимает много времени, и поэтому целый год на работе и дома, в командировках и поездках, нами продвигается эта, казалось бы, непосильная, но в то же время увлекательная и дающая много информации деятельность. А впереди нас ждут новые проекты. Ресурсы библиотеки должны пополниться.

«Памятные книжки Новгородской губернии» имеются в фондах нашей библиотеки в виде ксерокопий. Череповецкой библиотеке мы желаем создать более простой вариант нашего ресурса, включив из «Памятных книжек Новгородской губернии сведения, касающиеся Кирилловского, Череповецкого, Устюженского и Белозерского уездов, тем более что благодаря трудам череповецких краеведов уже создана база фотографий местных деятелей.

В.С. Данилов,
администратор группы в социальной сети ВКонтакте
«Череповец. Ностальгия. Живая история Череповца»

Живая история Череповца: поиск истины исторических событий

В данной статье мы хотим Вам рассказать о нашем сообществе «Череповец Ностальгия. Живая история Череповца» в социальной сети «ВКонтакте».

Сообщество было создано в апреле 2012 года. Автором, создателем и руководителем этого проекта является Игорь Леонидович Васюков, к сожалению, в январе 2015 года Игоря Леонидовича не стало.

Это был человек широких интересов. Последние годы жизни он вкладывал свои силы и знания в развитие группы «Череповец Ностальгия.

Живая история Череповца».

Целью создания сообщества Игорь Леонидович считал возможность с помощью этой группы, в доступной форме, воссоздать историю города, и погрузиться в то, чего уже не существует.

Ностальгия – это мощное, эмоциональное состояние, которое позволяет вернуться туда, куда вернуться физически невозможно. Но стоит увидеть здание родной школы, улицы, дома, и мы тут же оказываемся в 90-х, 80-х, 70-х, 60-х ..... годах прошлого столетия.

С помощью старых снимков рождаются воспоминания о своем беззаботном детстве, молодости, друзьях, молодых родителях, бабушках, дедушках.

По статистике возраст подписчиков нашей группы 40+, но много и молодых.

Молодежь обращается за помощью в подготовке докладов о том времени. Мы с удовольствием помогаем.

География подписчиков обширная: Канада, Израиль, Германия, США, Норвегия..., все бывшие республики Советского Союза, ну и конечно вся Россия.

На стене нашей группы идет активное обсуждение каждой фотографии, есть Хронограф города от царя Гороха до наших дней. Информация об истории улиц, событий города Череповца.

Подписчики группы «Череповец Ностальгия. Живая история Череповца» – это люди, которым интересна живая наглядная история Череповца, Люди, желающие оставить память о своей семье и предках, в истории города, области, страны.

Люди, которым важна достоверность исторических фактов, которые дополняют историю нашего города личными воспоминаниями, уточняют информацию о тех или иных событиях, улицах, зданиях, праздниках, особенностях того времени.

Очень интересны обсуждения: например, выкладывается фото Площади Металлургов, и начинаются воспоминания (центральная живая елка, цены в

ресторане «Шексна», гастроном, кулинария, телеграф на улице Верещагина) все то, что осталось в далеком прошлом.

Большинство наших материалов эксклюзивны. У нас вы можете увидеть, как выглядит город сейчас и как выглядел 10, 20, 30, 50, 100 лет назад.

Сообщество «Череповец Ностальгия. Живая история Череповца» – это команда из 5 человек, энтузиастов своего дела, в свободное от работы время, собирающих историю города по крупицам. Ведь мало просто найти и выложить фотографию с видами города Череповца тех лет, снимок нужно расшифровать (установить место, примерно год).

Самое главное, что за эти 5 с лишним лет работы мы не свалились в коммерцию.

Хочется сказать, что нам активно помогают художники, реставраторы, писатели, архитекторы и конечно же наши подписчики!!! Областное телевидение делится кинохроникой 60-х, 70-х годов.

Сообщество живет и успешно развивается, о чем свидетельствует постоянный рост наших подписчиков (реальный, не накрученный), интерес со стороны СМИ, культурных и образовательных учреждений города, издательств и т.д.

Нам приятно, что группа «Череповец Ностальгия. Живая история Череповца» интересна людям, полезна, а многим стала просто необходима.

В своём роде мы ностальгический, исторический, бесплатный ретро-онлайн-музей города Череповца.

*«Увы, наша жизнь быстротечна,
И годы летят чередой.
Нам в прошлое не вернуться,
А память подводит порой.
Но есть островок в Интернете,
Где память вдруг оживает,
И как на Машине Времени
В юность нас возвращает.
И это, поверьте не чудо,
Это реальный труд.
Для всех «Ностальгия» открыта,
Здесь рады Друзьям!
Здесь вас ждут!!!»*

Ирина Данилова.

М.Г. Мальцев,
писатель-краевед, древлехранитель Череповецкой епархии,
член Вологодского Союза писателей-краеведов

Из истории массовых репрессий против священнослужителей и верующих на территории Череповецкой епархии

XX век стал трагическим периодом в истории Русской Церкви. По подсчетам специалистов, в истории Вселенской Церкви никогда не было таких масштабных, всеохватывающих, длительных и непрерывных гонений, как в России в XX веке. В результате этих гонений, Русская Православная Церковь оказалась почти полностью обескровлена: к концу 1930-х годов почти все храмы были закрыты, а абсолютное большинство священнослужителей было либо расстреляно, либо сидело в лагерях и тюрьмах.

К началу Великой Отечественной войны из более 1300 храмов Вологодской области, существовавших в 1918 г., действующим оставался всего один – Рождества Богородицы у Горбатого моста г. Вологды, причем в распоряжении верующих находился лишь его первый этаж, на втором располагался архив НКВД. Все остальные церкви были закрыты, и добиться этого удалось, главным образом, за счет репрессий против священнослужителей и активных верующих.

Главным источником для изучения истории массовых репрессий на территории Череповецкого края являются материалы архива УФСБ по Вологодской области. Они позволяют проследить практически все этапы репрессивной политики. В фондах архива сосредоточено несколько тысяч дел на священнослужителей и верующих. При этом необходимо отметить, что фонды архива не дают полной картины репрессий. В частности, документы по красному террору на территории Череповецкого края сосредоточены, главным образом, в Череповецком центре хранения документации (ЧЦХД). Интересно, что они до сих пор засекречены, несмотря на то, что срок давности по делам давно истек. Анализ анкет священнослужителей, в которых обязательно указывались факты нахождения под следствием, позволяет увидеть, что фонды архива УФСБ по Вологодской области за 1920-1930-е годы также имеют серьезные лакуны. Заполнить их отчасти позволяют материалы ЧЦХД, Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ), Государственного архива Новгородской области (ГАНО), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального архива УФСБ и региональных архивов УФСБ, так как часть дел на череповчан, в силу различных причин, остались там, и других архивохранилищ.

Гонения против священнослужителей и верующих начались почти сразу после Октябрьского переворота. Всего через 6 дней после него принял мученическую смерть священник Екатерининского собора в Царском Селе (под Петроградом) священномученик Иоанн Царскосельский (Кочуров). Его расстреляли 31 октября 1917 года (все даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю, с февраля 1918 г. – по новому).

Спустя полмесяца революционные потрясения докатились и до Череповецкого края.

Одним из первых под удар безбожников попал Леушинский монастырь, оказавшийся под угрозой погрома и высылки сестер. Митрополит Платон (Рождественский) 16 ноября 1917 года от имени Синода сообщил об этом телеграммой Новгородскому губернскому комиссару Временного правительства Булатову. Грамотные действия настоятельницы позволили благополучно разрешить этот инцидент.

В более тяжелом положении оказались представители духовенства г. Белозерска. 27 декабря 1917 года были арестованы священник Спасской церкви Александр Иванович Юшковский и псаломщик собора Василий Николаевич Великанов. Правда, в тюрьме они пробыли недолго. Уже 2 января по ходатайству верующих и священнослужителей их выпустили на свободу, так и не предъявив обвинения. Как видим, накал борьбы с духовенством на территории края поначалу не был очень сильным.

Наиболее кровавые репрессии в 1918 году наблюдались в столице г. Петрограде, где был расстрелян уроженец Череповецкого уезда священномученик Философ Орнатский с сыновьями, и на окраинах – в местах соприкосновения с белогвардейцами. Характерный пример – другой уроженец Череповецкого уезда священномученик Пимен (Белоликов), епископ Семиреченский и Верненский, погибший в г. Верном (ныне Алма-Ата). В том же 1918 году мученически прервалась жизнь уроженки г. Череповца Анны Демидовой, расстрелянной вместе с царской семьей в доме Ипатьева (г. Екатеринбург). А 13 ноября в Сольвычегодске расстреляли бывшего игумена Филиппо-Ирапской пустыни преподобномученика Леонида Молчанова.

Несмотря на меньшую остроту противостояния государства и Церкви в Череповецкой губернии, она одной из первых пополнила список кровавых преступлений большевистского режима. 8 марта 1918 года (задолго до расстрела Философа Орнатского, Пимена (Белоликова), Леонида (Молчанова) и Анны Демидовой) был расстрелян священник Бельской церкви Устюженского уезда (ныне Чагодощенский район) Павел Александрович Кушников. За два дня до этого (6 марта) фактически без суда и следствия были расстреляны пятеро выходцев из духовного сословия, обвиненные в «белогвардействе»: возвратившийся из германского плена, израненный (16 ран) герой войны, георгиевский кавалер, поручик 4 Сибирского полка Александр Дмитриевич Моденский – 23 лет, устюженские уроженцы Александр Тюльпанов, Александр Примов Александр Яковцевский и студент Петроградского университета Николай Екатерининский – все в возрасте от 18 до 20 лет.

На Поместном Соборе это злодеяние было осуждено, а священник Павел Кушников неоднократно поминался в числе первых страдальцев за святую веру.

20 января (2 февраля) 1918 года Советом Народных Комиссаров был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», вступивший в силу через три дня. Им определялись взаимоотношения нового руководства страны и верующих в первые годы советской власти. Главными мероприятиями, прописанными в декрете, стали: национализация церковного имущества, прекращение преподавания Закона Божия в светских учебных заведениях, регистрация актов гражданского состояния в ЗАГСх, а не в храмах, принятие курса на государственный атеизм. Наиболее болезненным для верующих стала национализация имущества, которая положила начало разграблению храмов и монастырей по всей территории, подконтрольной большевикам. При этом нередко приходилось преодолевать упорное сопротивление верующих, что вело к кровопролитию. Согласно только советским источникам, в период с февраля по май 1918 года выступления верующих и попытки защитить церковное имущество сопровождались гибелью 687 человек.

Репрессии в Череповце начались вскоре после выхода «Декрета». Так, 15 марта 1918 года был арестован настоятель Воскресенского собора протоиерей Владимир Фарфаровский, но верующие добились его освобождения на другой же день. Из воспоминаний П.Л. Павловцева, одного из организаторов становления советской власти в Череповце, мы узнаем об еще одном подобном случае. 23 марта 1918 года комиссар Череповецкого уезда по внутренним делам Чуркин арестовал за неуплату чрезвычайного налога старост (?) Воскресенского и Благовещенского соборов – Зухарева и Богомазова. На следующий день, который был воскресным, прихожане собора после утренней службы вышли на стихийную демонстрацию по Воскресенскому проспекту, требуя освободить арестованных. Комиссар Чуркин, попытавшийся разогнать народ, был обезоружен. Для разгона демонстрации на проспект вышел взвод красногвардейцев, который стал стрелять поверх толпы. Люди в панике стали разбегаться. В этот же день наиболее активные демонстранты и благочинный собора были арестованы. Через несколько дней Чуркин оказался вынужден освободить старост. Этот акт был расценен партийным комитетом как трусость, поэтому на должность народного комиссара внутренних дел уезда был избран другой большевик.

Из «Новгородских епархиальных ведомостей» известно, что в 1918 году арестовали всех без исключения настоятелей городских храмов г. Череповца, но вскоре их выпустили на свободу. То есть до поры до времени сплоченность верующих позволяла противостоять репрессивной политике нового правительства. Но прекращать ее власти и не думали.

Начав со священнослужителей, они вскоре добрались до монастырей и храмов. Еще в 1917 было принято постановление о закрытии всех иноческих обителей. Указанное решение стало активно проводиться в жизнь в 1918 году. В результате, к 1919 году почти все монастыри официально прекратили свое существование. Вместо них были образованы коммуны и сельхозартели, председателями которых во многих случаях продолжали оставаться бывшие игумены и игумении, а работниками – монахи. Весной 1918 года на Севере наблюдался сильный голод, что дало основание властям начать кампанию по реквизиции запасов продовольствия из монастырских житниц, которая поставила монастыри на грань вымирания. Прекрасно иллюстрирует бедственное положение обителей в указанный период следующая телеграмма настоятеля Кирилло-Новоезерского монастыря Иоанна Новинского в Новгородское епархиальное управление: «Новоезерский монастырь в безвыходном положении. Все взято в советское хозяйство. Последние крохи продовольствия доедаем. Что нам предпринять, куда деваться, прошу ответить телеграфом. Архимандрит Иоанн». Ответ из духовной консистории показателен не менее чем процитированная телеграмма: «В таком же положении и остальные обители. Нужно братии до последней возможности быть в монастыре и охранять святыни».

Подобные реквизиции, как уже отмечалось, не всегда заканчивались мирно. Показательно в этом отношении дело священника и игумении Ферапонтова монастыря, которое имело кровавое завершение (расстрел семи ни в чем не повинных человек, в том числе епископа, священника и игумении) – осенью 1918 года.

Епископ Кирилловский священномученик Варсонофий (Лебедев), игумения преподобномученица Серафима (Сулимова) и четверо мучеников-мирян были расстреляны недалеко от Кириллова, как заложники, без суда и следствия 15 сентября 1918 года по надуманному делу коммуниста Костюшко. А еще через месяц в череповецкой тюрьме по тому же делу расстреляли священника сщмч. Иоанна Иванова. Так было отмечено начало Красного террора на территории нашего края.

К счастью, другие случаи расстрелов череповецких священнослужителей в 1918-1920 годах не фиксируются. Но мирян, подвергшимся кровавым репрессиям, оказалось немало. Только по делу коммуниста Андрея Костюничева из 52 заложников, находившихся под арестом, расстреляли 37 человек, большинство которых, по всей вероятности, являлись православными и верующими. Еще 15 человек были оставлены в качестве заложников «до следующего случая террористического контрреволюционного выступления в уезде». В их число входило два священника (Ниловицкой церкви Кирилловского уезда о. Феодор Смирнов и о. Сергей Третинский), а также староста Вознесенской церкви г. Кириллова, хороший знакомый святого праведного Иоанна Кронштадтского купец Григорий Александрович Вальков.

1919 год пополнил кровавую летопись большевистских преступлений еще одним кощунственным актом. После постановления Наркомата юстиции от 14 февраля 1919 года по всей России прокатилась кампания по вскрытию мощей, которая нередко завершалась серьезными столкновениями между государством и верующими. На территории Череповецкой губернии первыми вскрытию подверглись мощи преподобного Кирилла Новоезерского. Основанием для этого послужило постановление Пятого съезда советов Белозерского уезда от 27 декабря 1918 года. 21 января 1919 года специальная комиссия из 7 человек при большом стечении народа, в том числе архимандрита и монахов Кирилло-Новоезерского монастыря открыла раку. Порядок обеспечивали 10 милиционеров. В тот же день был составлен акт вскрытия, подтвердивший наличие в раке мощей угодника, который подписали, наряду с членами комиссии, архимандрит и монашествующие обители. Это событие прошло относительно мирно. Иначе получилось при попытке вскрыть раку, устроенную над мощами преподобного Сергия Шухтовского, в селе Покров Череповецкого уезда. В местной большевистской печати предлагалось в дальнейшем более осторожно подходить к проведению подобных акций.

К числу завершающих нашумевших дел эпохи Красного террора, имеющего отношение к Череповецкой земле, можно отнести рассказ протопресвитера Михаила Польского о повешении на Царских вратах Благовещенского собора г. Воронежа 27 декабря 1919 (9 января 1920) года уроженца Кирилловского уезда и постриженника Кирилло-Белозерского монастыря архиепископа Воронежского и Задонского священномученика Тихона (Никанорова) во время совершения богослужения и одновременное убийство 160 местных священников. Правда, документальные свидетельства этого злодеяния отсутствуют. Согласно другим источникам, архиерей тихо почил о Господе 27 февраля 1920 года, заболев тифом, свирепствовавшим тогда в Воронеже, и был погребён в склепе Благовещенского собора.

Таким образом, в первые месяцы советской власти и годы красного террора, на территории края было расстреляно по церковным делам 13 человек (в том числе 1 епископ, 2 священника и 1 игумения). За пределами края прервались жизни, по меньшей мере, 5 местных уроженцев (в том числе 1 архиепископа, 1 епископа, 1 игумена и 1 протоиерея). Всего 18 человек, значительная часть которых была прославлена в лике святых. Всего 1918-1920 годы дали миру 12 ныне канонизированных РПЦ для общецерковного почитания череповецких новомучеников и исповедников и 1 местную святую, прославленную РПЦЗ.

Число арестов священнослужителей не поддается точному учету из-за скудости источников. Но одно несомненно, только на территории края они исчислялись десятками.

К 1920 году священнослужители и монашествующие Череповецкого края

смогли, в целом, приспособиться к изменившимся условиям. В 1920 г. на его территории практически повсеместно завершилась регистрация церковных общин и преобразование монастырей в сельхозартели, то есть декрет об отделении церкви от государства оказался реализован по всем своим статьям. Причем монастырские сельхозартели и коммуны показали свою высокую эффективность, поэтому в местной атеистической прессе с завидной периодичностью стали появляться статьи, где предлагалось ...брать пример с монашествующих. Аресты, а, тем более, расстрелы священнослужителей и активных прихожан практически сошли на нет. Казалось бы, жизнь стала входить в нормальное русло. Но это было затишье перед бурей.

Уже в 1921 году наблюдается активизация атеистической работы и параллельно набирает обороты репрессивная кампания против верующих. В пределах Череповецкой губернии первым крупным делом против священнослужителей нового этапа репрессий стало привлечение к суду по представлению ЧК почти всех священников города Устюжны: протоиерея Богородице-Рождественского собора Иоанна Дометиевича Адрианова, священников того же собора Дмитрия Михайловича Ростовцева и Сергия Ивановича Казанского, священника Благовещенской церкви Константина Яковлевича Спасского, священника Христорождественской (Покровской) церкви Михаила Алексеевича Смирнова, священника Казанской церкви Афанасия Арсеньевича Беляева, священника Преполовенской церкви Дмитрия Михайловича Тюльпанова (отца одного из казненных 6 марта 1918 года так называемых «белогвардейцев»). Летом 1921 года в Череповце арестовали епископа Кирилловского Тихона (Тихомирова), окормлявшего приходы Череповецкого, Кирилловского и Белозерского уездов. Точные причины ареста не известны, так как следственное дело пока обнаружить не удалось.

Пик репрессий падает на 1922-1923 годы. Толчком к нему послужила конфискация церковных ценностей для помощи голодающим в Поволжье, а программа задана известным письмом В.И. Ленина с требованием расстрелять как можно больше «представителей... реакционного духовенства».

В этот период были арестованы и приговорены к реальным срокам заключения патриарх Тихон, митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), в ведении которого находились приходы и монастыри Череповецкого края, другие архиереи, настоятели и настоятельницы обителей, что позволило ОГПУ дестабилизировать церковное управление и расколоть Русскую Православную Церковь. В числе арестованных значатся настоятельница Леушинского монастыря игуменья Агния (Благовещенская) и казначей той же обители монахиня Серафима (Щурова), настоятельница Парфеновского монастыря игуменья Рафаила (Рогозина), настоятель Кирилло-Белозерского монастыря архимандрит Анастасий (Агафонов) и другие. Наиболее распространенной статьей обвинения являлось сокрытие церковных ценностей или препятствование их изъятию. Хотя встречались и явно абсурдные поводы для репрессий. Например, архимандрит Анастасий (Агафонов) был арестован по обвинению в «краже ржи» из ...монастырского амбара, а игуменья Рафаила (Рогозина) – в укрывательстве бандитов. Как и в 1918-1919 годах, несмотря на тяжесть мнимой «вины» осужденных, наказания назначались достаточно мягкие. Например, игуменья Рафаила была приговорена к 5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 10 лет по статьям 76, 36 УК РСФСР и принуждением покинуть Парфеново. Игуменье Агнии (Благовещенскую) приговорили к 5 годам высылки. Как видим, в большинстве случаев реальные сроки заключения череповецкими судами выносились нечасто, главной целью проводимых процессов являлось стремление оторвать настоятелей обителей от

окормляемых ими монашествующих с целью дестабилизировать церковную жизнь. Расстрелов среди священнослужителей Череповецкого края не зафиксировано. Во многом это объясняется относительной бедностью череповецких храмов и отсутствием активного сопротивления верующих изъятию ценностей. Самым известным процессом, характеризующим данный этап репрессий, является дело на настоятеля Уломского прихода Череповецкого уезда священномученика Феодора Беляева, ныне хранящееся в архиве УФСБ по Вологодской области (Д.П. 1600, здесь и далее в скобках мы указываем шифры дел указанного архива). 17 мая 1922 года по нему было осуждено 8 человек. Самые длительные сроки заключения (4 и 5 лет, соответственно) получили о. Феодор и активная прихожанка О.В. Левина. Правда, спустя 1 год и три месяца все осужденные были амнистированы.

Изъятие церковных ценностей и последующие аресты патриарха и архиереев, позволили ОГПУ добиться передачи церковного управления в руки раскольников-обновленцев. В 1923 году образовалась самостоятельная Череповецкая обновленческая епархия, в ведение которой перешло абсолютное большинство храмов Череповецкой губернии. В 1924 году после выхода на свободу патриарха Тихона и назначения им на Череповецкую кафедру епископа Макария (Опоцкого) начинается процесс возвращения верующих в лоно Патриаршей Церкви. Когда положение обновленцев стало критичным, местные органы ОГПУ и милиции, до этого спокойно наблюдавшие за происходившими изменениями, неожиданно начали активную репрессивную кампанию против священнослужителей и монашествующих, состоявших в юрисдикции Патриаршей Церкви. Поводом для арестов и вызовов к следователю, начавшихся в августе 1924 года и продолжавшихся в сентябре и октябре, стало поминовение в храмах патриарха Тихона, что приравнивалось к контрреволюционной пропаганде. Возношение имени главы Русской Церкви являлось также поводом для закрытия храмов и монастырей, допустивших «нарушения». Как правило, основанием для возбуждения дел, служили доносы, подписанные обновленческим «епископом» Череповецким Иоанном Звездкиным и членами епархиального управления. Благодаря им в 1924 году были закрыты Кирилло-Белозерский, Тихвинский Успенский монастыри, Нило-Сорская пустынь и ряд храмов, в том числе Христорождественская и Сретенская церкви в губернском центре г. Череповце.

Из материалов, хранящихся в Череповецком центре хранения документации, известно, что следственные действия были возбуждены против священника Шухободской церкви Череповецкого уезда Димитрия Малинина, священника Абакановской церкви того же уезда Николая Соловьева. Оба батюшки, не выдержав преследования, отказались от поминовения патриарха и со своими общинами перешли в обновленчество. В поминовении патриарха были обвинены и священнослужители Кирилловского уезда: Соловьёв (Николо-Волокославинская церковь), Александр Павлович Черняев (Славянско-Вознесенская церковь), Иван Васильевич Смирнов (Прислонская Сретенская церковь), Николай Исаев (Воскресенско-Рукинская церковь), Николай Петрович Соболев (Параскево-Нилободовская церковь Талицкой волости), Василий Александрович Крупнов (Петропавловская Ситская церковь). Было принято решение расторгнуть договоры с их общинами, а дела на священников передать в ОГПУ. Правда, в большинстве случаев до реальных сроков дело не доходило, так как некоторые священнослужители соглашались после соответствующего внушения вернуться в юрисдикцию обновленцев. В случае несогласия они просто отстранялись от должности. К числу немногочисленных исключений следует отнести дело на епископа Тихвинского Антония (Демянского). Он был арестован в сентябре 1924 года и 19 июня 1925 года приговорён к 3 годам концлагерей с

последующей заменой на ссылку, где и скончался.

В течение августа-октября 1924 года властям удалось почти полностью восстановить пошатнувшиеся были позиции обновленцев, и вопрос о помощи им был снят с повестки дня. А после кончины патриарха Тихона (7 апреля 1925 г.) обвинение в его поименовании и вообще утратило всякий смысл. Поэтому ОГПУ начинает прорабатывать другие направления своей работы по борьбе с инакомыслием.

31 октября 1925 года был арестован священник Николо-Волокославинской церкви Кирилловского уезда Василий Александрович Крупнов. 30 мая 1926 года он был признан виновным в контрреволюционной деятельности и осужден (Д.П. 17825).

24 сентября 1926 года черный воронок приехал за строгим ревнителем канонов Православной Церкви, благочинным, священником Логиновской церкви Череповецкого уезда Михаилом Павловичем Смирновым (будущим архиепископом Леонтием). 7 февраля 1927 года суд не нашел оснований для его содержания под стражей и выпустил на свободу (Д.П. 3694), что во многом было связано со снижением накала репрессивной кампании.

Пожалуй, самым громким судебным процессом середины 1920-х годов стало возбужденное весной 1926 года уголовное дело (Д.П. 3711) против епископа Череповецкого Макария (Опоцкого) и ряда священнослужителей и монашествующих (всего 4 человека). 25 июня 1926 года трое фигурантов, включая владыку, были приговорены к 3 годам лагерей.

В том же 1927 году органы ОГПУ возбудили новое дело на священнослужителей и активных верующих г. Череповца по обвинению в общении с епископом Макарием и участии в созданном им епархиальном совете (Д.П. 5726). 5 декабря 1927 года пятеро фигурантов, включая настоятелей единственных городских тихоновских храмов протоиерея Кирилла Голубева и иерея Андрея Артамонова, были приговорены к высылке за пределы Ленинградской области сроком от 3 до 6 лет. Символично, что дата их осуждения совпала с датой досрочного освобождения епископа Макария, общение с которым и вменялось им, главным образом, в вину.

Цель данной репрессивной акции яснее вырисовывается из последующих событий. Одновременный арест настоятелей главных и единственных тихоновских общин г. Череповца позволил местным органам ОГПУ добиться успеха в деле распространения очередного крупного раскола – григорианского. В 1928 году почти все тихоновские храмы Череповца и его ближайших окрестностей в радиусе 5 км от города (включая Христорождественскую и Богородскую) перешли в ведение григорьевцев. В юрисдикции Патриаршей Церкви осталась только Сретенская и Носовская общины. То, что это была продуманная акция, свидетельствуют материалы архива УФСБ. В частности, в январе 1928 года секретный отдел вологодского ОГПУ дает инструкции своим агентам следующего содержания: «При выявлении приходов или лиц склонных к ВВЦС [то есть григорианскому расколу Патриаршей Церкви], проработать вопрос о... переводе их в ВВЦС». Если это будет затруднительно, «использовать моменты колебаний для перевода хотя бы в обновленчество».

8 апреля 1929 года принимается Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», резко ужесточившее механизмы регулирования и контроля за религиозными организациями и ограничивший деятельность в них духовенства. Одновременно значительно увеличиваются страховые выплаты и налоги за церковное имущество, превращающие пользование храмами в непосильное бремя для верующих. В результате, в 1929-1930 годах ряд общин были вынуждены «добровольно» отказаться от своих церквей. В 1929 году

государство берет курс на коллективизацию и одновременное закрытие, по возможности, всех храмов, что способствовало активизации репрессивной кампании против священнослужителей и верующих. Значительная их часть была раскулачена и отправлена в ссылку, главным образом, в Мурманскую область. В архиве УФСБ по Вологодской области имеется несколько десятков таких дел. В число раскулаченных попали священник Борисовской церкви Череповецкого района Алексей Павлович Орнатский, священник Хилетской церкви Иван Андреевич Ильин, священник г. Устюжны Павел Степанович Кедров с домочадцами и многие другие.

Наряду с раскулачиванием к священнослужителям стали применяться и другие виды наказания. Интересно, что, главным образом, они осуждаются уже не за политические, а экономические преступления (несвоевременная уплата налогов, несогласованный убой личного скота, занятие гомеопатией и т.п.). Например, 15 апреля 1931 года «за неуплату единовременного налога» были осуждены на пятилетнюю ссылку все священнослужители Уломского прихода: настоятель священномученик Феодор Беляев, второй священник Иоанн Садофович Попов, диакон Сергей Александрович Тогатов. Правда, верующие не стали сидеть сложа руки, а отправили делегацию в Москву к всесоюзному старосте М.И. Калинину. В результате, дело пересмотрели и всех осужденных оправдали. Осенью того же 1931 года они вернулись на родину. Всего в 1930-1931 годах судебному преследованию были подвергнуто несколько десятков священников края, часть из них были отправлены в ссылки и лагеря, откуда некоторые так и не вернулись.

Немногим лучше оказалось положение оставшихся на свободе. XX век многие исследователи называют временем бескровного мученичества. Большевики сумели найти изощреннейшие методы преследований верующих. Одно из них – приравнивание священников, независимо от их реального дохода, к классу кулаков и исчисление им налогов по индивидуальной шкале, часто значительно превышающих реальный доход. В случае неуплаты налога производилась конфискация имущества. Характерный пример – судьба священника Шухободской церкви Череповецкого района Димитрия Малинина. Местные власти исчислили ему налог, в несколько раз превышающий реальный доход, который священник, естественно, в срок уплатить не смог. Тогда у него в счет налога конфисковали дом и подсобные помещения (оценочную стоимость которых при этом существенно занизили). Но и на этом чиновники не успокоились. На о. Димитрия, лишившегося всего своего имущества, был наложен огромный штраф за несвоевременную выплату налога. Священник, оставшийся без жилья, вынужден был переехать на хутор, расположенный в нескольких километрах от храма. Ему приходилось ежедневно для совершения богослужений совершать нелегкие путешествия в Шухободь по бездорожью, а зимой еще и в кромешной тьме. Отец Димитрий попросил чиновников разрешить ему проживать в церковной сторожке. Несмотря на то, что священник числился церковным сторожем и сторожка находилась на балансе церкви (община за нее исправно платила налоги), в просьбе священнику было отказано. Не помогла ему даже жалоба, направленная лично И.В. Сталину. В конце концов, о. Димитрия, оставшегося по милости властей нищим и бездомным, арестовали и принудительно выслали из Шухободи.

Наряду с экономическими преследованиями священнослужителей (лишением их домов и личного имущества, обложением непосильными налогами, твердыми заданиями, отправкой на принудительные работы и лесозаготовки) органы ОГПУ отнюдь не пренебрегали механизмами уголовного преследования священнослужителей и верующих по политическим мотивам. Число обвинений в

«контрреволюционной агитации», хоть и уступает первой группе, но остается весьма значительным. Смертных приговоров в этот период выносятся относительно немного. Например, 10 февраля 1931 года было осуждено 8 священнослужителей и мирян Кирилловского района, трое из которых (протоиерей Александр Михайлович Фомин, известный историк Ферапонтова монастыря Иван Иванович Бриллиантов и активный церковник Никита Степанович Игнатъев) были приговорены к высшей мере наказания (Д.П. 14648).

В общении с ними, а также поминовении расстрелянных советской властью священнослужителей, князей и княгинь был обвинен епископ Череповецкий Нифонт (Фомин). По его делу проходило 16 человек, главным образом священнослужителей и монашествующих г. Череповца и его ближайших окрестностей. Семеро осужденных, включая епископа Нифонта, были приговорены к 3 годам лагерей, еще семеро – к 3 годам ссылки, а двое освобождены за недостаточностью улик (Д.П. 6677).

1930-1931 годами датируется еще несколько десятков политических церковных дел, по которым преследованиям подвергались, главным образом, представители Патриаршей Церкви. Так, 18 марта 1930 года, к 5 годам лагерей приговорили священника Иоанна Николаевича Светлова, 27 марта 1930 года к 10 годам лагерей приговорили настоятеля Даргунской церкви Череповецкого района Николая Ивановича Ильинского. 5 февраля 1931 года 5 лет лагерей получил уже упоминавшийся нами священник Логиновской церкви Михаил Павлович Смирнов. Имели место и более мягкие наказания. Например, благочинный Пришекснинского района, протоиерей Ковжской церкви Алексей Евсеевич Колкачский 27 марта 1930 года был осужден на 3 года лагерей условно. А дело в отношении бывшей послушницы Леушинского монастыря Устины Михайловны Громовой и вовсе прекратили.

Репрессии не обошли стороной старообрядцев, а также представителей других конфессий и течений внутри Православной Церкви. В частности, 11 марта 1930 года были осуждены монахини Березниковской старообрядческой пустыни Пришекснинского района. А 18 марта к 5 годам лагерей приговорили настоятеля обновленческого Ямышевского прихода Кадуйского района священника Иоанна Александровича Троицкого. Из лагеря он не вернулся.

Таким образом, 1929-1930 годы можно считать временем, когда государство берет решительный и последовательный курс на «искоренение религиозного дурмана» (во всех его проявлениях), используя для этого все имеющиеся в его арсенале средства, включая аресты священнослужителей, но эти аресты к смертным казням приводят в достаточно редких случаях.

Февраль 1932 года стал временем проведения очередной крупной антицерковной кампании, направленной в первую очередь против монашествующих. Главный удар органы ОГПУ в центральных регионах нанесли в так называемую «святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 года. 17-18 февраля аресту подверглись и сестры Леушинского монастыря, проживавшие в Ленинграде на территории официально закрытого к тому времени монастырского подворья. В числе арестованных была игуменья Леушинского монастыря Агния (Благовещенская), заведующая подворьем монахиня Аполлинария (Мухина), послушница Зинаида Благовещенская (родная сестра игумении Агнии) и другие. Всего около 30 человек. Почти все они были приговорены к 3 годам ссылки в Среднюю Азию.

Репрессии против монашествующих не обошли стороной и Череповецкий край. 4 февраля 1932 года была арестована монахиня Леушинского монастыря Анастасия Богословская, проживавшая в селе Леушино. Ее приговорили к 3 годам ссылки в Казахстан. 29 февраля сотрудниками Мяксинского райотдела ОГПУ

были арестованы юродивая монахиня Нектария (Анучина), монахиня Екатерина Амосова, проживавшие в селе Леушино и местные священники – иеромонах Серафим (Жизнин), служивший в Похвальском соборе обители, и отец Донат Носов, числившийся, согласно материалам дела, священником Пустынской церкви Леушинского монастыря. 17 апреля 1932 года состоялся суд, по приговору которого монахиня Нектария, иеромонах Серафим (Жизнин) и священник Донат Носов были осуждены к 3 годам исправительно-трудовых лагерей, а Екатерина Амосова – к 3 годам ссылки в Казахстан (Д.П. 3679). 15 сентября 1932 года органы ОГПУ в Череповце арестовали монахиню Севастиану (Богданову). 8 декабря она и еще четверо подследственных были осуждены (Д.П. 3878). В ноябре 1932 года волна арестов докатилась до инокинь Горицкого монастыря, проживавших в Кириллове. 15 марта десять монахинь и послушниц признали виновными в «контрреволюционной агитации» (Д.П. 7686). 29 декабря 1932 года арестовали монахиню Леушинского монастыря Авраамию (Завьялову), проживавшую в селе Гришкино. Суд над ней и 8 прихожанами Гришкинской церкви состоялся 15 марта.

Таким образом, весь 1932 год прошел под эгидой борьбы с монашествующими. Но, несмотря на это, полного уничтожения тайных иноческих общин властям добиться не удалось. На территории нынешней Ленинградской области вплоть до 1937 года существовала мужская Забудуценская пустынь, а на Череповецкой земле, по меньшей мере, до 1940 года монашествующие подвизались в стенах Антониево-Черноезерской пустыни Пришекснинского района.

В 1932-1933 годах не прекращались репрессии и против белого духовенства. 21 апреля 1933 года был осужден священник Смердомльской церкви Верхнечагодощенского района вместе с группой из 6 прихожан.

Как видим, в 1930-х годах наблюдается тенденция фабрикации преимущественно групповых дел, численность фигурантов по которым постепенно растет. Апогеем этой политики стала фабрикация самого крупного церковного дела Череповецкого края первой половины 1930-х годов, по которому было осуждено 54 человека, а фигурантов имелось еще больше. 1 января 1934 года был арестован у себя на квартире в Тихвине епископ Кирилловский, управляющий Череповецкой епархией Валериан (Рудич), обвиненный в связи с «евлогиевцами». Вслед за этим начинаются массовые аресты священнослужителей обширной Череповецкой епархии, которая, помимо западной трети нынешней Вологодской области, включала часть современных Новгородской и Ленинградской областей. В короткое время были арестованы причты почти всех храмов данной территории. 3 марта 1934 года состоялся суд, по которому большинство фигурантов дела (54 человека) были осуждены на разные сроки, чаще всего, 5 лет лагерей (Д.П. 11823).

10 июля 1934 года произошли серьезные изменения в структуре карательных органов. ОГПУ был включен во вновь образованный наркомат внутренних дел (НКВД), руководителем которого становится Генрих Ягода. Организационные перемены в высших эшелонах власти на время снизили накал репрессивной операции против священнослужителей. Поэтому вторая половина 1934 и 1935 годы прошли относительно спокойно. Новый пик репрессий приходится на начало 1936 года. В январе 1936 г. был арестован настоятель Лохотской церкви Череповецкого уезда священник Вениамин Александрович Тюльпанов, но 20 января дело в его отношении прекратили. Аналогичным образом завершилось уголовное преследование в отношении псаломщика того же храма Якова Петровича Верещагина. 16 февраля 1936 года он был оправдан. В худшем положении оказался настоятель обновленческой Семено-Раменской церкви Петриневского района Василий Осипович Троицкий, 18 февраля 1936 года

он был осужден.Пятилетней ссылкой завершилось дело в отношении благочинного тихоновских церквей протоиерея Ковжской церкви Пришекснинского района Алексия Евсеевича Колкачского. Его арестовали 18 июня по обвинению в контрреволюционной агитации и в тот же день приговорили к высылке.

Как видим, наказания в этот период назначаются достаточно мягкие, а расстрелы священнослужителей на территории Череповецкого края, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, и вообще не фиксируются.

Подведем итоги самой всеобъемлющей и массовой на тот момент репрессивной кампании 1929-1936 годов. К началу 1937 года Церковь на территории Череповецкого края переживала не лучшие времена, более половины храмов были закрыты. Остальные находились под угрозой закрытия, по крайней мере, местные власти изыскивали всевозможные поводы для этого. Значительно сократилось число прихожан: 20-летие атеистической агитации не прошло бесследно. Уменьшилось и число священнослужителей, репрессии сделали свое дело. Тем не менее, говорить о разгроме Церкви не приходилось. Наоборот, верующие стали еще более сплоченными и готовыми ради Христа идти на смерть. Хотя число церквей и резко сократилось, но к прекращению богослужений это не привело, так как ликвидации подверглись, главным образом, домовые, ведомственные, монастырские и вторые приходские храмы. Большинство приходов продолжало действовать. То есть антицерковная кампания, хоть и не потерпела полного фиаско, как наблюдалось в 1920 году, но, несомненно, не достигла требуемых результатов, что не могло быть благосклонно воспринято высшим руководством страны.

В полной мере это стало понятно после обработки результатов переписи населения, проведенной 6 января 1937 года, во время которой 1/3 горожан и 2/3 сельчан объявили себя верующими. Более того, выяснилось, что вера оказалась особенно сильна в среде образованных людей. Среди неграмотных православные верующие от 16 лет и старше составляли 67,9%, среди грамотных – 79,2%. Все это свидетельствовало о провале атеистической кампании. Материалы переписи были запрещены для использования, а многие из тех, кто ее осуществлял, подверглись репрессиям.

Поэтому в высших эшелонах власти и карательных органах начинают разрабатываться новые более действенные методы борьбы с инакомыслием и подготавливается почва для нанесения сокрушительного удара по Русской Церкви. Главная ставка, как бывало неоднократно, делается на структуры НКВД

26 сентября 1936 года наркомом внутренних дел становится Николай Иванович Ежов, с именем которого связан самый кровавый период репрессий. Своего апогея террор достиг после выхода 30 июля 1937 года приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». Согласно этому приказу, только в Ленинградской области, к которой тогда относились Белозерский, Кирилловский, Устюженский и Череповецкий районы, предстояло за четыре месяца, то есть ко Дню сталинской конституции и выборам в Верховный совет СССР, осудить «по первой категории», т. е. расстрелять, 4000 человек и «по второй категории», т. е. заключить в лагеря и тюрьмы, 10000 человек. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек, из них расстрелу подлежали 75 950 человек.

Зачем потребовалась столь грандиозная и кровавая спецоперация? В литературе можно встретить указания на болезненную мнительность «Вождя народов» и другие причины. Но главная из них четко вырисовывается из анализа текста постановления и материалов следственных дел. Согласно приказу № 00447 операция должна была начаться 5 августа 1937 г. и продлиться четыре

месяца. 5 декабря отмечался день Сталинской конституции, с чем и связана такая жесткая датировка. Кроме того, на 12 декабря 1937 г. было запланировано проведение выборов в Верховный совет СССР – первых относительно свободных выборов в советском государстве, в которых, согласно новой Конституции впервые (!) было разрешено участвовать всем гражданам России, включая священнослужителей. До этого священники, причетники, а также бывшие кулаки, купцы, дворяне были отнесены к категории лиц, лишенных избирательных прав («лишенцев»). По новой Конституции они не только получили право избирать других, но и сами войти в число депутатского корпуса. Естественно, что данным правом некоторые бывшие «лишенцы» решили воспользоваться. Поэтому, как показалось И.В. Сталину, возникла серьезная угроза избрания в депутаты представителей гонимых сословий или их ставленников. И Иосиф Виссарионович решил обезопасить себя физическим уничтожением или заключением в тюрьмы и лагеря всех, кто мог негативно (в его понимании) повлиять на исход голосования. Интересно, что одной из распространенных статей обвинения церковников значились попытки выдвинуть в депутаты священнослужителей. Некоторые из свидетелей позднее признавались, что согласились подписать ложные обвинения, так как сотрудник НКВД говорил им о необходимости «изолировать» на период выборов того или иного «антисоветчика».

Наиболее массовые аресты и осуждения священнослужителей и верующих на территории Череповецкого края наблюдались с августа 1937 по февраль 1938 годов. Причем, если в предыдущие годы, фиксируется относительно небольшое число смертных приговоров, то в 1937-1938 годах они встречаются в абсолютном большинстве дел.

Первыми пострадавшими в период Большого террора стали тихоновские священники Пришекснинского района: Чаромской церкви Павел Владимирович Розанов и Черноезерской церкви Валентин Иванович Томкевич и 12 мирян. 13 августа 1937 года все были приговорены к высшей мере наказания и 17 августа расстреляны. Столь оперативно приступить к выполнению спецзадания руководителю Череповецкого оперсектора лейтенанту Павлову, во многом, удалось за счет того, что все 14 фигурантов дела были арестованы еще в апреле-мае и следствие над ними велось уже давно. В тот же день был приговорен к расстрелу арестованный 20 мая священник обновленческой Семено-Раменской церкви Петриневского района Николай Владимирович Хромин. Возможно, участь его была бы не столь печальной, если бы не жесткие условия спецоперации и четкие нормы на число расстрелянных, которые Павлов стремился выполнить любой ценой. 6 августа по его приказу арестовывается проживавший в Череповце заштатный диакон тихоновской Нелазской церкви Алексей Михайлович Ключарев, а 7 августа – священник тихоновской Едомской церкви Череповецкого района Кирилл Иванович Барабанов. Следствие над ними было произведено стремительно, 29 августа обоих священнослужителей приговорили к высшей мере наказания и 31 августа расстреляли.

Следует отметить, что Череповецкий оперсектор с первых же дней репрессивной операции захватил роль лидера. Уже в первой декаде августа им было арестовано несколько десятков человек, в том числе около десятка священнослужителей. Помимо упомянутых А.М. Ключарева и К.И. Барабанова за один только день 7 августа были арестованы священник тихоновской Зеленодубровской церкви Кадуйского района Владимир Александрович Тимофеев и группа обновленческих пастырей Кадуйского района: священник Становской церкви Павел Васильевич Братолюбов, священник Андогской Успенской церкви Петр Николаевич Изюмов и безместный священник Андогской Богоявленской церкви Василий Мартемьянович Судаков. Все они были расстреляны в начале

сентября. Причем последние трое пастырей проходили по одному групповому делу

Череповецкие чекисты старались наиболее точно выполнить поставленные перед ними задачи, хорошо помня, что руководство особое внимание советовало уделять выявлению антисоветских организаций. К таковым были отнесены церковные структуры. Поэтому главное внимание оперуполномоченные НКВД стали обращать на священнослужителей и прихожан. Поводом для их ареста на первых порах являлись неосторожные высказывания о бедственном положении колхозов и возможности войны с Германией, что вполне укладывалось в понятия «антисоветской агитации». Позднее уже сам факт хождения в церковь, а, тем более, служения в ней, стал достаточным поводом для начала следственных действий, так как он «однозначно» указывал на принадлежность к контрреволюционной группировке, а для священнослужителей – еще и лидерства в ней.

Если верующий и священнослужитель попадал в поле зрения НКВД, надежд на спасение практически не оставалось. Наименее стойкие под изощреннейшими и жесточайшими пытками, нередко признавали свою вымышленную вину в участии в организации, ставящей перед собой задачу, не более, не менее чем свержение существующего строя, убийства Сталина, развала колхозов, связям с фашисткой Германией и тому подобное. И, тем самым, подписывали себе смертный приговор. Если человек, несмотря на пытки, отказывался признать «вину», материалы его допросов попросту фальсифицировались или, в более редких случаях, указывалось, что он достаточно изобличен показаниями свидетелей и других подозреваемых. То есть расстрела или длительного тюремного заключения он избежать также не мог.

Чуть ли не единственным средством облегчить себе участь являлось «добровольное сотрудничество» со следствием, то есть доносы и клевета на ни в чем не повинных людей.

К доносчикам, как правило, высшая мера не применялась, но лагерного заключения, если они попали в число подозреваемых, избежать удавалось достаточно редко.

Все оперсектора, действовавшие в пределах Череповецкой епархии, активно включились в работу по выявлению «антисоветских организаций» церковников. Это было сделать легче всего, так как большинство приходов Череповецкого края, продолжало функционировать, следовательно, в райисполкомах хранились актуальные списки священнослужителей и церковного актива. В сентябре Череповецкий оперсектор смог «вскрыть и изобличить» несколько таких «группировок». 15 сентября к расстрелу были приговорены священник, псаломщица и активный церковник тихоновской Гришкинской церкви Череповецкого района. 19 сентября к высшей мере наказания приговорили тихоновских священников Абакановской, Чудской и Шухободской церквей того же района и диакона Чудского храма. В тот же день к расстрелу приговорили 12 священнослужителей, монашествующих и активных церковников Мяксинского района.

Как видим, на протяжении августа-октября во всех приговорах троек неизменно встречается лишь высшая мера наказания. И это объяснимо. Перед чекистами были поставлены жесткие нормы репрессий по «первой» (расстрелы) и «второй» (лагерное заключение) категориям. Причем приоритет отводился первой группе. Согласно приказу от 30 августа, в первую очередь следовало предоставить списки осужденных по 1 категории, а уже потом выполнять нормы по 2-й. Таким образом, для осужденных в первые месяцы Большого террора надежд на более мягкий приговор просто не было.

Важно отметить, что череповецкий оперсектор первоначально делает ставку на репрессии против священнослужителей, не формируя крупных групповых дел.

Иначе к делу подошел Тихвинский оперсектор, который 23 сентября приговорил к высшей мере наказания 3 священников и 25 активных церковников Борисово-Судского (ныне Бабаевского) района, которое стало самым крупным на тот момент расстрельным процессом против священнослужителей и верующих на территории края.

Но вскоре пальму первенства перехватил Белозерский оперсектор, который стремительно вошел в число лидеров и удерживал первенствующие позиции вплоть до окончания Большого террора. Дело в том, что его руководитель лейтенант госбезопасности И.Т. Власов, стремясь выслужиться, не останавливался ни перед чем, идя на явную фальсификацию следственных дел, активно используя всевозможные пытки и издевательства. Благодаря этим своим качествам он вошел в историю как фабрикант самого крупного и известного расстрельного дела на священнослужителей, монашествующих и активных верующих «О контрреволюционной повстанческой организации церковников», по которому осудили 102 человека, в том числе 101 был расстрелян.

23 сентября 1937 г. была образована Вологодская область, в состав которой вошли восточные районы Ленинградской области (территория Череповецкого края).

Приказом НКВД СССР № 00623 от 29 сентября 1937 г. было организовано Управление НКВД СССР по Вологодской области, в состав которого вошли: 2 районных отдела и 21 районное отделение из бывшего УНКВД по Северной области, и 18 районных отделений, переданных из УНКВД по Ленинградской области. Возглавил управление ленинградец, майор госбезопасности Сергей Георгиевич Жупахин.

В течение октября шел процесс формирования нового подразделения, поэтому чекисты Череповецкого края продолжали оставаться в оперативном подчинении Ленинградского управления и дела на арестантов отправлялись в Ленинград. Там же приводились в исполнение приговоры тройки. Значительная часть репрессированных в августе-октябре священнослужителей и верующих нашли свой последний приют в Левашовской пустоши под Ленинградом, хотя это далеко не единственное место массовых расстрелов.

Причем число арестов продолжало стремительно расти, а приговоры оставались неизменно жестокие. Почти ко всем осужденным применялась высшая мера наказания.

Интересно, что многие из «новых» уголовных процессов оказались тесно связаны с «Делом о контрреволюционной повстанческой организации церковников» и разбирались в Ленинграде. Так, 22 октября 1937 года Особая тройка в Ленинграде (протокол заседания № 117) рассмотрела два уголовных дела на бывших монашествующих и священнослужителей Горицкого монастыря (Д.П. 11648, Д.П. 12055). По ним 30 октября в Ленинграде расстреляли 43 человека, и еще одна женщина была казнена в Белозерске. Все фигуранты указанных дел были арестованы еще в конце сентября при формировании дела церковников, но, поскольку необходимую сотню удалось к этому времени достигнуть, их репрессировали по отдельным сфабрикованным делам.

К ноябрю 1937 года формирование Вологодского отделения УНКВД завершилось и была образована своя тройка в составе председателя начальника УНКВД С.Г. Жупахина и членов: 2-го секретаря обкома ВКП(б) Н.А. Люстрова (вскоре арестованного) и заместителя прокурора Вологодской области по спецделам Савгирова. Позднее в состав тройки, кроме С.Г. Жупахина, входили:

1-й секретарь обкома ВКП(б) П.Т. Комаров (им подписаны протоколы № 7–17, 20, 22–26) и 2-й секретарь обкома Овчинников (им подписаны протоколы № 18, 19 и 21), а также прокуроры Вологодской области Дрожжин (им подписаны протоколы № 18–24) и Зайцев (им подписаны протоколы № 25–28). Для нового подразделения были установлены свои нормы репрессированных. Прибыв в г. Вологду в конце сентября 1937 года С.Г. Жупахин начал активно претворять в жизнь директивы и приказы НКВД о борьбе с «врагами народа». Первым делом он запросил руководство НКВД увеличить лимиты по первой категории на 1000 человек, по второй категории – на 1500 человек.

Тройка УНКВД по Вологодской области приступила к своей работе 2 ноября 1937 года и завершила ее 22 сентября 1938 года. За этот период было проведено 26 заседаний. Всего на основании решений тройки было репрессировано 4705 человек, в том числе 2090 человек (почти половина) приговорены к расстрелу и 2615 чел. (55,6%) – к заключению в ИТЛ (в абсолютном большинстве случаев на 10 лет). Из них по обвинению в контрреволюционных преступлениях осудили 4524 человек (96,2 %), из которых более 4000 чел. в протоколах тройки значились как «бывшие кулаки» (то есть в большинстве своем люди верующие и воцерковленные, к данной категории обычно относили и священнослужителей). Показательно, что всего 181 человек (3,8 %) был репрессирован как уголовный элемент, то есть борьба велась, главным образом, с законопослушными гражданами.

В период деятельности Вологодской тройки в застенках уже содержалось множество арестованных, поэтому фабрикация очередных крупных следственных дел не составляла особого труда. Тесную связь с «Делом о контрреволюционной повстанческой организации церковников» имело так называемое Моденское дело, главным фигурантом которого стал священник Гурьевой Шалочской пустыни, бывший послушник Филиппо-Ирапской пустыни и Николаевского Моденского монастыря Александр Матвеевич Жаринов (в следственном деле записан под фамилией Жарин). В мае 1937 года всего на сутки он заехал навестить своего бывшего настоятеля игумена Алипия (Быстрова), одного из главных обвиняемых по делу церковников, и это предрешило его участь.

Справедливости ради следует отметить, что Устюженский оперсектор отнюдь не являлся лидером в деле репрессий против священнослужителей. Вторым по величине церковным делом стало осуждение к 10 годам лагерей троих представителей церковного совета обновленческой Казанской общины г. Устюжны. Интересно, что по нему не проходило ни одного священника. Анализ архивных документов свидетельствует, что большинство священников Устюженских церквей, служивших в 1937 году, смогли избежать репрессий эпохи Большого террора.

К сожалению, этого нельзя сказать о других регионах. В числе главных лидеров антицерковной кампании в октябре-ноябре продолжали оставаться Череповецкий и Белозерский оперсекторы, где ежедневно арестовывались десятки священнослужителей и верующих. Большинство групповых следственных дел 1937-1938 годов затрагивают один или несколько смежных приходов. Настоятели храмов в них, как правило, именуется «главами контрреволюционной организации» и, в абсолютном большинстве случаев, приговариваются к высшей мере наказания, а активные прихожане – ее членами. Такие дела были сформированы против верующих Романовского Христорождественского (24 осужденных), Борисовского (8 осужденных), Староерговского (6 осужденных), Нелазского (13 осужденных), Кондашского (6 осужденных), Угрюмовского (10 осужденных), Ольховского (21 осужденный) приходов Череповецкого района и многих других.

Глобальные региональные дела, подобные описанному выше, почти не встречаются, за одним исключением. «Образцовое» дело «о контрреволюционной повстанческой организации церковников» заставило Череповецкий оперсектор во многом пересмотреть свою работу и попытаться сфабриковать свое крупное дело, подобное описанному. Правда, время местные чекисты отчасти упустили. Белозеры уже успели арестовать наиболее видных череповецких священнослужителей, принадлежавших к Патриаршей Церкви – епископа Череповецкого Тихона (Рождественского) и председателя епархиального управления, благочинного протоиерея Александра Удалова, а также нескольких местных священников и церковников, принадлежавших к юрисдикции Патриаршей Церкви. Поэтому череповецкие карательные органы начинают раскручивать дело о контрреволюционной организации обновленцев. Их «выручило» наличие в Череповце, наряду с тихоновской, самостоятельной обновленческой епархии, одним из наиболее активных деятелей которой был уполномоченный св. синода «протопресвитер» Василий Рябинин. В ведении о. Василия находились вопросы назначения и перемещения священнослужителей Череповецкого, Белозерского, Кадуйского и других районов. То есть он, также как и епископ Тихон (Рождественский), вполне подходил на роль лидера контрреволюционной организации церковников.

Поэтому Череповецкий оперсектор фабрикует групповое дело о «контрреволюционной церковно-кулацкой повстанческой группировке» г. Череповца, иначе именуемое «Дело священника Василия Рябинина и других» (Д.П. 11104), фигурантами по которому проходит 33 человека (как обновленцев, так и тихоновцев). 10 ноября 1937 года Тройкой при УНКВД СССР по Вологодской области по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР почти все священнослужители и игуменья Рафаила были приговорены к расстрелу, а рядовые церковники и послушница Параскева Афоничева – к 10 годам лагерей. В вину им ставилось «участие в контрреволюционной церковно-кулацкой повстанческой группировке», а для священнослужителей еще и руководство ее подразделениями. Важно отметить, главные лидеры «повстанцев», по понятным причинам, отделались самыми легкими наказаниями.

Дата 10 ноября 1937 года оказалась черной для многих верующих, так как в этот день были вынесены обвинительные заключения по нескольким групповым церковным делам. Среди них особый интерес для историков представляет дело на последователей епископа Макария (Опоцкого), проживавших в окрестностях г. Череповца. По нему репрессировали 9 человек, в том числе священника Иоанна Савичева, приговоренного к расстрелу, и бывшую монахиню Парфеновского монастыря Кириллу (Афоничеву), родную сестру упомянутой выше Параскевы Афоничевой (ее приговорили к 10 годам лагерей). Из дела хорошо видно, какое влияние оказывал бывший череповецкий епископ на церковную жизнь края. Аналогичные дела были заведены на последователей владыки, проживавших в других городах, в том числе Новгородской, Ленинградской и Костромской областях. Значительная часть их фигурантов, включая уроженцев Череповецкого края, подверглась расстрелу.

Уголовные дела против церковников разбирались почти на каждом заседании тройки. Например, 16 ноября 1937 года (протокол № 5) были вынесены обвинительные постановления по контрреволюционной фашистско-повстанческой эсеровско-церковнической организации Сокольского района (69 чел.), контрреволюционной церковнической группе Ольховского сельсовета Мяксинского района (21 чел.), контрреволюционной эсеровской кулацкой повстанческой группе Борисоглебского сельсовета Череповецкого района (13 чел.), контрреволюционной повстанческой группе церковников Богородского сельсовета Усть-Кубинского

района (4 чел.) и Лаврентьевского сельсовета Междуреченского района (5 чел.) и контрреволюционным повстанческим кулацким группам Ковжского сельсовета Белозерского района (6 чел.) и Шольского района (15 чел.). Всего в этот день было осуждено 164 человека, из них 69 приговорены к высшей мере наказания*.

Но, пожалуй, самыми «урожайными» оказались 4 и 8 декабря, когда ежедневно разбиралось до десятка церковных дел, по которым были осуждены многие священнослужители и монашествующие, в значительной части бывшие насельницы Леушинского монастыря**. Более того, 4 декабря вологодская тройка поставила печальный «рекорд», осудив одновременно 674 человека, из которых 461 (68,4%) приговорила к расстрелу, почти в 2 раза превысив свое предыдущее суточное «достижение». Уложиться в одно заседание тройка не смогла, протоколов потребовалось два, что стало очередным антирекордом. Причины столь высоких «показателей» вполне объяснимы. 4 декабря истек срок проведения спецоперации и нужно было «любой ценой» отчитываться об ее «успешном» завершении. Но к 4 декабря дел накопилось так много, что рассмотреть их оказалось физически невозможно. Поэтому тройка собирается и в последующие дни, «трудясь» без сна и отдыха. 5 декабря было осуждено 197 человек, из которых 136 приговорили к расстрелу. 7 декабря – 493, из которых 200 подлежало расстрелу. 8 и 10 декабря тройка сохраняла близкие к рекордным показатели – 493 и 433 осужденных, соответственно. Но высшая мера наказания фиксируется гораздо реже (28 и 22 случая, соответственно). По-видимому, многократно перебрав норму расстрелов, тройка не уложилась в показатели лагерного заключения и решила наверстать упущенное.

После этого наступает десятидневный перерыв в ее работе.

Таким образом, в течение всего 7 дней (4-10 декабря) вологодская тройка осудила 2290 человек, из которых 857 (37,4%) приговорила к расстрелу. Следует отметить, что расстрельные приговоры были исполнены далеко не сразу – лишь во второй половине января следующего 1938 года, так как протоколы утверждались в Москве. А там ответственные работники просто физически не успевали ставить свои подписи под огромным потоком поступающих к ним со всех концов страны подобных документов. Наблюдались определенные проблемы и с процессом исполнения приговоров, так как не в меру раздутый штат НКВД оказался все же недостаточным для оперативного исполнения данной задачи. Известен случай, как в Ярославской области сотрудник спецорганов, фиксируя факты расстрелов, из-за их массовости оказался физически не в силах заполнить все необходимые данные и пошел на хитрость: в графе «Время исполнения приговора» он стал ставить 1 час ночи, так как эта цифра писалась наиболее быстро.

В дальнейшем наблюдается явный спад интенсивности репрессий.

С 21 по 29 декабря 1937 года вологодская тройка собралась трижды, осудив в общей сложности 499 человек, в том числе 147 к высшей мере наказания. В январе 1938 года она провела три заседания, а в феврале – еще два, осудив в общей сложности 426 человек, в том числе 306 к расстрелу. Далее она собиралась по 1 разу в июне, июле и сентябре, осудив 248 человек, из которых 100 полагалось расстрелять. Характерно, что на последнем заседании (22 сентября 1938 г.) были рассмотрены судьбы всего 6 человек и расстрелу подвергнут лишь один. После этого тройка была распущена.

Причина спада активности репрессий легко объяснима. 12 декабря 1937 года состоялись долгожданные выборы в Верховный совет, к которым первоначально планировалось завершить репрессивную операцию. Нормативы по арестам и расстрелам были многократно перевыполнены. И давление на органы НКВД со стороны высшего руководства страны ослабело. Правда,

мгновенно остановить репрессивную машину было невозможно, поэтому она продолжала еще несколько месяцев подминать под себя все новые и новые жертвы. Так, 8 декабря были признаны виновными в контрреволюционной агитации последняя игуменья Леушинской обители Агния (Благовещенская), 5 монахинь, 2 послушницы и 1 церковник, проживавших в Череповце. Матушку расстреляли 25 января 1938 года. В тот же день осудили 8 священнослужителей и верующих (в том числе 2 леушинских монахинь) Коленецкого прихода Пришекснинского района и еще несколько групп церковников.

Последний крупный церковный процесс эпохи Большого террора на территории края против леушинских монахинь, священнослужителей и верующих сразу двух районов (Пришекснинского и Череповецкого) прошел 21 декабря 1937 года (по нему осудили 14 человек).

Полноту трагедии «плановой» репрессивной спецоперации с жестко оговоренными нормативами в государстве со «сверхплановой» экономикой позволяет оценить элементарное сравнение заданных нормативов и реальных результатов. Возьмем плановые цифры для обширнейшей Северной области, которая включала в себя объединенную территорию нынешних крупнейших областей России: Архангельской и Вологодской.

По июльскому плану в течение 4 месяцев (с 4 августа по 4 декабря) следовало в Северной области приговорить к расстрелу 750 человек и к лагерному заключению 2000 человек.

В реальности в пределах одной Вологодской области всего за месяц с небольшим (2 ноября-10 декабря) было приговорено к лагерному заключению 1995 человек и к расстрелу 1537 человек. То есть всего за 1 месяц из 4-х на территории почти в три раза уступавшей Северной области, была полностью выполнена норма по арестам и более чем в два раза перевыполнена норма по расстрелам. Если же эту цифру интерполировать на полный срок спецоперации и на всю территорию, то мы увидим, что планы партии и правительства по убийству своих граждан оказались перевыполнены более чем в 10 раз.

Обратимся к официальным итогам. По данным комиссии «по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии» под председательством П.Н. Пospelова (1956 г.), в 1937-38 годах было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 548 366 человек и из них приговорено к высшей мере наказания 681 692. Как видим, в целом по стране заданные в июле нормативы были перевыполнены в 6 раз (по расстрелам – в 9 раз).

Открытым остается вопрос, какую долю из указанного числа составляли священнослужители и верующие. Подсчитать их на настоящий момент не представляется возможным, что связано со сложностью учета. Далекое не все священники проходили по так называемым церковным делам и, наоборот, по делам церковников нередко осуждались лица, не отличавшиеся особой набожностью. Тем не менее, некоторые (явно приуменьшенные) итоговые результаты исторические источники позволяют получить. Так, Н.И. Ежов в 1937 году докладывал И.В. Сталину: *«В связи с ростом контрреволюционной активности церковников и сектантов, нами, в последнее время, по этим элементам нанесен значительный оперативный удар. Всего в августе-ноябре 1937 года арестовано 31359 церковников и сектантов; из них: митрополитов и епископов – 166; попов – 9116; монахов – 2173; церковно-сектантского кулацкого актива – 19904. Из этого количества осуждено к высшей мере наказания – 13671. В том числе: епископов – 81; попов – 4629; монахов – 934; церковно-сектантского кулацкого актива – 7004»**.*

По данным НКВД, за весь 1937 год было арестовано 33 382 «служителя

религиозного культа» (то есть священнослужителей и церковнослужителей). Вместе с так называемыми «сектантами», к которым нередко причислялись православные верующие, эта цифра возростала до 37 331. В 1938 году за «церковно-сектантскую контрреволюцию» было арестовано 13 438 человек. Причем процент расстрелов вырос с 44 до 59 %.

Подведем итоги Большого террора. Результаты спецоперации на территории Вологодской области оказались разрушительными. Почти все сохранявшиеся к середине 1937 года храмы к 1938 году уже числились недействующими, так как их «служители культа были арестованы». И восполнить потери оказалось некем. В итоге областным чиновникам удалось достаточно безболезненно ликвидировать и переоборудовать под светские учреждения почти все не закрытые на тот момент храмы, оставив в распоряжении верующих к июню 1941 года только одну церковь Рождества Богородицы в Вологде у Горбатого моста.

Необходимо отметить, что репрессии против священнослужителей затронули область неравномерно. Одним из наиболее спокойных уголков оказался Устюженский район, где большинство священников смогли относительно благополучно пережить Большой террор. Поэтому здесь храмы оставались в ведении верующих достаточно долго. Так, богослужения в храме Рождества Христова (Покровском) г. Устюжны прекратились лишь 1 января 1941 года – самыми последними в границах Череповецкой епархии.

Во второй половине 1938 года репрессивная политика советского государства начала кардинально меняться. 17 ноября 1938 г. все «массовые операции» были завершены, деятельность созданных в 1937–1938 гг. «троек», «особых троек», а также Комиссии НКВД и Прокурора СССР («альбомный порядок») официально прекращена. Решения по всем следственным делам должны были выноситься или судебными органами, или Особым Совещанием при НКВД СССР. Данное решение было принято на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). Приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 г. № 0062 приказы, циркуляры и распоряжения НКВД о проведении всех операций были признаны утратившими силу или отменены.

25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел становится Лаврентий Павлович Берия, который начинает крупномасштабную чистку своего аппарата. 14 декабря 1938 года был арестован начальник УНКВД Вологодской области С.Г.Жупахин, которого обвинили во вредительской работе, направленной на фальсификацию следственных дел. Вместе с ним осудили ряд сотрудников НКВД. Часть уголовных дел эпохи Большого террора была пересмотрена и некоторые заключенные освобождены.

Вместе с тем политические репрессии не прекратились. По данным Управления ФСБ России по Вологодской области только в 1937–1940 гг. областным Управлением НКВД было арестовано 10405 человек, большинство из которых осудили по политическим мотивам. Как мы помним, в период деятельности Вологодской тройки (ноябрь 1937- сентябрь 1938 г.) было осуждено 4705 человек (менее половины указанной цифры). Остальные заключенные пострадали в первые месяцы Большого террора, а также в период руководства карательными органами Л.П. Берии.

В число последних попало немало священнослужителей и верующих. Например, 1 декабря 1938 года был вынесен приговор 7 обвиняемым, включая бывшего священника Выксинской церкви Ивана Филатовича Румянцева, шестеро фигурантов «за контрреволюционную агитацию» были приговорены к 10 годам лагерей (Д.П. 1010). Характерно, что четверо осужденных скончались в заключении в 1939 году (спустя непродолжительное время после прибытия к

месту назначения), что красноречиво свидетельствует об условиях заточения.

16 апреля 1939 года было осуждено 9 человек, в том числе бывшие священники Чаромской церкви Пришекснинского района Александр Львович Ильинский и Дмитрий Михайлович Ключарев.

Репрессии против священнослужителей и монашествующих не прекратились и в годы войны. Например, 29 июня 1942 года в Белозерске был осужден священник Феодор Иванович Смирнов, 19 мая 1943 года – монахиня Черноезерского монастыря Вячеслава (Брякина), 23 апреля 1945 года – бывший псаломщик, представитель священнической династии Василий Петрович Перкатов.

В послевоенные годы репрессии продолжились. Так, 4 октября 1950 года к 10 годам лишения свободы был приговорен бывший настоятель Христорождественской церкви г. Череповца протоиерей Андрей Артамонов.

После 1956 года абсолютное большинство вынесенных приговоров было пересмотрено и осужденные священнослужители реабилитированы.

Всего в период с 1988 г. по ноябрь 2005 г. прокуратурой Вологодской области было проверено 10593 архивных уголовных дел в отношении 14532 лиц, осужденных по политическим мотивам за совершение государственных и иных преступлений. Полностью реабилитировано 12610 граждан, отказано 212 лицам. В то же время Управлением ФСБ России по Вологодской области совместно с областной и военными прокуратурами рассмотрено 17184 архивных уголовных дела, по ним реабилитировано 25950 человек.

Это лишь часть незаслуженно пострадавших в советские годы добропорядочных законопослушных граждан, среди которых значительную долю составляли священнослужители и верующие. Точный список их еще предстоит установить. Но одно несомненно, число пострадавших за веру только в границах нынешней Череповецкой епархии исчисляется тысячами.

Использованные источники и литература:

Архивные источники:

1. Архив УФСБ по Вологодской области, а также центральный и региональные архивы УФСБ.
2. Архив УВД по Вологодской области.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО).
5. Государственный архив Новгородской области (ГАНО).
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).
7. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД).
8. Вологодский архив новейшей политической истории (ВОАНПИ).

Опубликованные источники и литература:

1. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 1-7. Тверь, 1992-2002.
2. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Т. 1-5, доп. 1-4. Тверь, 2002-2005.
3. Ленинградский мартиролог 1937-1938. Т. 1-11. СПб., 1998-2010.
4. Мальцев М.Г. Пострадавшие за веру: репрессии против священнослужителей и верующих на территории Череповецкого края. Ч. 1-3. СПб., 2010
5. Синодик священнослужителей и мирян Ярославской епархии, пострадавших в годы гонений. Романов-Борисоглебск, 2003.
6. Доверено охранять Отечество (Из истории органов безопасности в Вологодском крае) / Под науч. ред. М.А. Безнина. – Вологда, 2008.

А.Е. Новиков,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры связей с общественностью,
журналистики и рекламы ГИ ЧГУ

Обычаи и образ жизни крестьян Череповецкого уезда в 70-е гг. XIX века (по материалам диссертации П.И. Грязнова)

Как жили наши предки, русские крестьяне, 100 с лишним лет назад? Вопрос не праздный. Тем более сегодня, когда по этому поводу порой высказываются диаметрально противоположные точки зрения, а дискуссия, связанная с ответом на него, приобрела фактически характер идеологического противостояния. В этом случае, на наш взгляд, только обращение к строго научным, документально обоснованным источникам, поможет найти объективный ответ на поставленный нами вопрос. Одним из таких источников, без сомнения, является диссертация на соискание степени доктора медицины «Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда»¹, написанная П.И. Грязновым по материалам проведенного им в 1874-1879 гг. обследования условий жизни крестьян Череповецкого уезда.

Павел Иванович Грязнов (1848-?) – личность интересная, но загадочная. Достоверно о нем известно немного. С 1874 по 1879 гг. он служил земским врачом в Череповецком уезде (с перерывом для поездки на «театр военных действий», т.е. для участия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.). За годы службы в уезде П.И. Грязнов подготовил диссертацию на степень доктора медицины, посвященную изучению гигиенических условий быта крестьян Череповецкого уезда, которая была издана в Санкт-Петербурге в апреле 1880 г. 2 мая 1880 г. он был удостоен звания доктора медицины. Труд Павла Ивановича получил высокую оценку и, благодаря ему, «онный Грязнов», по словам А.П. Чехова, был «даже приглашен одесситами в главные доктора городской больницы»² (переведен в Одессу старшим врачом в городскую больницу 6 апреля 1883 г.³). Однако, как заметил Антон Павлович далее, посылая своему приятелю – звенигородскому врачу П.Г. Розанову «вырезку из одесской газеты», «не всегда Одесса лучше Череповецкого уезда!»⁴ Это была заметка из «Новороссийского телеграфа» (перепечатанная в газете «Врач», 1885, № 22, 30 мая). В ней сообщалось, что «П. И. Грязнов в начале 1885 г. оставил должность старшего врача одесской городской больницы из-за невозможности бороться со стоявшей во главе больницы комиссией «из торговцев, трактировладельцев и врача, не чуждого коммерции (содержащего лечебницу)»»⁵. Свои впечатления о работе в Одесской городской больнице П.И. Грязнов обобщил в книге «Одесская городская больница и ее порядки» (Одесса, 1885)⁶. Как сложилась судьба Павла Ивановича дальше, мы пока не знаем...

Диссертационная работа П.И. Грязнова была связана с новой в то время отраслью медицины – гигиеной, наукой, занимающейся изучением влияния факторов окружающей среды на здоровье людей и разработкой профилактических мероприятий, направленных на предупреждение заболеваний и укрепление здоровья населения. Одним из основателей этой науки в России был Алексей Петрович Доброславин (1842-1889) – врач-гигиенист, первый

профессор гигиены в России, возглавивший кафедру гигиены Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге в 1871 г. Он и являлся научным консультантом П.И. Грязнова в его работе над диссертацией.

Диссертация П.И. Грязнова – это, безусловно, уникальный труд, представляющий собой комплексное, всестороннее описание всех сторон жизни крестьян Череповского (Череповецкого) уезда во второй половине 1870-х гг. Вопросы гигиены населения рассматриваются Грязновым в контексте исторического развития края, осмысления его географического положения, орографии и гидрографии, геогностики (состояния почв), флоры и фауны, климата, особенностей устройства жилищ, водоснабжения, освещения, социально-экономических условий, особенностей питания, одежды и обуви...

Помимо всего прочего, П.И. Грязнов обращает внимание и на общий характер, на образ жизни крестьянского населения, большая часть которого работает круглый год «усиленно, чтобы обеспечить свое существование»⁷. «...в Уломе мы видели, – отмечает он, – что работа эта чрезмерна и обставлена самым антигигиеническим образом; по количеству труда она подходит к условиям многих фабричных местностей с тем однако различием, что там по крайней мере она регулируется, особенно за границей, специальными законами, гигиенической инспекцией; для взрослых, детей и женщин назначаются определенные законом часы работы, для детей существуют сроки, раньше которых они не могут работать; у уломского населения ничего нет – оно вынуждено работать через силу и прикрывается «собственной волею», направляемой безысходной нуждой»⁸. «При таких условиях, – замечает П.И. Грязнов далее, – трудно ожидать, чтобы у крестьянина явились какие-либо другие потребности высшего порядка, другие интересы, кроме добывания пропитания»⁹.

Характеризуя в целом жизнь крестьянского населения уезда, Грязнов подчеркивает, что она «крайне монотонна, бедна разнообразием впечатлений и мало дает матерьялу для умственного развития. Скучная природа, отличающаяся также угрюмым однообразием, не способна развивать эстетические потребности...»¹⁰

Как отмечает исследователь, осмысливая духовное состояние, психологические особенности крестьянского населения, «гнетущая природа и гнетущие материальные условия порождают <...> постоянное мрачное состояние духа, забитость, отсутствие энергии и предприимчивости и сознание безысходности своего положения»¹¹.

Природные и хозяйственно-бытовые условия накладывают, по мнению Грязнова, свой отпечаток на интеллектуальное развитие крестьян, особенности их умственной жизни, на их нравы и обычаи...

«Находясь веками при таких условиях, понятно, умственная жизнь населения не могла не быть бедною, слабо развитою, – пишет Павел Иванович. – Мне не раз, напр[имер], случалось видеть женщин, которые не могли назвать имени мужей; фамилий крестьяне почти не знают и постоянно смешивают их или с отчеством, или с именем; многие не имеют понятия, что такое волость, губерния, уезд, не знают, что такое земство, не знают деления по роду уплачиваемых ими податей, значение их и т.под.; грамотность стала развиваться только в последнее время»¹² (по собранным автором сведениям, она в данный период находилась на довольно низком уровне, хотя в течение последних 14 лет «земство сумело немало сделать в деле народного образования»¹³). Так, по подсчетам П.И. Грязнова, среднее число «для Земледельческого участка (исследователь разделяет уезд на несколько участков – А.Н.) на 100 чел. населения грамотных вместе с учащимися 21,3% (причем за счет грамотных старообрядцев, проживавших здесь – А.Н.), Уломского 14%, Лесного 10,4%»¹⁴).

«Таким уровнем умственной жизни объясняется масса существующих самых диких предрассудков и суеверий, а также и многие дурные стороны личной и общественной жизни»¹⁵, – заключает П.И. Грязнов свои размышления об умственном развитии крестьян Череповецкого уезда.

Говоря о чертах характера населения уезда, П.И. Грязнов указывает, что он «такой же, как и вообще у великорусов: он отличается простотою, добродушием и искренностью»¹⁶. Однако у некоторых крестьян (особенно в Пригородном и Земледельческом участках) указанные черты сочетаются с «изворотливостью, большею предприимчивостью, другими более худыми качествами: наклоном к разгулу, драчливостью, кляузничеством, лукавством; это служит причиной того, что Череповский уезд отличается от окружающих значительно большим числом возникающих судебных дел, как подлежащих ведению окружных судов, так и мировых судей и прочих судебных инстанций»¹⁷ (наклоном местного населения к кляузничеству, по мнению П.И. Грязнова, объясняется и большое (по сравнению с другими местностями России) число зафиксированных преступлений, особенно «мелких преступлений, происходящих от ссор, драк», которые «в других местностях России, вероятно, реже доводятся до суда»¹⁸).

Большое значение в жизни крестьянского населения Череповецкого уезда рассматриваемого периода играли праздники, по замечанию исследователя, «единственное время отдыха для него»¹⁹. Они занимали довольно значительное место в жизни крестьян. По подсчетам Грязнова, «число церковных праздников занимает от 25 до 40 дней, не считая воскресных дней»²⁰. «Кроме того, почти в каждой деревне, – продолжает он далее, – есть по несколько заповедных или обещанных праздников (в некоторых деревнях от 5 до 15 дней), установленных по случаю каких-либо народных бедствий и от 4 до 15 дней пивных праздников, кроме пасхи, масляной и т.п. общераспространенных праздничных дней»²¹. Таким образом, по словам исследователя, «целая ¼ года проводится в праздниках»²².

Как следствие, большое количество праздников негативно сказывалось «на правильности распределения работ»²³, что отчасти компенсировалось работой крестьян «по воскресеньям, особенно в летнее рабочее время»²⁴. Однако было и другое...

Большинство из указанных нами праздников, как уже отмечалось нами, было связано с Православием: Пасха, Рождество Христово, Троица, Крещение... При этом, к сожалению, как свидетельствовал П.И. Грязнов, значительная часть крестьянского населения уезда, вопреки святости и благочестивому характеру праздников, проводила их в основном далеко не благочестиво.

«Население при отсутствии развлечений и разнообразия в впечатлениях старается вознаградить себя тем, что для него всего доступнее, – замечает исследователь, – оно с особенной заботливостью готовится к празднику, копит деньги на водку, варит пиво»²⁵. А затем во время праздника «как бы старается сразу <...> вознаградить недостаток в развлечениях»²⁶. Отсюда при относительно небольшом общем количестве потребления алкоголя в расчете на год, «но распределенное на несколько дней оно может действовать только вредным образом»²⁷ (подчеркивает Грязнов). В результате, перефразируя Павла Ивановича, можно сказать, что водка и пиво для многих становятся главным средством снятия усталости, стресса, а кабак – «и клубом, и библиотекой, и источником веселья и самозабвения»²⁸. «От водки не отказываются и женщины»²⁹, – отмечает автор. Все это в конечном счете приводит к крайне негативным последствиям.

«Большое число преступлений <...> совершается в пьяном виде, – пишет П.И. Грязнов. – Нет ни одного праздника, который не стоил бы нескольких

искалечений и даже убийств. Драки весьма часто сопровождаются употреблением в дело кольев, топоров, ножей...»³⁰

Таковы, согласно исследованию П.И.Грязнова, некоторые особенности образа жизни, обычаев крестьянского населения Череповецкого уезда во второй половине 70-х гг. XIX столетия.

Примечания:

¹ Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. Диссертация на степень доктора медицины Павла Грязнова. СПб., 1880.

² Чехов А.П. Письмо П. Г. Розанову, 2 апреля 1885 г. // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.19. Письма 1775 – 1886. М.: Наука, 1974 // <http://www.anton-chehov.info/695-p-g-rozanovu.html>.

³ История Череповца. 1879 – 1880 (выписки из старых газет и книг) // https://vk.com/topic-37583795_30934859?offset=0.

⁴ Чехов А.П. Письмо П. Г. Розанову, 2 апреля 1885 г...

⁵ Комментарий к письму А.П.Чехова П.Г.Розанову, 2 апреля 1885 г. // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.19. Письма 1775 – 1886. М.: Наука, 1974 // <http://www.anton-chehov.info/695-p-g-rozanovu.html>.

⁶ Одесская городская больница и ее порядки: Крат. очерк д-ра мед. П.И. Грязнова (б. старш. врача Больницы). Одесса: тип. «Новорос. Телеграфа», 1885. – [2], 53 с.; 25.

⁷ Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. Диссертация на степень доктора медицины Павла Грязнова. СПб., 1880. С.168.

⁸ Там же. С.168.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С.168-169.

¹¹ Там же. С.169.

¹² Там же.

¹³ Там же. С.171.

¹⁴ Там же. С.173.

¹⁵ Там же. С.169.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С.170.

¹⁸ Там же. С.182.

¹⁹ Там же. С.168.

²⁰ Там же. С.171.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С.170.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С.171.

²⁸ Там же. С.170.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Л.Н. Вересов,
зам. председателя Правления региональной общественной организации
«Вологодский Союз писателей-краеведов», член Союза писателей России

Печная дверца как художественный и эстетический элемент печного убора. Печное чугунное литье XIX – XX веков из Череповецкого района Вологодской области

Лет до шестнадцати моя семья жила в городе Вологде, в доме с печным отоплением. «Огонь в печи горит, перекликаясь с глухим дождём, струящимся по крыше» это поэтическое рубцовское было обыденным и привычным. Открываешь дверцу печки, закладываешь в топку дрова, косарём щипаешь лучину для розжига огня, приоткрываешь дверцу поддувала и разжигаешь огонь. Печка нагревала дом, а на другой, кухонной печке – плите, готовилась пища. Эти печи нельзя было назвать русскими, о которых живописал, скажем, В.И. Белов в «Ладе», но они исправно выполняли свои основные функции. Не было у них и литых, чугунных дверец. Но именно о них и попытаемся рассказать в этом материале.

Несколько предварительных замечаний. Почти все предметы, которые можно видеть на фотографиях или на витрине небольшой выставки посвящённой печной дверце, развёрнутой в краеведческом отделе библиотеки имени В.В. Верещагина ведут своё происхождение из Череповецкого района или связаны с ним. Материалов по классификации печных дверец 19 – 20 века крайне мало, как почти нет её коллекционеров и отдельных витрин в музеях страны. Печную дверцу некоторые считают произведением декоративно – прикладного искусства, другие – изделием художественного промысла, существующего на границе между эстетической и экономической потребностями человека. Вот как об этом пишет Василий Белов.

«В самом сочетании слов «художественный промысел» таится противоречие: промысел подразумевает массовость, серийность, то есть одинаковость, а искусство – это всегда образ, никогда не повторяющийся и непохожий на какой-либо другой. И что бы мы ни придумывали для спасения художественности в промысле, он всегда будет стремиться к ее размыванию, а сама она будет вечно сопротивляться промыслу. Образ умирает в многочисленности одинаковых предметов, но ведь это не значит, что предметы при их множественности нельзя создавать разными. По-видимому, пока существует хоть маленькая разница между предметами, промысел можно называть художественным». В литературе по литейному делу печные дверцы иногда рассматриваются и как предметы интерьерного архитектурного декора, наряду с изразцами и медным или бронзовым декором печей дворянских и купеческих особняков.

В русской печи, дверца, иногда, закрывает так называемый подтопок, когда хозяйке не надо было готовить в печи пищу, а необходимо только отопить избу. В классической русской печи подтопок отсутствовал вовсе. Изготовлением печных дверец для топки печи и для зольника занимались многие чугунолитейные и железоделательные заводы ещё с 18 века. Так известен факт, что железоделательный завод в посёлке Песочня Калужской губернии во времена владения им Афанасием Абрамовичем Гончаровым, прадедом Натальи

Гончаровой, выпускались предметы печного и кухонного литья. На одном из предметов нашей коллекции как раз есть клеймо «Песочня». Сейчас это город Киров Калужской области. Знаменитый Каслинский завод не остался в стороне от выпуска печной утвари: вьюшек, заслонок, задвижек и печных дверец. На печных дверцах обязательно присутствовали элементы художественного декора – неодолимое творческое начало жило в литейщиках, равно как и желание сделать изделие, которое бы украсило печь, а значит и быт всей семьи, будь она крестьянской или дворянской. Можно назвать ещё ряд литейных заводов России, которые прославились печным чугунным литьём. Кусинский завод, Гурьевский завод, чугунолитейный завод в Ковно (Каунас), Дубенский Мосоловский завод, Мальцовские заводы. О некоторых из них можно будет получить информацию в приложениях к данной работе. Далее хочется рассказать о сюжетах некоторых печных дверец конца 19 – начала 20 века, которые представлены на выставке. В коллекции есть дверца, выполненная в конце XIX века на Дубенском чугунолитейном заводе Тульской губернии с изображением ручной заливки жидкого чугуна в изложницу – своего рода «автопортрет» производства. Это делает ее «неформальным» началом коллекции. Великолепное качество литья позволяет хорошо прочесть все детали этой сюжетной миниатюры: фигуры литейщика с тяжелым ковшом в руках и его подручного, смахивающего пот со лба, блок на кронштейне, немногословный орнамент, завершающий композицию. Следующая дверца посвящена военной тематике. Этот печной убор был отлит на одном из чугунолитейных заводах Сергея Ивановича Мальцова.

Предположительно дата изготовления дверцы может быть отнесена к 1912

году, в котором отмечалось столетие Отечественной войны 1812 года. На дверце отлит военный натюрморт с каской, перекрещенных палаша и ружья на фоне венка из лавровых ветвей. Головной убор и вооружение кирасир были выбраны не случайно. Именно тяжелая кавалерия (кирасиры, драгуны) составляли во времена Отечественной войны 1812 года основную ударную силу. Главным отличием кирасир от других кавалеристов была кираса, которая состояла из грудных и спинных железных лат на красной суконной подкладке. Они соединялись между собой

внизу белым кожаным ремнем, а сверху двумя кожаными плечевыми ремнями. Строевым головным убором кирасир была высокая каска из черной пумповой (очень толстой, специальной грубой выделки) кожи с узким гребнем с черным волосяным плюмажем (плюмажем называется украшение из перьев, нитей или др. материала форменного головного убора, как правило, полей шляпы, в виде одноцветной или многоцветной их окантовки). Каска имела два козырька (спереди и сзади) с медной окантовкой и медный налобник спереди. Основным оружием кирасира был палаш – рубяще-колющее холодное оружие с длинным однолезвийным клинком и эфесом с предохранительной гардой (гарда (фр. garde – охрана) – часть эфеса клинкового холодного оружия, по расцветке которого можно было определить принадлежность к тому или иному эскадрону. Кроме холодного оружия кирасиры имели и огнестрельное: два кремневых гладкоствольных пистолета в седельных кобурах и укороченное кремневое ружье или штуцер, которые в походе крепились к седлу. Для патронов, пуль, пороха, а также оружейных принадлежностей служила лядунка – маленькая сумочка из

черной твердой кожи с медной бляхой на крышке. Дверка находится в хорошей сохранности, что позволяет рассмотреть все мелкие детали и еще раз восхититься мастерством литейщиков. К этой же военной тематике относится и поддувальная дверца с трубами, которая встречается гораздо реже. Хотелось поговорить и об особенностях самой печной дверцы как необходимого предмета хозяйства и интерьера дома. Дверцы производились двух видов: топочные, которые закрывали топку печи с дровами и поддувальные, закрывавшие поддувало и зольник, в который падала зола и пепел после сгорания дров. Приоткрытая поддувальная дверца также обеспечивала топку кислородом и поддерживала в ней горение дров, а также через поддувало извлекалась зола, оставшаяся после их сгорания. Таким образом, обе дверцы были необходимыми элементами печного убора. Их размеры строго не регламентировались, а зависели от фантазии литейщиков и здравого смысла. Иногда дверцы производились в паре, в одном стиле и декоре литья. Ручки дверец также декорировались в определённой манере, запорный механизм был прост и надёжен. Рисунки на дверцах или декоративное убранство разрабатывались на литейно – металлургических заводах художниками, поэтому качество отливок на них было отменным, но эти же сюжеты могли копироваться и небольшими артелями металлостроителей, качество отливок которых было на порядок ниже. На ряде печных изделий можно встретить клейма заводов, о которых уже упоминалось ранее. Итак, дверца была художественным изделием и предметом ширпотреба среди широких слоёв населения. Дверцы из чугуна литья были мало подвластны времени. Они выдерживают жёсткую эксплуатацию на протяжении многих лет и при этом не деформируются. При написании работы удалось разрешить и ряд загадок, связанных с печной дверцей. Собственно вопросов было два, зачем топочной дверце нужны две ручки и ряд отверстий, сделанных в декоративном стиле? Отверстия вполне могли послужить причиной пожара, если уголёк через них выскочит из топки, а цель двух ручек какова, если дверца открывается только на одну сторону? И только маленькая железная полоска с отверстиями смогла объяснить это. Одна ручка просто закрывает дверцу, а при помощи второй, простейшее запорное устройство перекрывает полоской металла отверстия на топочной дверце и этой же ручкой можем снова открыть их на печной дверце. Такой тип задвижек называется «шиберным». Название используют для параллельных задвижек, запирающий элемент которых выполнен в виде пластины. Общетехническое, универсальное значение термина «Шибер» в русском языке, это движущаяся пластина, служащая для перекрытия потока чего-либо. Например, шиберная задвижка для дымоходов – заслонка в дымоходах печей. Но для чего же нужны были эти отверстия в топочной дверце? Ответ может быть такой – шиберная задвижка открывала доступ воздуха в топку, но это резонно только в том случае если вовсе отсутствовало поддувало с зольником, закрытое поддувальной дверцей. Но... позвольте, это уже какой – то камин получается из печи. Однако, каминов русские дома почти не знали, из-за морозных зим и своей конструкции они плохо хранили тепло и были непригодны в российских условиях. При всём том модернизация печной дверцы и погоня за заграницей иногда шли причудливыми путями. В Киеве в 1916 году, в разгар Первой мировой войны придумали, как из печки при помощи печной дверцы сделать подобие камина. Для этого в конструкцию дверцы ввели ещё одну полудверцу. Печь закрывалась простой топочной дверцей, но открыв наружную дверцу, за счёт внутренней, ажурной второй полудверцы получается подобие маленького камина. Фактически при таком устройстве топочной дверцы, хотя она получалась тяжелее и неудобнее, человек мог греться у открытого огня. Закрыв вторую дверцу, мы снова превращаем устройство из камина в печь. Широкому

распространению такого вида печной дверцы видимо помешала война и революция, они встречаются чрезвычайно редко. Их описания отсутствуют в каталогах музеев и в литературе по литейному делу. Реальная причина присутствия отверстий в некоторых типах топочных дверец, наверное, всё же чисто практическая. Несколько отверстий в ней помогали удалению угарного газа из топки, т.к. создавали небольшую тягу при закрытой поддувальной дверце после того как печь протопили. Немного приоткрытая вьюшка в трубе и эти отверстия не позволяли угарному газу скапливаться в печи (если остались головёшки) и люди не угорали от него. С другой стороны, тепло практически всё сохранялось в печи и нагревало дом, ибо тяга в трубе из-за малого диаметра отверстий в топочной дверце была едва заметная. Но, может быть и более поэтическая причина появления отверстий в некоторых топочных дверцах середины или конца 19 века, конечно как гипотеза. Для объяснения представим дом того времени – крестьянский или дворянский. Свет давали свечи или лучина, освещавшие далеко не всё помещение, а вечера были тёмные и длинные. Если взрослые занимались хозяйством, ухаживали за животными, танцевали, плели кружева, ткали холсты, чинили упряжь, музицировали, то маленькие дети были предоставлены сами себе и развлекались как могли. И какой же радостью для них было предложение бабушки или няни посидеть у топящейся печки и послушать сказки. Тогда – то и открывались второй ручкой эти заветные отверстия в топочной дверце и глаза у детей загорались в предвкушение волшебства или это отблески огня играли в них. «Что за прелесть эти русские сказки» и вот уже детям чудятся добрые глаза серого волка или хитрой лисы в этих светящихся отверстиях чугунной ажурной печной дверцы. А запах берёзовых дров и тепло исходящее от печки, плавная речь сказительницы создающей волшебные замки в сознании детей создают эффекты сравнимые разве что с современными 4D технологиями. И страшно, и тепло, и артистичность бабушки завораживает малышей. Как приятно после этого заснуть на печи или в кроватке и видеть сказочные сны. Всё это давала печь и маленькое техническое новшество – закрывающиеся отверстия в дверце.

Поздние печные дверцы вовсе лишены поэзии и декорированы более сдержанным узором и представляют скорее историко – культурный, чем художественный интерес. Из дверцы с надписью «МОЛОТОВ» мы черпаем сведения о том, что действительно город Пермь носил название Молотов с 1949 по 1957 год, в честь Председателя правительства СССР в 1930 – 1941 годах. Надпись на довольно элегантно дверце «Азовсталь. Жданов» говорит нам о судьбе ещё одного партийного деятеля Андрея Жданова, в честь которого в 1948 году был переименован украинский город Мариуполь. В 1989 году городу вернули историческое название. Часто встречаются печные топочные дверцы со скульптурой Клодта с Аничкова моста в Санкт – Петербурге, когда человек укрощает коня. В чугунном литье Советского периода нашей страны зафиксирован полёт первого спутника в СССР или 50 лет Советской власти. Но они уже выполнены не на должном художественном уровне, а скорее просто фиксируют эти факты в металле.

В последнее время вся художественная составляющая печной дверцы сошла на нет, хотя их продолжают отливать без декора и надписей. Изучение истории печного чугунного литья даёт возможность проследить развитие промышленного производства в различных регионах России, а также изменение оформления жилых интерьеров в связи с появлением новых видов отопительных приборов в 18 – 19 веке и их развитием в 20 веке. История печной дверцы – предмета художественно – бытового с эстетическим уклоном заслуживает того чтобы о ней говорили и писали. Она заслуживает восхищения и изучения как

прялки, самовары, расписные лари, медная и латунная утварь крестьянских, купеческих и дворянских домов.

Литература:

1. Смирнов В.И. Два века Онежского завода. - Петрозаводск: Карелия, 1974.
2. Левидова С.М. История Онежского (б. Александровского) завода. - Вып. I.
3. Кемман Л. Печной прибор - ДИ. - №3. - 1974.
4. Кемман Л. Чугун - материал художественный. - Знание - сила. - №2. - 1970.
5. Капуста Л.И. Художественное литье Александровского завода (Рукопись). - Петрозаводск, 1977.

Приложение

1. Каслинское литьё.

История каслинского литья началась в 1747 году, когда тульский купец Яков Коробков основал на Южном Урале Каслинский железоделательный и чугуноплавильный завод. Место было выбрано богатое чугуном и уникальным качественным формовочным песком, а также древесиной для производства угля. Когда завод перешёл во владение Демидовых в 1751 году, каслинские чугунные изделия уже были широко известны в Европе и Азии. Следующим владельцем завода был вольный купец I гильдии Лев Расторгуев, который за годы своего правления увеличил известность каслинского чугунного литья. С 1809 года он и его наследники привлекали на производство новых талантливых скульпторов, художников, чеканщиков и формовщиков. Так были приглашены в Касли выпускники Петербургской Академии художеств М.Д. Канаев и Н.Р. Бах, которые позже организовали художественную школу при заводе. 1860-1890 гг. – время расцвета каслинского чугунного художественного литья. В этот период Каслинский литейный завод получил Малую золотую медаль Вольно-экономического общества в 1860 году; завод участвовал в выставках в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Париже, Лондоне и других городах мира. Традиции каслинского литья (графическая чёткость силуэта, сочетание тщательно отделанных деталей и обобщённых плоскостей с энергичной игрой бликов, покрытие готовых изделий черной краской особого рецепта – голландская сажа) сложились в XIX веке. Скульптура по моделям П.К. Клодта, Е.А. Лансере, П.-Ж. Мене[en][2], О. Таёжной, Н.А. Лаверецкого[3], Р.И. Баха и его двух сыновей Р.Р. Баха и Н.Р. Баха, М.Д. Канаева[4], а также местных мастеров - В.Ф. Торокина и других.

2. Мальцовские чугунолитейные заводы.

Становление и развитие знаменитого промышленного округа связано с именем Сергея Ивановича Мальцова, который в 1853 году становится крупнейшим землевладельцем, полномочным хозяином огромной территории в центральной части Европейской России. Разносторонняя деятельность С.И. Мальцова привела к образованию одного из первых в России универсальных промышленных районов, со своими заводами и фабриками, законами и деньгами, со столицей в селе Дятьково. Управляя огромным производством, Сергей Иванович, как отмечают многие авторы, забывал свои личные интересы, желая только развивать дело в более обширных масштабах и «давать побольше заработка населению». За время его управления родилась всероссийская слава мальцовских заводов. Традиции литья утилитарных предметов из чугуна в мальцовском округе была, воспринята под воздействием уральских заводов, в первую очередь, каслинских, не ранее 1830-х гг. На момент перехода семейного

заводского дела в руки Сергея Ивановича Мальцова, в округе действовало девять металлургических заводов, позднее новый владелец основал еще три. Из этого числа две трети предприятий были чугунолитейными, и на них – в Песочне, Людинове, Сукремле, Ивано-Сергиеве, Любохне, Радице, Хотькове – отливали печное и кухонное литье в разнообразнейшем ассортименте, в т.ч. дверки, украшенные сюжетными и орнаментальными композициями.

3.Пронзило.

Старых, русских вещей аромат
Всколыхнул праславянское что-то.
Это будет дороже наград
И почётней любого почёта.

Значит я продолжатель путей,
И судьбы, что досталась от предков.
Эту новость несус для детей,
Как цветущий побег старой ветки.

4. Отзыв о выставке печных дверец известного вологодского писателя С.П. Багрова «Чугунное литьё как роспись по чугуну. Это что-то неожиданное, заставшее меня врасплох. Может и здесь сохранился тот редкий шедевр, без которого мы что-то и вправду недополучили. Спасибо, Леонид. Поиски всегда ведут к какому-то результату, который в большинстве своём не разочаровывает, а очаровывает».

Сословие почетных граждан в истории Череповца XIX – начала XX веков

Среди городских сословий Российской империи особое место принадлежало социальной категории почетных граждан, введённой императорским Манифестом от 10 апреля 1832 года [1]. Почётные граждане являлись привилегированной группировкой в сословии «городских обывателей».

В Манифесте «Об установлении нового сословия под названием почётных граждан» отмечалось: «Права и преимущества, дарованные грамотою 1785 года городам и обывателям их, с того времени, в течение столь многих лет, по движению торговли и промышленности, соделались настоящему положению их в некоторых частях несоразмерными. По сему и желая новыми отличиями более привязать городских обывателей к состоянию их, от процветания коего зависят и успехи торговли и промышленности, Мы признали за благо права и преимущества их упрочить нижеследующими постановлениями: § 1. В состоянии городских обывателей устанавливается новое сословие Почётных граждан» [2].

Почётное гражданство как сословие разделялось на личное и потомственное. Потомственное почётное гражданство присваивалось: по рождению – детям личных дворян, а также детям духовных лиц, имевшим образовательный ценз (духовная академия или семинария); по ходатайству – коммерц- и мануфактур-советникам, купцам, если они пробыли в первой гильдии 10 лет или во второй гильдии 20 лет, получили чин или орден, а также учёным и художникам, имевшим степень. Личное почётное гражданство присваивалось: по рождению – детям духовных лиц, не имевшим образовательного ценза; по ходатайству – лицам, окончившим университет или некоторые высшие учебные заведения (Академия художеств, политехнические институты и пр.), а по службе – чиновникам, которые по Табели о рангах не имели права на личное дворянство (XIV-X классов). Почётные граждане освобождались от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний, получали право участия в городском самоуправлении.

Интересно, что обосновывалось введение нового почётного звания следующим утверждением: «Даруя городам сии новыя права и преимущества, как новый залог попечительности Нашей и непрерывного внимания к прочим пользам их обывателей, Мы удостоверены, что, с таковым распространением оных, предохранятся почётные роды граждан от упадка, откроется вящее поощрение к труду и благонравию и добрые навыки, трудолюбие и способности предудеют найти в сем роде жизни свойственную им награду, почесть и отличие» [3].

С 1847 года почётные граждане и личные дворяне записывались в пятую часть городской обывательской книги и публиковались в «Санкт-Петербургских Сенатских ведомостях». В год это звание получали более 2 тыс. человек. В 1858 году на 72,6 млн. населения (без Финляндии) насчитывалось 21,4 тыс. почётных граждан. Сенат выдавал на потомственное почётное гражданство грамоты, на личное – свидетельства. Документы о почётных гражданах хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), фонд 1343 (Департамент

герольдии). К 1897 году число почётных граждан вместе с членами семей возросло до 342,9 тыс. человек. Статистика 1910-1912 годов дает численность почётных граждан 372,4 тыс. человек (0,5 % населения), из них потомственных – 197,3 тыс. человек [4].

После 1861 года контингент лиц, получавших звание почётных граждан, значительно расширился (в него были включены, в частности, представители протестантского и мусульманского духовенства, артисты императорских театров и пр.). К 1917 году в сословие потомственных почётных граждан могли возводиться 28 различных категорий лиц, а в сословие личных почётных граждан – 31 категория лиц [5].

«Общеимперское» почётное гражданство не следует путать с почётным гражданством городов. Этот почётный титул не имел отношения к данному сословию. Иногда звание сочеталось с сословной принадлежностью к почётным гражданам. Так, купец и промышленник П.М. Третьяков, с 1856 года согласно сенатскому указу внесённый в сословный разряд потомственных почётных граждан, коммерции советник, за передачу в общественное пользование своей знаменитой художественной галереи решением Московской городской думы был также удостоен звания почётного гражданина Москвы как дополнительным видом общественного признания заслуг на ниве благотворительности.

В Новгородской губернии потомственные и личные почётные граждане стали появляться с 1830-х годов. Согласно «Описанию Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении», изданному в 1844 году, на этот год в губернии насчитывалось 84 почётных гражданина, из них 39 человек мужского пола и 45 человек женского пола. В Новгороде имелось 10 почётных граждан, в Белозерске – 6, в Боровичах – 14, в Устюжне – 37 [6]. Другой источник – «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (1849 г.) предоставляет следующие данные: в 5 из 11 уездных городов Новгородской губернии в сословной структуре присутствовали почётные граждане (в Новгороде – 10, Белозерске – 5, Боровичах – 12, Старой Руссе – 7, наконец, в купеческой Устюжне – 38 человек). В Череповце, по этому источнику, потомственных и личных почётных граждан не было [7].

В фондах Череповецкого музейного объединения хранятся «Исповедные росписи Воскресенского собора с 1831 по 1851 годы за 20 лет», где упоминается, возможно, один из первых почётных граждан Череповца – купец второй гильдии и почётный гражданин Пётр Никитин Лытиков (1848 г.). Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод о том, что первые почётные граждане Череповца появились в конце 1840-х годов. Здесь же называются жена П.Н. Лытикова Мария Иванова, его брат Михаил Никитин Лытиков с женой Марией Егоровой и их дочь Лариса. В 1848 году первому почётному гражданину города было 40 лет, его жене 36 лет. П.Н. Лытиков упоминается и в Исповедных росписях за 1850-е годы. К сожалению, мы не знаем категории почётных граждан, к которой он принадлежал [8].

Следующие сведения о сословии почётных граждан г. Череповца, известные нам, относятся к 1861 году. В книге «Экономическое состояние городских поселений Европейской России», вышедшей в свет в 1863 году в Санкт-Петербурге, приводятся данные, что из населения города Череповца, насчитывавшего на 1861 год 3 310 человек обоего пола, имелось личных почётных граждан 65 мужчин и 38 женщин, всего 103 человека. Вероятнее всего, это сведения не только о самих представителях сословия, но и их семьях (жёнах). Потомственные почётные граждане Череповца в этом источнике не упоминаются [9].

Подробную картину численности основных сословий г. Череповца дают Памятные книжки Новгородской губернии за 1873-1895 годы. Мы смогли ознакомиться с ними в научной библиотеке Череповецкого музейного объединения и научно-справочной библиотеке Государственного архива Вологодской области. Приведём две статистические таблицы с указанием количества потомственных и личных почётных граждан Череповца за разные годы [10].

Таблица 1

Потомственные почётные граждане.

Годы	1871	1875	1880	1885	1886	1891	1892	1893
г. Череповец мужчины	6	7	8	6	6	12	12	14
г. Череповец женщины	6	8	11	9	9	9	16	18
Череповецкий уезд мужчины	1	3	8	19	26	13	6	2
Череповецкий уезд женщины	0	3	10	16	25	15	7	3

Таблица 2

Личные почётные граждане.

Годы	1871	1875	1880	1885	1886	1891	1892	1893
г. Череповец мужчины	49	12	8	8	10	19	19	23
г. Череповец женщины	48	4	0	5	6	12	15	19
Череповецкий уезд мужчины	28	15	70	67	43	34	53	54
Череповецкий уезд женщины	11	8	86	48	43	41	57	65

Интересные данные о количестве лиц, относящихся к сословию почётных граждан, приводятся в документах о переписях населения г. Череповца. В статистическом документе «Вывод из однодневной переписи по г. Череповцу, произведённой 22 апреля 1884 года» есть следующие сведения – в городе насчитывалось 146 почётных граждан, в том числе 75 мужчин и 71 женщина [11]. В «Результатах переписи г. Череповца, произведённой в марте месяце 1910 года», называются 99 потомственных и 126 личных почётных граждан, всего 225 человек [12].

Информацию о количестве почётных граждан и других сословий Череповца можно найти в данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В частности, здесь упоминается, что в городе имелось 87 мужчин, принадлежащих к данной социальной группе, и 76 женщин, в Череповецком уезде – 133 человека мужского пола и 134 женского пола, в уезде без города – 46 и 58 человек соответственно. Всего в г. Череповце и уезде к этой прослойке принадлежало 267 человек. Приведём также сведения об общей численности населения города: в 1897 году в городе имелось 6 948 жителей, в Череповецком уезде (с городом) – 157 495 жителей [13].

Если сравнить численность различных сословий Череповца в 1897 году, то получится следующая таблица:

Таблица 3

Основные сословия	Дворянство	Духовенство	Почётное гр-во	Купечество	Мещанство	Крестьянство	Всего
г. Череповец	496	98	163	149	2 250	3 557	6 948
Череповецкий уезд (без города)	218	1 006	104	98	1 473	147 564	150 547
Череповецкий уезд и город	714	1 104	267	247	3 723	151 121	157 495

В 1875 году в Новгородской губернии насчитывалось 269 потомственных почётных граждан и 384 личных почётных гражданина. В сословной структуре губернии на 1897 год представители этой социальной группы составляли 3 646 человек, или 0,27% от всего населения.

Приведём также сравнительную таблицу, показывающую численность сословия почётных граждан по уездным городам Новгородской губернии за 1880 год [14]:

Таблица 4

Города Новгородской губернии	Потомственные почётные граждане		Личные почётные граждане	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Новгород	8	5	159	171
Старая Русса	13	18	0	0
Крестцы	1	5	5	8
Демянск	0	0	26	29
Валдай	15	17	9	8
Боровичи	9	3	3	5
Тихвин	9	11	1	0
Устюжна	31	50	18	14
Череповец	8	11	8	0
Кириллов	1	1	1	0
Белозерск	0	2	2	0

Таким образом, статистические материалы отмечают значительные колебания численности сословия почётных граждан по отдельным их категориям, гендерным составляющим и географическому распределению их по уездным городам Новгородской губернии. На протяжении всего XIX века происходил рост количества лиц данной социальной группы, несмотря на отдельные периоды снижения их численности.

Рассмотрим сферы деятельности названного сословия в г. Череповце и познакомимся с представителями данной социальной группы.

В Памятных книжках Новгородской губернии за 1870-1914 годы упоминается несколько десятков человек, принадлежавших к сословию почётных граждан г. Череповца. Помимо известного ещё с конца 1840-х годов XIX века П.Н. Лытикова, в источниках отмечается ряд лиц, занимавших должности в различных городских учреждениях.

С 1870 года известен личный почётный гражданин Кузьма Федотович Макаров [15], член и секретарь земской управы г. Череповца и гласный уездного и

губернского земских собраний. Также он был председателем правления общества взаимного кредита Череповецкого уездного земства и почётным мировым судьёй. В 1874 году ему было 33 года, его жене Вере Эрастовне 26 лет, сыну Эрасту два года [16]. К.Ф. Макаров являлся крупным землевладельцем Череповецкого уезда. В конце XIX века он владел усадьбой Малечкино Дементьевской волости, где вёл 11-польный севооборот. В хозяйстве имелась иностранная сельскохозяйственная техника: тяжёлые Гогенгеймские плуги, бороны Зигзаг, веялки-сортировки «экономки», конная молотилка, жатвенная машина Джонстона, механическая зерносушилка Эккерта и сепаратор. Молоко на усадьбе перерабатывалось в русско-швейцарский сыр. В хозяйстве насчитывалось 28 рабочих лошадей, 137 коров и быков, выращивались рожь, овёс, ячмень и картофель. Владелец при этом сам управлял имением, в котором было 16 наёмных рабочих [17].

Среди гласных и членов органов местного самоуправления (городской Думы и управы и земского собрания и управы) можно встретить и лиц, принадлежавших к почётному гражданству. Это бухгалтер земской управы почётный гражданин Яков Иванович Филадельфин (1873), секретарь городского общественного управления личный почётный гражданин Иван Семёнович Белых, бухгалтер городской управы личный почётный гражданин Пётр Васильевич Светлов (1882), помощник бухгалтера городской управы личный почётный гражданин Егор Васильевич Архангельский (1887), гласный Думы личный почётный гражданин Александр Иванович Киселёв (1895), гласный городской Думы и секретарь городской управы личный почётный гражданин Фёдор Иванович Кадобнов (1895), секретарь уездной земской управы личный почётный гражданин Алексей Григорьевич Андреев, бухгалтер уездной земской управы личный почётный гражданин Сергей Владимирович Новиков, гласный Думы личный почётный гражданин Григорий Яковлевич Егоров.

Среди представителей сословия – судебный пристав Череповецкого окружного суда личный почётный гражданин Михаил Павлович Студенев, бухгалтер уездного казначейства личный почётный гражданин Михаил Алексеевич Орлов (1905), гласные Думы потомственный почётный гражданин Александр Иванович Афанасьев, потомственный почётный гражданин Захар Васильевич Савин, личный почётный гражданин Николай Иванович Цветков (1910) и другие [18].

Надо отметить, что многие состоятельные купцы г. Череповца, сохраняя принадлежность к купеческому сословию, являлись одновременно и почётными гражданами. Это староста Воскресенского собора Григорий Петрович Крохин, Александр Иванович Афанасьев, купцы Копыльцовы, уже упоминавшийся Кузьма Федотович Макаров, рыббинский купец Михаил Николаевич Журавлёв, директор городского общественного банка меценат Степан Петрович Тарасов, владелец Кондашского железорезательного завода Алексей Степанович Заводчиков и многие другие. К потомственным почётным гражданам относились в определённый период своей биографии городской голова Череповца Иван Андреевич Милютин, его брат и компаньон Василий Андреевич Милютин, их сыновья Андрей Иванович, Василий Иванович и Владимир Васильевич. Среди почётных граждан Череповца были и представители еврейской национальности, например, надзиратель Череповецкого уездного по питейным делам присутствия потомственный почётный гражданин Лев Львович Элькин [19].

Крупными заводчиками Череповецкого уезда являлись родственники поэта Игоря-Северянина, потомственные почётные граждане Елизавета Петровна Журова и её муж шуйский второй гильдии купец Александр Иродионович Журов, в собственности которых находилась Сойоловская бумажно-картонная фабрика, основанная в 1899 году в Нелазской волости.

Владельцем фабрики выступало «Товарищество Е.П. Журовой и В.П. Лотарева». Фабрика была застрахована в обществе «Саламандра» на 50 тыс. рублей. Общая сумма оценки фабрики составляла 61 651 рубль. На предприятии имелись четыре казармы для рабочих и столовая [20].

В Череповецком уезде находились и предприятия Торгового дома «Брандт Э.Г. и К», под фирмой которого торговали архангельский купец Эммануил Васильевич Брандт и коммерции советник Эдуард Егорович Линдес. Этот Торговый дом являлся одним из крупнейших в России в начале XX века [21]. Он был основан в виде единоличного предприятия сыном маклера из Гамбурга В. Брандтом в 1802 году в Архангельске. Значительно расширен и модернизирован купцом первой гильдии Э.Г. Брандтом, учредителем Петербургского международного коммерческого и Русского для внешней торговли банков. Фирма специализировалась на переработке и продаже леса, торговых операциях с льном и зерном. В конце XIX века Брандты были причислены к потомственному почётному гражданству. В начале XX века фирмой управляли В.Э. Брандт, член совета Петербургского учётного и ссудного банка и его родственник П.Э. Шрам. Брандты входили в число учредителей и совладельцев ряда других торгово-промышленных фирм. В частности, Товарищество Меленковской льняной мануфактуры было основано во Владимирской губернии архангельскими купцами Э.В. Брандтом и Э.Е. Линдесом в виде льнопрядильной фабрики на 6 тыс. веретён. В Череповецком уезде этим потомственным почётным гражданам принадлежал крупнейший Луковецкий лесопильный завод [22].

Интересно, что крупным землевладельцем Череповецкого уезда являлся также Михаил Николаевич Журавлёв [23] – действительный статский советник, потомственный почётный гражданин, почётный член Рыбинского биржевого комитета, происходивший из старинного купеческого рода. М.Н. Журавлёв получил образование в России и Англии, окончил Королевский химический институт и университет в Лондоне. Принимал участие в различных правительственных и общественных совещаниях по вопросам торговли и промышленности, в том числе при Министерстве путей сообщения по вопросу о капитальном переустройстве Мариинской водной системы. М.Н. Журавлёв являлся владельцем лесных угодий в Новгородской губернии (усадыба Крестный Бор в Усищевской волости Череповецкого уезда), членом правления Компании цепного пароходства по реке Шексне. В череповецком имении его состояло всего удобной земли 2 080 десятин, имелось 14 рабочих лошадей, 93 коровы и быка, 65 телят, высевались рожь, овёс, картофель, имелись 19 наёмных рабочих [24].

Почётные граждане Череповца оставили свой след не только в общественно-политической и экономической жизни города и уезда, но и в сфере образования и культуры. Почётными гражданами Череповца по сословной принадлежности были автор «Исторического очерка Череповецкого Воскресенского монастыря и его земельных владений» Леонид Васильевич Афетов, а также автор первой биографии городского головы И.А. Милютин Фёдор Иванович Кадобнов, секретарь городской Думы и управы.

В Сведениях о личном составе Череповецкой городской управы в четырёхлетие с 1894 года отмечалось: «Секретарь городской Думы Кадобнов Фёдор Иванович, православного вероисповедания, из череповецких мещан. Личный почётный гражданин. Окончил курс в Череповецком уездном училище. 42 года. Избран 31 декабря 1893 года, утверждён в должности 30 января 1894 года. Собственного недвижимого имущества не имеет. Участвовал в выборах по доверенности жены, имущество которой, состоящее из плановых мест и каменного двухэтажного дома, оценено в 905 рублей. В городе проживает со дня рождения. Получает содержание по городской должности 100 рублей в год.

Гласный Думы с 30 ноября 1879 года. Занимает должность секретаря Думы с 11 мая 1892 года» [25].

В сфере образования г. Череповца проявили себя, среди прочих: почётная попечительница Мариинской женской гимназии Капитолина Ивановна Милютина, жена потомственного почётного гражданина Василия Андреевича Милютина, брата городского головы (1873), член попечительного совета Мариинской женской гимназии потомственный почётный гражданин Алексей Степанович Заводчиков, происходивший из крупных череповецких купцов (1877), письмоводитель и бухгалтер Александровского технического училища личный почётный гражданин Фёдор Иванович Кадобнов (1887), почётный блюститель Милютинской сельскохозяйственной школы потомственный почётный гражданин Андрей Иванович Милютин, сын городского головы (1895), мастер слесарно-токарного дела АТУ личный почётный гражданин Иван Иванович Беляев (1900), преподаватели череповецкой учительской семинарии личный почётный гражданин Григорий Яковлевич Егоров, потомственные почётные граждане Арсений Проклович Смирнов и Ксенофонт Михайлович Богданов (1910), почётный попечитель учительской семинарии потомственный почётный гражданин Иван Ефремович Шаргин и многие другие [26].

Представителем славного для г. Череповца рода Милютиных был третий череповецкий депутат Государственной Думы Владимир Васильевич Милютин. Он родился в 1873 году и был потомственным почётным гражданином. Владимир Васильевич обладал статусом землевладельца, имел 198 десятин земли, получил модное тогда инженерное образование, в 1895 году окончил Санкт-Петербургский технологический институт, лучшее тогда учебное заведение подобного профиля. С Череповцом, кроме имущественных вопросов, его связывала общественная деятельность – он был гласным Череповецкого уездного и Новгородского губернского земств. Но основные профессиональные интересы В.В. Милютина были связаны не с родным Череповцом, а со столичным Петербургом. Владимир Васильевич преподавал в Охтенском механико-техническом училище и служил в управлении Санкт-Петербургского городского водопровода. По политическим взглядам В.В. Милютин был октябристом, членом «Союза 17 октября». К моменту избрания в IV Государственную Думу осенью 1912 года Милютину ещё не было и 40 лет, а он уже дослужился до высокого 5 ранга статского советника. В.В. Милютин входил в комиссии по военным и морским делам, по народному образованию, о путях сообщения и по рабочему вопросу [27].

Недалеко от Череповца, там, где река Кемза впадает в Суду, в усадьбе Владимировка, стоит большой двухэтажный деревянный дом. Когда-то он принадлежал потомственному почётному гражданину Лотареву Михаилу Петровичу, дяде поэта Игоря-Северянина. М.П. Лотарев родился в 1854 году в Харькове в семье владимирского мещанина Петра Ефимовича Лотарева. Детские годы он провёл во Владимирской губернии. В 1866 году он становится воспитанником Московской практической академии коммерческих наук, затем по желанию родителей продолжает учёбу в Ревеле (Таллинн) вместе с братом Василием. В конце 1870-х годов М. П. Лотарев стал компаньоном Н.А. Ильвовского, владельца текстильной фабрики в Москве. В 1881 году женился на его дочери Екатерине Николаевне, воспитаннице института благородных девиц.

Вся дальнейшая жизнь Михаила Петровича была связана с текстильной промышленностью. Он служил директором бумагопрядильной и ткацкой фабрики Н. Гарелина в Иваново-Вознесенске (1882-1884), заведовал бумагопрядильной и ткацкой фабрикой «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сына и К» (1884-1891). В течение четырёх лет, с 1892 по 1896 годы, М.П. Лотарев занимал должности технического директора и заведующего на фабриках

«Общества бумажных мануфактур Карла Шейблера» в Лодзи. С 1897 по 1902 годы Лотаревы жили зимой в Серпухове, где Михаил Петрович был директором бумагопрядильной и ткацкой фабрики «Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина». Летние месяцы семья проводила во Владимирове.

1906 год был знаменательным для семьи и Лотаревых: исполнилось 25 лет директорской деятельности Михаила Петровича и 25 лет совместной жизни с Екатериной Николаевной. Отмечались эти даты торжественно. В подарок от «Товарищества мануфактур» они получили именное столовое серебро. С 1913 года Лотаревы жили в Москве, на Арбате. Последние годы жизни Михаила Петровича прошли во Владимирове. Умер он в 1925 году [28].

Среди почётных граждан – владельцев недвижимых имуществ в городе на 1901 год упоминается Зефирова Марфа Максимовна, жена потомственного почётного гражданина. Она проживала на углу улиц Петровской и Садовской, имела деревянный одноэтажный жилой дом и такой же флигель. Здания и место земли оценивались в 1 534 рубля [29]. Она же называется в окончательном списке лиц, имеющих право участвовать в выборах гласных Череповецкой городской Думы на 1910-1914 годы. Ценз по имуществу М.М. Зефириной составлял 500 рублей.

В архиве семьи Громцевых-Холенковых сохранились фотографии Марфы Максимовны с мужем, свадебная фотография её дочери с супругом Громцевым Владимиром Александровичем, окончившим череповецкое АТУ в 1891 году и позднее ставшим владельцем небольшого парохода, фото семьи Зефировых-Громцевых. У Владимира Александровича и его супруги было несколько детей, в том числе Алексей Владимирович Громцев, позднее женившийся на Лисицыной Екатерине Акимовне, уроженке Рязанской губернии. У них родились дети, среди которых в дальнейшем представители педагогической династии, окончившие ЧГПИ – учитель физики СПТУ № 35 Громцева Людмила Алексеевна и учитель математики школы № 23 Громцева (Холенкова) Галина Алексеевна. Первая из них стала заслуженным учителем профессионально-технического образования РФ, педагогический стаж второй – 44 года. Их брат Громцев Валентин Алексеевич – кавалер ордена «Знак Почёта», проработавший много лет почтальоном городского производственно-технического узла связи. Семья Громцевых – одна из немногих череповецких семей потомков почётных граждан города.

Изучение истории одного из главных городских сословий г. Череповца – почётных граждан – помогает нам лучше узнать социальную историю нашего края, проанализировать количественные характеристики их основных категорий, существовавших в различные периоды времени, обрисовать ведущие сферы деятельности данного сословия, прикоснуться к жизни и судьбе десятков представителей этой социальной группы. Сословие почётных граждан, несомненно, внесло значительный вклад в развитие нашего города во всех сферах общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни и явилось важной составляющей в едином социокультурном контексте города на всём протяжении его истории XIX-начала XX веков. Как отметила великая княгиня Мария, глава Российского Императорского Дома, «генеалогия всех сословий – дворянства, крестьянства и духовенства, мещан и казачества – равноценна и чрезвычайно важна для возрождения традиций российской духовности. В истории каждой семьи, словно в капле воды, отражается целый мир, вся трагическая и великая история нашей державы. И, наверное, только общество, способное сохранить свои корни, ценить и помнить своих предков, может рассчитывать на достойное будущее».

Примечания:

1. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII-начало XX вв.). – М., 2010. – С. 399.
2. Об установлении нового сословия под названием почётных граждан: Манифест от 10 апреля 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Том VII. № 5284. – С. 193.
3. Там же. – С. 195.
4. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Почётные_граждане_\(сословие\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Почётные_граждане_(сословие)). 2016
5. Таланин В. И. Русские сословия: история и современность. – Запорожье, 2006. – С. 378-380.
6. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Том 1. Тетрадь 1. Новгородская губерния. – СПб., 1844. – С. 105, 109, 114, 136.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том 3. Ч. 3. Новгородская губерния. – СПб., 1849. – Таблица № 3.
8. Исповедные росписи Череповецкого Воскресенского собора с 1831 по 1851 гг. // ОПИ ЧерМО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3. Л. 505 об.
9. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. Ч. 1. Новгородская губерния. – СПб., 1863. – С. 31.
10. Памятные книжки Новгородской губернии на 1870-1895 годы.
11. Вывод из однодневной переписи по г. Череповцу, произведённой 22 апреля 1884 года. – Череповец, 1884. – С. 2.
12. Результаты переписи г. Череповца, произведённой в марте месяце 1910 г. – Череповец, 1910. – С. 1.
13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года под редакцией Н. А. Тройницкого. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 1. – СПб., 1901. – С. 62-63.
14. Памятная книжка Новгородской губернии на 1882 г. – Новгород, 1882. – С. 104-107.
15. Памятная книжка Новгородской губернии на 1870 г. – Новгород, 1870. – С. 131.
16. Исповедные росписи Череповецкого Воскресенского собора с 1861 по 1880 гг. // ГАВО. Ф. 1010. Оп. 2. Д. 46. Л. 525.
17. Таблица III. Частновладельческие хозяйства Череповецкого уезда (со сведениями о землях церковных причтов и городских сословий). – Новгород, 1903. – С. 20-21.
18. Памятные книжки Новгородской губернии на 1873-1910 гг.
19. Памятная книжка Новгородской губернии на 1887. – Новгород, 1887. – С. 328.
20. Материалы для оценки фабрик и заводов Новгородской губернии. Череповский и Демянский уезды. – Новгород, 1901. – С. 13-18.
21. Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. – СПб., 1998. – С. 72.
22. Материалы для оценки фабрик и заводов Новгородской губернии. Череповский и Демянский уезды. – Новгород, 1901. – С. 27-34.
23. Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. – СПб., 1998. – С. 169-170.
24. Таблица III. Частновладельческие хозяйства Череповецкого уезда (со сведениями о землях церковных причтов и городских сословий). – Новгород, 1903. – С. 8-9.
25. ГАВО. Ф. 911. Оп. 1. Д. 136. Л. 36 об.-37.
26. Памятные книжки Новгородской губернии на 1873-1910 гг.
27. Солодянкина О. Ю. Думская деятельность В. В. Милютин // Милютинские чтения – 1999: Материалы научной конференции. – Череповец, 1999. – С. 7-11.
28. Шеляпина О. В. Хозяин Владимировки // Коммунист. – 1990. – 25 февраля. – С. 3.
29. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Том 7. Г. Череповец. – Новгород, 1902. – С. 105.

Приложения

Приложение 1

Форма грамоты на потомственное почётное гражданство. 1842 год

Божиею милостию,
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
Император и Самодержец
Всероссийский,
и проч. и проч. и проч.

Манифестом Нашим, в 10 день апреля 1832 года установлено сословие почётных граждан, на правилах, в оном предначертанных; а как верноподданный Наш NN представленными актами доказал право на потомственное почётное гражданство: то возводя оного NN с потомством в сословие почётных граждан, Всемилостивейше повелеваем пользоваться как ему, так и его потомству всеми правами и преимуществами, Манифестом Нашим сему сословию дарованными. Во свидетельство чего повелели Мы сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною Нашею печатью укрепить. Дана в Санкт-Петербурге дня года.

Сенатор и Кавалер NN.
Сенатор и Кавалер NN.
Сенатор и Кавалер NN.
Сенатор и Кавалер NN.
Герольдмейстер NN.

М. П.

Приложение 2

Форма свидетельства на личное почётное гражданство. 1842 год

По указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат, рассмотрев представленныя от NN доказательства на почётное гражданство лично, и найдя оныя сообразными с правилами, начертанными во Всемилостивейшем Манифесте, последовавшим в 10 день апреля 1832 года, определением своим, состоявшимся *такого-то года, месяца и числа*, заключил: оному NN присвоить лично все права и преимущества почётного гражданина, Всемилостивейшим Манифестом сему сословию дарованная. Посему и дано ему сие свидетельство за подписанием Правительствующего Сената, с приложением печати. В Санкт-Петербурге дня года.

Сенатор и Кавалер NN.
Сенатор и Кавалер NN.
Сенатор и Кавалер NN.
Герольдмейстер NN.

М. П.

Городской голова И.А. Милютин

Семья Василия Андреевича Милютина

Милютин Владимир Васильевич

Л.В. Афетов, преподаватель АТУ

Михаил Петрович Лотарев с женой

М.М. Зефирова с мужем

В.А. Громцев с супругой

Семья Громцевых

Здравствуйте дорогие
Мать
Марфа Максимовна!
Поздравляю Вас с
днем ангела и желаю
от Бога добраго здоро-
вья, недолгого Ваши-
х детей и мамаша
внуков.
Любящий Вас Зоя Власова

Т. Череповец Нов. 19
Тоснона Марфа М
Семовна Зедирова
Родственный дом

Открытка с Днем ангела

Е.В. Шалашов,
кандидат филологических наук,
учитель истории МБОУ «СОШ №17» г. Череповца

Дело генерала Левашова

16 декабря 1912 года в Череповецком окружном суде было не протолкнуться. На заседание приехали любопытствующие из Петербурга, Вологды, Тихвина и Грязовца. Слушалось дело, аналогов которого в практике не было. Суд присяжных, состоящий из местных крестьян, купечества и мещан должен был решить судьбу отставного генерал-лейтенанта Левашова, обвиняемого в убийстве²².

И хотя случившееся произошло в городе Грязовце Вологодской губернии, слушание дела проходило в Череповецком окружном суде Новгородской губернии, что бы избежать предвзятости со стороны присяжных.

Для защиты подсудимого прибыл один из лучших адвокатов России – Бобрищев-Пушкин. Интересы семьи погибшего представлял петербургский присяжный поверенный Котлецов. У последнего была очень своеобразная репутация. Говорили, что он берется за любые дела. А некоторые остряки переиначивали его фамилию, заменяя первую и третью буквы...

Из-за опоздания адвокатов слушание дела затягивалось. За это время публика успела обменяться впечатлениями и разделиться на партии – противников и сторонников подсудимого генерала...

Генерал-лейтенант Николай Константинович Левашов происходил из старинного дворянского рода. Его семья владела землей в Вологодском и Грязовецком уездах. Члены этой семьи неоднократно избирались предводителями дворянства не только в уезде, но и в губернии. Сам генерал, прослуживший «царю и отечеству» более тридцати лет, вышел в отставку и вернулся в родные края. А так как он был человеком либеральных (даже левых) взглядов, то очень активно стал сотрудничать с местным земством. А в 1909 году его избирают председателем Грязовецкой земской управы. На тот момент, когда отставной генерал принимал дела, в казне управы не было ни копейки. Благодаря активности нового председателя уже в скором времени земство начинает становиться на ноги. Появились деньги на ремонт земских школ, покупку медикаментов для больницы и так далее. К слову, здания некоторых земских больниц и школ, отстроенных во времена Левашова, сохранились и до сей поры.

В числе подчиненных Левашова оказался и корнет запаса Виктор Шпанов. Человек молодой и очень амбициозный, Шпанов некогда служил в кавалерии. Но выше звания корнета, соответствующего армейскому прапорщику (по нашему – младшему лейтенанту) не продвинулся. Возможно, что фортуна улыбнулась бы ему на ниве земской деятельности. Но, увы. Члены земства избрали председателем управы не его, а более старшего и опытного Левашова. Не исключено, что в выборе сыграли свою роль и родственные связи, и генеральский чин. Шпанов затаил обиду, которая в конце-концов проявилась и привела к трагедии...

10 октября 1910 года уездный город Грязовец принимал Вологодского губернатора А.И. Шрамова. После протокольных мероприятий – посещение

---

²² Убийство корнета от руки генерала // Вологодский листок. 12 октября 1912.

учебных заведений, больницы и прочего, в честь губернатора был дан торжественный ужин. Банкет проходил в доме Городского головы – А.П. Морозова. На ужин были приглашены первые лица города – предводитель уездного дворянства Владимир Левашов (родной брат генерала), сам генерал, а также судья, директор гимназии и так далее. Необходимо отметить, что по самолюбию Шпанова вновь был нанесен удар. Еще накануне приезда губернатора всем вышеупомянутым лицам были разосланы персональные приглашения. А вот о Шпанове вспомнили только перед самым ужином. Впрочем, за ним был отправлен нарочный. Тем не менее, молодой экс-корнет воспринял это как обиду²³.

Во время ужина между Левашовым и Шпановым произошла ссора. Подробностей ссоры почти никто не знал. Знали только, что юноша ударил генерала по лицу и ушел прочь. В свою очередь, оскорбленный Левашов взял револьвер, пошел к обидчику и застрелил того прямо на крыльце собственного дома, а не в станционном буфете, как об этом трезвонили репортеры.

Вот так (или примерно так) объясняли сведущие люди подробности происшествия. И все ждали начала заседания, что бы узнать подробности.

И вот, наконец, в 11 часов прибыли присяжные поверенные или, говоря современным языком, адвокаты. Заседание началось.

Первым делом председательствующий Ростиславов проверил присутствие (а мы сказали бы «явку»!) свидетелей. Обнаружив, что один из них отсутствует по неуважительным причинам, судья немедленно вынес вердикт о штрафе в 76 рублей. Для сравнения – жалованье полковника в те времена было равно 54 рубля в месяц. При стоимости обеда в лучшем ресторане Москвы в полтора рубля, на 76 рублей можно было скромно прожить три месяца семьей из трех человек. Так, что не случайно российская дореволюционная Фемида считалась образцовой. Уважение к судопроизводству подкреплялось не только моральными, но и материальными факторами...

Далее начался допрос обвиняемого и свидетелей. На вопрос председательствующего: «Признаете ли Вы себя виновным?», Левашов категорично ответил: «Нет!»

Из выступлений свидетелей складывалась следующая картина происшествия.

После ужина, когда присутствующие из столовой перешли в гостиную, к Левашову подошел Шпанов и заявил, что все бумаги, которые пишет секретарь земской управы, составлены очень дурно.

- Бумаги подписываю я, следовательно, они идут от меня, – парировал председатель земства.

- А все-таки Ваши бумаги дурацкие, – выкрикнул корнет.

- Вы не умеете себя сдерживать, – спокойно ответил отставной генерал и вышел.

Казалось бы – чего обидного сказал Левашов? Напротив, он, будучи уже немолодым, по сравнению с Виктором Шпановым, человеком, проявил изрядную выдержку. Заметим, что Николай Константинович был старше не только по возрасту и званию, но и по служебному положению. Было бы понятно, если бы отставной генерал накричал на подчиненного, затопал ногами. Классика. Но Левашов уходит от скандала.

Что должен сделать нормальный человек на месте корнета? Наверное, уехать домой. А на следующий день придти к начальнику и извиниться. А что бы это не выглядело как подхалимаж, то после извинения подать в отставку. В

---

²³ Там же.

крайнем случае, пояснить генералу, что готов дать удовлетворение. Согласно указа Александра III дуэли в офицерской среде были официально разрешены.

Шпанов же пошел к хозяину дома и потребовал, что бы тот повлиял на Левашова. С точки зрения корнета, именно генерал-лейтенант нанес ему оскорбление. Удивленный хозяин, присутствовавший при ссоре, пытался объяснить гостю его неправоту. Еще более разобиженный молодой человек нашел генерала и ударил его в лицо. Не удовольствовавшись этим, Шпанов пытался выхватить револьвер, но был остановлен присутствующим в комнате священником отцом Павлом. После всего сделанного Виктор выбежал из дома.

Можно представить, что творилось в доме бедного Городского головы! Как вспоминали свидетели, сам генерал словно окаменел. Его родной брат – предводитель уездного дворянства бился в истерике и кричал, что такого оскорбления роду Левашовых не наносилось никогда! Грозился, что пойдет и вызовет корнета на дуэль. Часть гостей поспешила разбежаться, что бы побыстрее рассказать о скандале родственникам и знакомым. Казалось, только губернатор не потерял присутствия духа. Прежде всего, он поинтересовался, насколько пьян был Шпанов. Услышав, что тот был трезв, приказал отправить на квартиру корнета исправника и двух полицейских, что бы они доставили обидчика обратно. Губернатор хотел лично потребовать у Виктора Шпанова объяснения и извинений перед Левашовым.

Полицейские, посланные за обидчиком, вернулись ни с чем. Того дома не оказалось. Позже было установлено, что он зашел к своей подруге Екатерине Лавровой. Посидел у нее немного и пошел к себе. Женщина пыталась оставить его ночевать, но Виктор отказался. Он считал, что Левашов пришлет к нему секундантов.

В это время прилюдно оскорбленный и униженный генерал, не говоря никому ни слова, пошел искать обидчика. В его кармане, в отличие от отставного корнета, револьвера не было. Пришлось зайти домой, а уже потом идти к дому Шпанова, где генерал и увидел Виктора стоящим на крыльце. Председатель земской управы не стал требовать объяснений, извинений. Он просто выстрелил...

После убийства генерал-лейтенант Левашов пошел к уездному исправнику, отдал тому оружие убийства и сообщил о содеянном.

Николай Константинович был немедленно взят под стражу и препровожден в Грязовецкую уездную тюрьму. Потом был переведен в Вологодскую губернскую тюрьму и определен в камеру предварительного заключения. Там он находился более года – с октября 1910 по декабрь 1911 гг. Именно столько времени длилось следствие. А уж, сколько радости оно доставило газетчикам! Об этом деле писала не только местная пресса, но и московская и Санкт-Петербургская. Да уж, не часто генералы (пусть и отставные!) становились «героями» подобных историй. Кроме того, этот случай стал прекрасным поводом позлорадствовать противникам земского самоуправления. Как же – председатель земской управы застрелил своего подчиненного! Куда катимся, господа?!

Во время слушания дела, которое длилось несколько дней, перед судом выступило множество людей. Свидетели, эксперты, родственники. Их внимательно слушали и судьи и присяжные заседатели.

Во время слушания дела публика была очень растрогана выступлением отца покойного Шпанова. Шпанов-старший рассказал суду о том, каким добрым и замечательным человеком был его покойный сын. В его изложении Левашов выступал каким-то монстром, который третировал его сына и постоянно придирался к нему. Кроме того, генерал был невеждой. После своего прибытия с военной службы он не считал нужным нанести визит уважаемым людям города

Грязовца. Заверения же Левашова о том, что ему просто некогда было наносить визиты из-за большой загруженности на посту председателя земской управы, он посчитал отговоркой.

Присяжный поверенный Котлецов, представлявший интересы вдовы Шпанова, живописно описал тяготы молодой женщины, которая осталась без любимого мужа. А так как она лишилась средств к существованию, то было бы нелишним взыскать с генерала энную сумму средств, равную стоимости его Грязовецкого имения. Впрочем, в качестве морального ущерба, бедная вдова готова получить и само имение. Правда, на вопрос судей о том, почему при жизни мужа супруга проживала в Санкт-Петербурге, Котлецов ответил о том, что в наше время жить вместе совсем необязательно. Он также апеллировал к общественному мнению с таким тезисом: «Если все генералы начнут стрелять, то нам, простым обывателям, житья не будет!»

Казалось бы, мнение господ присяжных, чрезвычайно гордых собой, склонялось против Николая Константиновича. Еще немного и они отправятся в совещательную комнату. А уж если вынесут вердикт «Виновен!», то судьи за умышленное убийство определяют отставному генералу, самое малое, лет шесть каторжных работ. Именно такое наказание требовал обвинитель - товарищ (т.е. заместитель) окружного прокурора М.И. Пеняков. А газетчики, представляющие российскую общественность будут говорить о том, что перед нашим законом все равны!

И, когда всем сочувствующим генералу стало казаться, что печальный конец неминуем, защитник подсудимого Бобрищев-Пушкин предложил заслушать еще одного свидетеля. Этот свидетель, по мнению защиты, может рассказать о личных качествах обвиняемого, так как он длительное время был непосредственным начальником Левашова.

Ни у судей, ни у обвинения не нашлось аргументов для отказа. Действительно, во все времена у судебных, говоря официальным языком, было очень важно выяснить характеризующие данные обвиняемого.

На свидетельское место поднялся совсем седой старик в генеральском мундире. Далекое не все присутствующие разбирались в генеральских чинах, поэтому было объявлено, что свидетелем защиты выступит генерал от инфантерии Г.Д. Рыльке. К сожалению, мне известны только инициалы.

Что такое генерал от инфантерии? Если говорить современным языком, то это генерал армии. Даже сегодня, когда количество генералов увеличивается с каждым днем, генерал армии – явление редкое. Это либо начальник Генерального штаба, либо заместитель министра обороны. В крайнем случае – главнокомандующий какого-либо рода войск. Плюс, генералы, находящиеся в запасе и отставке. А в Российской империи в те времена полных генералов было всего 15 человек²⁴!

Генерал Рыльке сообщил, что он знаком с Николаем Константиновичем со времен русско-турецкой войны. Тридцать три года назад двадцатилетний поручик Левашов служил вместе с полковником Рыльке в военной контрразведке. А много позже, полковник Левашов сменил генерал-майора Рыльке на посту военного прокурора города Одессы. Он знает подсудимого как исключительно порядочного человека и офицера, которому присуще главное чувство – чувство чести. И то, что он застрелил своего обидчика, лишь дополняет это. Любой офицер должен постоять за свою честь.

---

²⁴ Генерал Рыльке Г.Т. // Кавалеры Императорского ордена Святого Александра Невского. 1725 - 1917", т. 1-3 (сост. Пономарев В.П., Шабанов В.М.) - М., 2009.

Генералу был задан каверзный вопрос: «А что делать, если у офицера нет с собой оружия?», на что последовал незамедлительный ответ:

- Если в момент нанесения оскорбления у офицера нет оружия – то он может взять его и наказать обидчика. Если бы генерал-лейтенант Левашов стерпел нанесенное ему оскорбление, то волей государя императора с него был бы снят мундир с лишением всех чинов и наград²⁵.

И публика, и судьи были в некотором замешательстве. Казалось бы, военный юрист должен был выступить против смертоубийства.

Разрешая это недоумение, генерал Рыльке заявил, что суд вправе осудить за убийство подданного Российской империи Левашова по законам империи, но не вправе судить офицера, который защищал свою честь.

С этими словами генерал от инфантерии занял свое место в зале.

После выступления Рыльке должен был выступать представитель защиты. Но господин Бобрищев-Пушкин заявил о том, что все, что можно было сказать, уже сказано.

Присяжные удались в совещательную комнату. В зале наступила тишина. Присутствующие не знали – сколько времени понадобится для решения. Многие считали, что будет вердикт – «Виновен, но заслуживает снисхождения!»

Действительно – какой еще мог быть вердикт? Да, генерал защищал свою честь. Но он убил человека. Следовательно – он убийца и преступник.

На удивление зала, совещание было недолгим. Мнение господ присяжных заседателей, среди которых были череповецкие лавочники, крестьяне и ремесленники было единодушным – НЕВИНОВЕН!

---

²⁵ Отчет о проведении суда над генералом Левашовым // Вологодский листок. 24 октября 1912 г.

А.А. Маров,
педагог дополнительного образования
МБОУ ДО «Центр дополнительного образования детей»,
член Вологодского Союза писателей-краеведов

434-й пехотный Череповецкий полк в Первой мировой войне

18 июля (1 августа) 1914 года¹ Германия объявила войну России. В считанные дни все крупные государства Европы выстроились друг против друга в невиданном до тех пор вооруженном конфликте – Германия, Австро-Венгрия, Турция, а затем и Болгария, против держав Антанты (Россия, Сербия, Черногория, Франция, Англия, Бельгия, Италия). Грянула Первая мировая война. С началом войны в России был объявлен Высочайший указ о формировании полков второй очереди мобилизации. Полки второй очереди формировались на основе запасных батальонов полков Русской императорской армии. Также, как и в годы наполеоновских войн и Крымской войны 1853–56 годов вышел указ о формировании дружин народного ополчения из старших призывных возрастов. Но дальнейшие боевые действия показали, что данного количества войск для ведения изнурительной войны явно недостаточно. Поэтому, в 1915 году было принято решение о формировании полков третьей очереди мобилизации, основой которых послужили дружины народного ополчения, национальные ополченческие дружины и призыв военнообязанных старших возрастов.

Во время Первой мировой войны на территории города Череповца приказом Верховного главнокомандующего №460² от 6 (19) июня 1915 года был сформирован 434-й пехотный Череповецкий полк в числе полков так называемой третьей очереди. Свое наименование полк получил согласно приказу Верховного главнокомандующего № 627³ от 23 июля того же года. 434-й пехотный Череповецкий полк был сформирован в составе четырех батальонов, отдельных пулеметной, нестроевой рот и роты разведчиков и команды связи. Летом этого же года полк был направлен на Северный фронт в район города Риги в состав 109-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Прясллова Михаила Андреевича 12-й армии генерала-от-инфантерии Горбатовского Владимира Николаевича, где он числился вторым полком в первой бригаде дивизии. В этом же году Череповецкому пехотному полку было пожаловано полковое знамя.

Состав 109-й пехотной дивизии был следующим:

1 бригада (бывшая 58-я ополченческая бригада⁴):

433-й пехотный Новгородский полк – место формирования город Новгород;

434-й пехотный Череповецкий полк – место формирования город Череповец Новгородской губернии;

2 бригада (бывшая ?-я ополченческая бригада):

---

¹ До 1 февраля 1918 года все даты даны по старому (в скобках по новому) стилю. С 1 февраля 1918 года все даты даны по новому стилю.

² Приказ Верховного главнокомандующего определял сформировать 10 пехотных дивизий (№101-110).

³ Приказ Верховного главнокомандующего определял наименования пехотных полков дивизий (№101-110).

⁴ 58-я бригада Государственного ополчения. Приказом Верховного Главнокомандующего №460 от 06.06.1915 г. пересформирована в 1-ю бригаду 109-й пехотной дивизии.

435-й пехотный Ямбургский полк – место формирования город Ямбург Петроградской губернии;

436-й пехотный Новолодожский полк – место формирования город Новая Ладога Петроградской губернии⁵.

Практически всю войну до октябрьской революции большевиков и последующего развала фронта полк участвовал в боях на Северном фронте в районе города Риги (так называемый «Рижский плацдарм») и в районе города Икскюля⁶ («Икскюльский плацдарм» или «Остров смерти»). Известен случай, когда рядовой 434-го пехотного Черповецкого полка Владимиров Иван Михайлович за самоотверженность при обороне Икскюльского плацдарма был награжден солдатским Георгием 4-й степени (№435156): «При отбитии атак у предмостного укрепления Икскюль в ночь с 12 на 13 октября 1915 г., несмотря на ураганный артиллерийский огонь противника, направленный на мост, перекинутый через Двину, вызвались доставить патроны с правого берега Двины, когда в них была крайняя необходимость, причем таковые доставили благополучно, чем способствовали успеху отбития атак (приказ по 43 армейскому корпусу от 9.01.1916 года)⁷». Также известен случай награждения солдатским Георгием 4-й степени (№858068) рядового Анохина Ивана: «За выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения, оказанные в боях на Рижских позициях в июле и августе 1916 года».

Бои на Рижском плацдарме, в основном, носили позиционный характер и были рассчитаны в первую очередь на оборону города Риги, Рижского залива, как основную базу Балтийского флота, и Петроградского направления от возможного наступления Германской армии. Хотя бои на Икскюльском плацдарме вплоть до его сдачи 27 июля 1917 года носили крайнюю степень ожесточенности⁸. Несмотря на то, что в отличие от других фронтов, где велись активные боевые действия, Северный фронт и считался относительно спокойным, потери среди солдат и офицеров полка от ежедневных позиционных боев были значительными.

Командиром полка с 15 декабря 1916 года и до октябрьских событий 1917 года был полковник⁹ Суворов Иван Семенович¹⁰, пришедший в полк из 22-го пехотного Нижегородского полка. За свою службу Иван Семенович был награжден следующими наградами: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1905); Св. Анны 3-й ст. (1909); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (ВП 25.05.1915); Св. Станислава 2-й ст. с мечами (утв. ВП 07.06.1916); Георгиевское оружие (ВП 16.08.1916). В последующем, по окончании Гражданской войны, полковник Суворов остался в советской России и 26 декабря 1937 года расстрелян за «контрреволюционную

---

⁵ Также в состав 109-й пехотной дивизии входили 1-я и 2-я артиллерийские батареи 109-й пехотной дивизии; 109-й артиллерийский дивизион; 109-й парковый артиллерийский дивизион; 42-я и 43-я отдельные саперные роты; отдельная инженерная рота; дивизионный обоз; два лазарета; перевязочный отряд и 134-й дезинфекционный отряд.

⁶ Латвийский город Икскюль - это ныне город Икшкиле (в переводе с языка древних ливов – «первая деревня»). Он находится на правом – восточном – берегу Даугавы в 28 километрах от латвийской столицы Риги.

⁷ <https://forums-su.com/viewtopic.php?f=36&t=394669>

⁸ Весь Икскюльский плацдарм – длиной не более 3,5 километров, глубиной в самом широком месте от силы 1,8 км. На полуострове – с десятков хуторов, невысокие песчаные холмы, рощи, несколько крохотных озер. С правым берегом полуостров у мызы Лиелмуйжи соединял деревянный пешеходный мост. За этот тет-де-пон (предмостное укрепление для охраны переправы) и началась многомесячная драка. Захвати германские части мост через Двину, переправься тут – и русские оборонительные позиции, находившиеся непосредственно у Риги, оказались бы под неминуемой угрозой окружения.

⁹ Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. Петроград, 1916.

¹⁰ <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=7423>

деятельность»¹¹. Сын полковника Суворова Леонид Иванович Суворов в Гражданскую войну воевал в Белой армии и по окончании Гражданской войны ушел в эмиграцию¹².

Помимо полковника Суворова в 434-м пехотном Череповецком полку служил полковник Громов Алексей Тихонович, переведенный в полк 16 июля 1916 года из 312-го пехотного Васильковского полка. Известно, что полковник Громов был награжден следующими орденами: орден Св. Станислава 3-й ст. (1896); Георгиевское оружие (ВП 21.11.1915); Св. Станислава 2-й ст. с мечами (утв. ВП 08.04.1916). В последующем умер 11 мая 1917 года от ран, полученных в боях на германском фронте¹³.

В силу того, что боевая служба полка проходила на территории Прибалтики (Лифляндская губерния), его солдатский и офицерский состав пополнялся не только за счет уроженцев Череповецкого и соседних уездов, но и большим количеством призывников из прибалтийских народов. Так офицерами полка в ходе Первой мировой войны стали выпускники школ прапорщиков и пехотных училищ Иоганн Поопуу (в мае 1917 года переведен по сформированию в 1-й Эстонский полк), Николай Айт, Александр Юриссон и Вильгельм Бекман. Иоганн Поопуу в полку в разное время командовал ротой и батальоном, дослужился до чина штабс-капитана, в Гражданскую войну служил в Эстонской армии, где был произведен в подполковники. Николай Айт дослужился до чина штабс-капитана. Александр Юриссон, в последующем, также служил в Эстонской армии, воевал против большевиков, дослужился до чина капитана. Вильгельм Бекман дослужился до чина подпоручика. Все они и многие другие офицеры полка, выходцы из Прибалтики, в последующем приняли активное участие в борьбе с большевиками в составе прибалтийских национальных формирований.

После февральской революции 1917 года 434-й пехотный Череповецкий полк, как молодой полк с неустоявшимися полковыми традициями, не смог устоять против натиска всевозможных революционных агитаторов и поддался разложению. Благодаря стараниям этих всевозможных комиссаров и представителей от различных партий в полку был создан полковой солдатский комитет. К этому времени дисциплина в полку сильно пошатнулась, хотя уже с осени 1916 года в полку были заметны усиливающиеся тенденции относительно невыполнения распоряжений со стороны офицеров полка и такое массовое явление, как самовольная отлучка из расположения полка¹⁴. Уже с апреля этого года представители солдатского комитета начинают все более активно вмешиваться в полковую жизнь, оспаривают приказы командира полка и бунтуют против назначения на полковые должности неугодных офицеров.

К лету 1917 года дисциплина в 434-м пехотном Череповецком полку совсем упала. Из письма командира роты 434-го полка И. В. Федулова от 4 июня 1917 года: «Вчера было собрание батальонных командиров, командиров рот и ротных депутатов. Одна рота не нашего полка не принимает командира роты, назначенного комполка, а желают прапорщика... Решили послать депутацию к

---

¹¹ Суворов Иван Семенович родился 22 февраля (ст.ст.) 1865 года. На 1937 проживал в с. Варнавино (Горьковская область). Арестован органами НКВД. Осужден тройкой по обвинению в контрреволюционной деятельности к «высшей мере наказания». Расстрелян 26 декабря 1937 года. Книга памяти Нижегородской обл. (<http://lists.memo.ru/d31/f344.htm#n41>). Его фото есть на сайте <http://ria1914.info>.

¹² <http://dereksiz.org/spravochniku-oficerskij-korpus-orenburgskogo-kazacheego-vojska.html?page=9>

¹³ <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=9591>

¹⁴ http://бд.ррвиа.рф/cases/495?CaseRec_page=386

«товарищу» Керенскому с просьбой отменить приказ полковника и оставить прапорщика командовать»¹⁵.

Такая ситуация в конечном итоге привела к тому, что с началом наступления германских войск в сентябре 1917 года на Ригу, оказавшимся возможным после оставления Икскюльского плацдарма, батальоны полка не пожелали выходить на позиции, а затем бежали в панике, как и другие части, оборонявшие Рижский плацдарм. В итоге Рига германцами была захвачена.

Ситуация в полку стала еще более острой, когда к власти пришли большевики. Солдаты никак не хотели продолжать войну, они бунтовали, митинговали, бросали позиции и угрожали расправой своим офицерам. Толпы дезертиров потянулись с фронта в центральные губернии, захватывая для своего бегства поезда и грабя по пути склады, станции и деревни. На фронте осталась лишь офицерская часть полка, да старые еще имперской выучки солдаты.

С приходом к власти большевиков правительство Ленина-Троцкого заключило с германским командованием 24 ноября 1917 года временное перемирие, которое длилось до 19 февраля 1918 года.

К этому времени 434-й пехотный Череповецкий полк находился севернее города Риги (захваченный германской армией) в районе дачи Сигулда, прикрывая железную дорогу и шоссе Рига — Псков¹⁶. Здесь он еще 26 января (8 февраля) сменил части 2-го Сибирского корпуса. Задача перед полком была следующая: прикрывать направление Рига-Псков. В случае наступления германцев отход разрешался только под натиском значительных сил противника по приказанию командования с обязательным условием уничтожения всех запасов, невывезенной материальной части артиллерии и порчи путей, особенно шоссе и железных дорог. При этом нужно отметить, что по фронту 43-го армейского корпуса не осталось ни одного артиллерийского орудия.

Днем 18 февраля накануне наступления германские парламентарии на многих участках фронта известили командиров оставшихся на фронте частей бывшей Русской императорской армии о том, что перемирие заканчивается. Так было и в расположении 434-го пехотного Череповецкого полка. 18 февраля начальник штаба 43-го корпуса сообщил в штаб 12-й армии (донесение № 0192), что «в 13 час. 50 мин. командир 434-го Череповецкого полка (109-й пехотной дивизии) донес: на участок полка приходил германский лейтенант, парламентар, который передал, что сегодня в 12 часов будет дан орудийный залп по всему фронту; это возвестит, что перемирие кончено и возобновляются военные действия. Приказания о наступлении немцы пока не имеют, но возможно ожидать это приказание с минуты на минуту, причем лейтенант заявил, что если русские при наступлении немцев будут отходить без огня, то немцы тоже открывать огня не будут. Если же со стороны русских будет огонь, то немцы тотчас же тоже откроют огонь»¹⁷.

В тот же день вслед за этим было получено второе донесение (№ 0193), извещавшее, что солдаты 434-го Череповецкого полка самовольно оставляют позиции и собираются на даче Сигулда.

Полковой комитет 434-го пехотного Череповецкого полка совместно с командным составом, обсудив создавшееся положение, решил, что оставшиеся подразделения должны отходить к станции Лигатне, так как все увещания полкового комитета ни к чему не привели¹⁸. К 19 февраля по донесениям

¹⁵ <http://www.cpv.ru/modules/myhistory/item.php?itemid=30>

¹⁶ Черепанов А. И. Под Псковом и Нарвой. М. Воениздат, 1956. Стр. 41.

¹⁷ Черепанов А. И. Под Псковом и Нарвой. М. Воениздат, 1956. Стр. 68.

¹⁸ Черепанов А. И. Под Псковом и Нарвой. М. Воениздат, 1956. Стр. 68.

начальника 109-й пехотной дивизии в полку оставалось всего не более 60 человек.

К 13 часам 19 февраля на станции Лигатне от всей 109-й пехотной дивизии остались командиры 433-го пехотного Новгородского и 434-го пехотного Череповецкого полков и их адъютанты, по два телефониста и шесть разведчиков¹⁹. В 13 часов 30 минут после короткого артиллерийского обстрела ст. Лигатне немцы заняли ее. Специальный состав из паровоза и двух вагонов, предназначенный для подрыва железнодорожных сооружений, мостов и пути, отошел, не успев подорвать пути станции. Штабы полков отошли к штабу дивизии в поселок Лигатне, а оттуда вместе со штабом дивизии направились на Цесис и далее на Смилтэнэ.

В последующие дни остатки 434-го пехотного Череповецкого полка отступали вдоль Псковского шоссе в направлении города Псков.

25 февраля узнав, что германские войска уже заняли город Псков, командование 109-й пехотной дивизии приняло решение обходить Псков между городом и Псковским озером. Остатки 434-го пехотного Череповецкого полка следовали вместе с дивизией и 26 февраля достигли селения Маслогостица восточнее Пскова. Затем штаб полка с оставшимися людьми своим ходом отбыл в город Новгород, куда и прибыл 9 марта. В Новгороде было принято решение, что 434-й пехотный Череповецкий полк (вернее то, что от него осталось) направляется в город Череповец для окончательной демобилизации²⁰.

Таким образом, можно смело утверждать, что в марте 1918 года, по прибытии 434-го пехотного Череповецкого полка в город Череповец, полк прекратил свое существование, как боевая единица бывшей Русской императорской армии.

Не примирившись с приходом к власти большевиков, многие офицеры и старые солдаты полка приняли в Гражданской войне против них активное участие. В составе Северо-западной армии генерала Юденича они участвовали в первом и втором наступлении на Петроград в 1919 году, а некоторые даже смогли пробраться на Юг к генералу Деникину или в Сибирь к Колчаку. Так, например, прапорщик военного производства А.А. Гарманов²¹ после расформирования полка уехал в Сибирь, где по мобилизации служил в армии адмирала Колчака. До октября 1920 года служил в должности начальника конной разведки. После разгрома армии Колчака остался в Иркутске, где был арестован и долго проверялся ЧК. И снова был мобилизован – на этот раз в Красную Армию. В начале 1921 года демобилизовался и приехал в Череповец. Устроился на службу в череповецкую милицию в отдел управления в качестве переписчика. Но через полгода как бывший белый офицер попал под сокращение.

Увы, в Белой армии Череповецкий пехотный полк даже в лице маленького подразделения не был заново воссоздан, и поэтому его небольшая полковая история в 2,5 года с расформированием в марте 1918 года закончилась.

В наши дни в Латвии существуют организации, которые занимаются сохранением памяти подвигов солдат и офицеров Русской императорской армии в годы Первой мировой войны. Среди таковых организаций ведущую роль занимают «Русское общество в Латвии» и «Союз поисковых отрядов Латвии». Их усилиями восстанавливаются воинские мемориалы и захоронения времен Первой мировой войны, ведется поиск данных по русским солдатам и офицерам.

¹⁹ Черепанов А. И. Под Псковом и Нарвой. М. Воениздат, 1956. Стр. 69.

²⁰ Черепанов А. И. Под Псковом и Нарвой. М. Воениздат, 1956. Стр. 115.

²¹ Шалашов Е.В. Милиция Череповецкой губернии в 1918 – 1927 годах. Череповец: Краевед. альм. / Мэрия г. Череповца, Череповец. музейное об-ние, Вологод. пед. ун-т. - Вологда: Русь, 1996. - Вып. 3 / [Гл. ред. С. Г. Карпов]. - Легия, 2002. - 318, [2] с., [4] л. ил.: ил.

Так их усилиями в городе Юрмала восстановлены воинские братские могилы на территории парка Кемеру²². Могилы расположены севернее и восточнее православной церкви Святых апостолов Петра и Павла. На могилах имеется памятник, памятная плита и памятный знак, которые были восстановлены усилиями «Союза поисковых отрядов Латвии». Надписи на памятнике: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя. Иоанна, гл. ЕІГІ» и «Здесь покоятся 97 воиновъ, павшихъ в бояхъ подъ Кеммерномъ въ великую мировую войну 1915 – 1917 г. J.Knibe Riga». Всего в братских могилах покоится 98 воинов и сестра милосердия. Памятная плита содержит данные о 98 русских воинах. Среди них упоминается четверо рядовых 434-го пехотного Череповецкого полка:

1. Рядовой Федор Нестеров, 434-й Череповецкий пехотный полк.
2. Рядовой Адам Семенчук, 434-й Череповецкий пехотный полк.
3. Рядовой Федор Филиппов, 434-й Череповецкий пехотный полк.
4. Рядовой Александр Марыкленко, 434-й Череповецкий пехотный полк²³.

И, конечно же, еще много наших земляков, известных и неизвестных, лежат до сих пор в земле Латвии, погибших и умерших от ран ради победы Русской армии в той Великой войне; победы, которую у нас тогда нагло украли.

Приложение.

Суворов Иван Семенович

Иоганн Поопуу

²² <https://pochta-polevaya.ru/aboutarmy/history/zabytyye-stranitsy-velikoy-voynyy/a288581.html>.

²³ Архивные данные Льва Николаевича Пунина на основе «Книги-летописи Кеммернской Петропавловской церкви» протоиерея Романа Пассита (1926 год), <https://pochta-polevaya.ru/aboutarmy/history/zabytyye-stranitsy-velikoy-voynyy/a288581.html>.

Судьба семейства Верещагиных в первые годы Советской власти. Из истории мемориального дома-музея В.В. Верещагина (По документам МКАУ «ЧЦХД»)

Гибель В.В. Верещагина в русско-японской войне 1904-1905 гг., безусловно, стала невосполнимой потерей как для семейства Верещагиных, так и для всей русской культуры. Тем не менее, жизнь родных великого русского художника-баталиста продолжалась и была включена в исторические события, предвосхищенные бурным началом XX века.

Революционные события февраля-октября 1917 года с корнем вытягивали основы «Старого порядка» русского общества, веками складывавшиеся руками правящих элит предшествующих эпох. Эрозивные ветра периода перемен уничтожили старое сословное деление, водрузив поверх новую классовую систему социалистического общества, где не было места дворянству и духовенству, но оставалось большое пространство для реализации возможностей промышленному пролетариату и колхозному крестьянству с небольшой прослойкой интеллигенции. Декрет советской власти «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», утвержденный 23 ноября 1917 г., положил начало обозначенному процессу. Новый закон провозглашал следующее: «Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются... Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям...». В Конституции РСФСР 1918 г. появляется статья, устанавливающая круг лиц, ограниченных в праве избирать и быть избранными. К таковым относились в том числе:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

Так заканчивается история дворянства и дворянских гнезд в России и появляется новая социальная категория маргиналов - «лишенцы».

События революционной бури 1917 г. настигли и семейство Верещагиных, проживавших тогда в своем имении в д. Пертовка. В результате социальных преобразований в деревне и новой земельной политике, помещики лишались всей недвижимости. Та же судьба ожидала и имение Верещагиных, где тогда проживала вдова Николая Васильевича Верещагина Татьяна Ивановна с детьми. Однако выселение Верещагиных из отчего дома миновало их. Татьяна Ивановна Верещагина пишет ходатайство в Череповецкий Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, где отмечает заслуги своего мужа Николая Васильевича перед отечественным сельским хозяйством и подает прошение оставить ее семью на прежнем месте.¹ Ее ходатайство было удовлетворено: семья оставалась жить в своем имении, а все недвижимое имущество и инвентарь были

---

¹ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 15.

перераспределены по социалистической норме в соответствии с документами земельного отдела Исполнительного комитета Череповецкого Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и Любецкого волостного земельного отдела, которые сегодня находятся на хранении в Череповецком центре хранения документации.²

Значение деятельности брата Василия Верещагина Николая Васильевича еще не раз будет вспоминаться его потомками. Его старший сын Кузьма Николаевич Верещагин в 1925 году написал заявление в Народный комиссариат земледелия, в котором просил обеспечить доступ его детям к одному из столичных высших учебных заведений для продолжения образования в свете выдающихся заслуг его отца в деле народного хозяйства.³ В этом же году Народный комиссариат земледелия направляет письмо в Московский Высший Зоотехнический Институт с просьбой о зачислении в ряды обучающихся учреждения Николая Кузьмича Верещагина, внука инициатора кооперативного маслоделия.⁴

1929-1930 годы стали тяжелым временем для Кузьмы Николаевича Верещагина и его семьи. В связи со сворачиванием Новой экономической политики в 1928 году и началом коллективизации началась новая кампания по лишению политических прав лиц, подозреваемых в получении нетрудовых доходов. В числе подозреваемых оказался и гражданин д. Пертовка Череповецкого района Кузьма Николаевич Верещагин. По решению Любецкого сельсовета он был лишен избирательных прав. Среди причин, придававших гражданину Верещагину статус «лишенца», назывались помещичье прошлое и нетрудовые заработки.⁵ Кузьма Николаевич не согласился со сложившимся положением и обжаловал вынесенное решение. В заявлениях он указывал, что не может иметь статус «бывшего помещика», поскольку его отец был женат на сельской обывательнице, нетрудовых доходов никогда не получал, а за одиннадцать лет советской власти ни разу не проявлял к ней нелояльное отношение.⁶ Более того, Кузьма Николаевич был на хорошем счету в сельской округе, о чем говорит его двухлетняя деятельность в качестве ликвидатора неграмотности при своем сельсовете, а также оказание им услуг медицинской помощи на добровольных и безвозмездных началах.⁷ Ну, а во главу угла К.Н. Верещагин вновь поставил заслуги своего отца перед народным хозяйством страны. Несмотря на все обстоятельства, Любецкий сельсовет отказал Кузьме Николаевичу в восстановлении избирательных прав в то время, как Череповецкая окружная избирательная комиссия посчитала их в комплекте с приложенными документами достаточным основанием для пересмотра решения. 22 апреля 1929 года гражданин К.Н. Верещагин был восстановлен в избирательных правах.⁸ В 1930 г. Кузьму Николаевича повторно пытаются лишить избирательных прав, на этот раз более вероломно: придание статуса «лишенца» сопровождалось издевательствами и угрозами.⁹ Сам Кузьма Николаевич связывает такое отношение с плановой кампанией по ликвидации кулачества в деревне.¹⁰ Однако окружная избирательная комиссия вновь встает на сторону потерпевшего и подтверждает ране вынесенное решение от 22 апреля 1929 года.¹¹

² ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 21-22.

³ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 10.

⁴ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 13.

⁵ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 32.

⁶ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 15, 24-27.

⁷ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 17, 26.

⁸ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 7.

⁹ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЧЦХД. Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 36. Л. 45.

Тем не менее, семья Кузьмы Николаевича Верещагина недолго проживала в своем родовом имении. В начале 1930-х годов в пертовском доме разместился детский санаторий, а Кузьма Николаевич с семьей были выселены в деревню Пертовку, их имущество было частично распределено по учреждениям, частично распродано. Судьба Пертовского имения осталась в воспоминаниях представителя семьи Ваниных – соседей и хороших знакомых Верещагиных. Вот, что Юрий Николаевич Ванин сохранил в своей памяти: «.... Дело в том, что Кузьма Николаевич и его семья решили передать свою усадьбу под пионерский лагерь санаторного типа, а купить дом моих родителей и брата отца. Наш дом – большой пятистенок под железной крышей и строганными стенами – внутри имел летнюю половину и зимнюю, несколько чуланов, большое подворье и сенник. Вдоль дома была огромная терраса, где летом в дождь наши семьи пили чай и обедали. <...>И вот купля дома состоялась, и Кузьма Николаевич переехал <...>. Я был несколько раз там и разговаривал с Кузьмой Николаевичем, смотрел картины, которых было очень много <...>. В [то] лето, когда приехала первая смена пионерского лагеря и дети занимали усадьбу Верещагиных, я был в Пертовке и вместе со своими друзьями радовался тому, что в холле парадного подъезда были шикарные ковровые дорожки и плюшевые портьеры малинового цвета на дверях, стояли два больших кресла-качалки, мебель, которая осталась, была из темного дерева, стены оклеены красивыми обоями <... >. На чердаке было много старой мебели и очень много рисунков различных художников на листах ватмана <...> Вечером на линейке начальник лагеря <...> предупредил, чтобы пионеры бережно относились к мебели и имуществу усадьбы, так как она является государственной собственностью, и особенно просил сберечь эти рисунки для музея»¹². И тут вновь всплывает имя художника Василия Васильевича Верещагина. Дело в том, что все это время пертовским имением интересуется Череповецкий краеведческий музей, выступивший с инициативой о создании музея, посвященного жизни и творчеству великого русского художника-баталиста. Идея эта возникает не на пустом месте: первое поступление экспонатов и появление интереса жителей города Череповца к личности и творчеству художника относятся к 1927 году, когда в дар городскому музею были переданы Василием Николаевичем Верещагиным (младшим сыном Николая Васильевича) 43 литографии с картин Василия Васильевича и 2 цветных изображения – Василия Васильевича и Николая Васильевича. По этому случаю в марте 1927 г. Череповецким музеем была организована выставка копий картин В.В. Верещагина. Череповчане проявили интерес к выставке и остались ею довольны, о чем говорят положительные комментарии, оставленные посетителями музея в книге отзывов¹³. Череповецкий окружной музей впоследствии поблагодарил В. Н. Верещагина за неоценимый вклад в развитие музейного дела нашего края¹⁴.

С этого момента развернулась работа Череповецкого музея по расширению фонда Верещагиных. Уже в мае 1928 года заведующий Череповецким окружным музеем Яков Терентьевич Богачев пишет Кузьме Николаевичу в Пертовку с просьбой сообщить максимально точно важные вехи в биографии его отца Николая Васильевича Верещагина. В этом же письме Богачев говорит о том, что в будущем предполагается поставить вопрос о принятии на учет пертовской усадьбы, как памятника, связанного с двумя крупными именами в истории

¹² Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: «Русь», 1996. С. 310, 312.

¹³ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 11. Л. 41-43.

¹⁴ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 173.

России¹⁵. События не заставили себя долго ждать. Узнав о судьбе имения, 19 февраля 1930 г. директор Череповецкого краеведческого музея обращается в президиум окружного исполкома Череповецкого Совета: «Имея сведения о ликвидации имения Пертовки, Мяксинского района Череповецкого округа, родины известного художника В.В. Верещагина, в которой имеются картины, фамильные портреты, рисунки, часть библиотеки др. вещи, имеющие музейное значение, окружной музей просит Президиум Окружного исполкома дать разрешение на осмотр данных вещей и передачи некоторых из них окружному музею¹⁶. Новый виток развития события вокруг музея получили уже во второй половине 1930-х годов. Новые обстоятельства возникли в связи с проектом Волгостроя по строительству Рыбинского гидроузла. Обратной стороной данного проекта стало затопление жилой зоны части районов, прилежащих к Череповцу. В зону затопления попала и деревня Пертовка Мяксинского района. В октябре 1938 г. Череповецкий музей обращается в Президиум Горсовета. В докладной записке значится: «В отношении увековечия памяти художн. Верещагина В.В. Череповецкий музей просит президиум Горсовета рассмотреть следующий вопрос. В селе Пертовка Мяксинского р-на имеется деревянный дом, в котором жил В.В. Верещагин в свои юные годы. Не найдете ли вы возможным ходатайствовать перед Вологодским Облсполкомом о передаче дома бывш. Верещагина и перевоз такого в Череповец на территорию музея. Кроме того, музей обращается с просьбой ходатайствовать пред начальником Управления по делам искусств /Москва/ с выделением картин, этюдов, рисунков В.В. Верещагина из музейных фондов центральных музеев и об отпуске средств для приобретения вещей художника Верещагина В.В., находящихся у частных лиц»¹⁷. В ответ на запрос в Наркомпрос в ноябре 1938 г. начальник Музейно-Краеведческого отдела Радус-Зенькович пишет: «Горсовет Череповца в письме председателя его товарища Смирнова ставит вопрос об организации в г. Череповце музея им. Верещагина В.В. путем переноса в город дома Верещагина из затопляемой зоны. Независимо от разрешения вопроса, переданного НКП на решение всесоюзного комитета по делам искусств, поскольку эта группа музеев относится к их ведению, Вам, как директору краеведческого музея, надлежит ознакомиться усилением, а также организовать собрание материала на месте»¹⁸.

Жители Череповца и городские власти проявили к затее большой интерес. Череповецкий Горсовет утвердил смету на перенос дома В.В. Верещагина в размере 70 563 рублей 39 копеек согласно протоколу № 54 и включил указанную сумму в бюджет 1939 года¹⁹.

Поскольку предстоявший 1939 г. оказался круглой датой, связанной с жизнью В. В. Верещагина (35 лет со дня смерти художника), Череповецкий музей наметил ряд мероприятий, среди которых были: установление мемориальной доски на доме, где родился художник; проведение лекций о жизни и творчестве Верещагина; организация выставки; переименование улицы Загородней в ул. Верещагина; и восьмым пунктом – «В течение зимы 1939 г. перевезти в Череповец дом Верещагина из Пертовки, добившись соответствующих ассигнований по бюджету, и в летний строительный сезон собрать дом для открытия в нем постоянного музея Верещагина».

Череповецкий музей отнесся к организации выставки, посвященной В.В. Верещагину, со всей серьезностью и развернул широкую поисковую работу по

¹⁵ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.

¹⁶ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 48. Л. 44.

¹⁷ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 177.

¹⁸ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 199.

¹⁹ ЧЦХД. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 316. Л. 31, 34.

увеличению материалов музейного фонда Верещагиных. Директор музея делал запросы в Третьяковскую галерею, Вологодский музей, Молочно-хозяйственный институт, Русский музей с целью получить репродукции картин для выставки и предметы, связанные с жизнью художника²⁰. Вещи, принадлежавшие ранее Верещагиным и оказавшиеся теперь в распоряжении колхозов и сельсоветов, приходилось получать при содействии городской власти. Так, в Протоколе заседания Президиума Череповецкого Городского Совета № 51 от 22 ноября 1938 года находим: «Принимая во внимание, что для организации мемориального музея им. худ. Верещагина В.В. и выставки, необходима стильная мебель той эпохи, что такая мебель имеется в 2-х местах; а) в совхозе «Комсомолец» (б. дача Гальского) и б) в Вахновском санатории, при чем мебель находится на учете музея <...>. Поэтому Президиум Горсовета постановляет просить Оргкомитет ВЦИК по Вологодской области первое: обязать дирекцию совхоза «Комсомолец» передать музею из находящейся на учете у последнего, следующую мебель – столик полированного дерева с ножкой в виде лиры, часы бронза с зеленым мрамором, французской работы, зеркало стенное – нач. XIX в. и комод с нач. XIX века и второе: предложить Вологодскому Облздравотделу из Вахновского санатория передать музею столы, диваны, кресла, вывезенные в санаторию из Пертовки дома б. Верещагина»²¹. Тем не менее, получение экспонатов в коллекцию музея не всегда имело положительный результат. В ноябре 1938 г. Череповецкий музей обратился в Любецкий сельсовет с просьбой передать ему бронзовую салютную пушку, которая ранее принадлежала художнику Верещагину. Ответ из сельсовета был следующим: «Любецкий сельсовет сообщает, что имеющуюся пушку чугунную при Любецкой церкви разорвало в 1919 году. Обломков никаких не осталось»²².

Череповецкий музей обращался и к частным лицам, которые могли помочь в восстановлении фактов биографии В.В. Верещагина. 12 ноября 1938 г. засвидетельствовано обращение директора Череповецкого музея народному артисту СССР Владимиру Ивановичу Немирович-Данченко (1858-1943), известному театральному деятелю и младшему брату Василия Ивановича Немирович-Данченко (1848-1936) – русского писателя и журналиста. Василий Иванович был военным корреспондентом во время русско-турецкой войны 1877-78 гг., где и познакомился с Василием Васильевичем Верещагиным. По результатам этого знакомства Немирович-Данченко сделал несколько заметок о художнике и о его брате Сергее, которые были опубликованы в 1881 г. в «Художественном журнале». Именно за воспоминаниями о В.В. Верещагине и обращается Череповецкий музей к брату писателя²³. В это же время директор Череповецкого музея пишет Владимиру Александровичу Филиппову, известному театроведу и мужу дочери В.В. Верещагина Лидии Васильевны: «Череповецкий Краеведческий музей обращается к Вам с просьбой, имеющиеся у Вас фотографии, письма, рисунки, этюды и т.д. характеризующие художника Верещагина В.В. передать в Череповецкий музей или же продать»²⁴.

Организованная в 1939 г. выставка прошла успешно, о чем говорит посещаемость музея. Из 4800 человек, посетивших музей, 1998 были посетителями выставки «Жизнь и деятельность художника В.В. Верещагина»²⁵. С переносом же пертовского дома и дальнейшей реконструкцией его в качестве

²⁰ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 122, 191, 196, 205.

²¹ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 208.

²² ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 198, 201.

²³ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 181.

²⁴ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 87. Л. 188.

²⁵ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 95. Л. 30.

музея сложилась иная ситуация. В отчете музея за 1939 г. находим: «ЧКМ в 1939 г. получил от Волгостроя в д. Пертовка Мяксинского района Вологодской области деревянный дом, в котором провел свое детство уроженец г. Череповца художник В.В. Верещагин. Из зоны затопления данное здание перевозится на территорию Череповецкого краеведческого музея. По отпуске соответствующих кредитов это здание предполагается реставрировать и использовать под экспозицию мемориального подотдела художника Верещагина и исторического отдела музея. На перевозку дома Верещагина по местному бюджету в 1939 г. было отпущено внелимитных средств 20 тыс. руб., которые полностью были израсходованы к 1 января 1940 г.»²⁶. Вероятно, эти 20 тыс. рублей ушли на разбор здания и перенос строительных материалов в Череповец. В итоге, дом Верещагиных не был реконструирован, а проект мемориального музея заморожен на неопределенное время. «Бывший помещичий дом Верещагина в с. Пертовка 10 км от г. Череповца. В 1940 г. это здание перевезено из с. Пертовки в г. Череповец в связи с затоплением территории Пертовки при реконструкции местных путей. Предполагавшаяся сборка и реставрация дома Верещагиных в г. Череповце не состоялась в виду отсутствия кредитов» – читаем в отчете музея за 1940 год²⁷. Так было положено начало мемориальному музею семьи Верещагиных и почитанию жизни и творчества В.В. Верещагина в г. Череповце.

---

²⁶ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 95. Л. 23.

²⁷ ЧЦХД. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 97. Л. 37-39.

О.Г. Волкова,
начальник отдела научно-справочного аппарата КАУ ВО
«Вологодский областной архив новейшей политической истории»

Череповецкий городской комитет ВЛКСМ: первые годы деятельности (1939-1945 гг.)

Городские и районные комитеты являлись региональными руководящими органами Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Их основной задачей было руководство первичными комсомольскими организациями и пионерскими отрядами.

До создания Череповецкого городского комитета комсомола первичными комсомольскими организациями города руководил районный комитет ВЛКСМ, созданный в 1927 г., когда произошли важные административно-территориальные изменения: ликвидация Череповецкой губернии, возникновение Череповецкого округа и его районирование. Череповец стал районным центром сначала Ленинградской, а с 1937 г. – Вологодской области.

В 30-х гг. город непрерывно рос и развивался. Приток населения был обусловлен реконструкцией Мариинской водной системы, строительством речного порта в Череповце. В 1939 г. население города составило около 32 тыс. человек¹. В городе было несколько промышленных предприятий: завод «Красная звезда», лесопильный завод, артель «Металлист», хлебокомбинат; 12 школ; педагогическое училище, три техникума (ветеринарный, дорожный и механический), фельдшерско-акушерская школа, учительский институт. Выросла и численность районной комсомольской организации. К 1939 г. она объединяла около 5 тыс. членов ВЛКСМ, более 200 первичных комсомольских организаций². Аппарат райкома ВЛКСМ больше не мог оперативно справляться с руководством комсомольскими организациями и контролировать их работу.

По этой причине, а также принимая во внимание дальнейшие перспективы роста Череповца, вышестоящие комсомольские органы приняли решение о разукрупнении Череповецкой районной комсомольской организации.

19 октября 1939 г. состоялось заседание областной оргкомиссии ВЛКСМ под председательством Тамары Кондраковой. Заслушав решение ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ и Вологодского обкома ВЛКСМ о создании городского комитета комсомола, члены оргкомиссии определили дату созыва I городской комсомольской конференции и ее повестку дня.

Первая Череповецкая городская комсомольская конференция состоялась 27 октября 1939 г. На ней присутствовало 132 делегата – представители комсомольских организаций промышленных предприятий и артелей, государственных учреждений, учебных заведений, транспорта, воинских частей.

Заслушав постановление «О создании Череповецкого городского комитета ВЛКСМ», делегаты единодушно признали своевременность этого решения. «Горком ВЛКСМ должен повседневно направлять работу комсомольских организаций, помогать им воспитывать комсомольский актив... заниматься отбором лучшей активной молодежи, преданной делу Ленина-Сталина...»³ Был избран состав пленума горкома (25 человек) и ревизионной комиссии. В резолюции конференции делегаты поставили перед новой руководящей структурой целый ряд задач, которые и определили ее функции.

Также на I городской комсомольской конференции был избран секретарь Череповецкого городского комитета ВЛКСМ. Им стала Тамара Акентьевна Кондракова. Уроженка Свердловской области, Тамара Акентьевна окончила Уральский рабфак в г. Свердловске, училась в Уральском горном институте, но не окончила его по состоянию здоровья. По окончании Уральского лесотехнического института была направлена на работу в Череповец, на должность инженера-технолога завода Главлесоспирта.⁴ Работая на заводе, принимала участие в общественной жизни коллектива, была комсоргом завода. На момент избрания секретарем городского комитета ВЛКСМ Тамаре Кондраковой было 25 лет. Как свидетельствует служебная характеристика, Т.А. Кондраковой, она взялась руководить комсомольской жизнью Череповца с большим энтузиазмом, проявляя серьезное отношение к порученному делу. Особое внимание она уделяла работе школьных комсомольских организаций.⁵ В декабре 1940 г. Т.А. Кондракова была избрана депутатом Череповецкого городского Совета депутатов. За несколько месяцев до этого обязанности секретаря начал исполнять Василий Капитонович Михайлов. Свой трудовой путь он начал рабочим – слесарем на заводе в Ленинграде. Отслужив в рядах РККА, работал сначала счетоводом в Белозерске, а затем перешел в политотдел Шекснинского речного пароходства. По окончании курсов партийно-комсомольских работников был назначен инструктором по комсомолу политотдела пароходства. В декабре 1940 г. на II конференции ВЛКСМ избран секретарем городского комитета комсомола.⁶ На этом посту он проработал до мая 1941 г.

Работа Череповецкого горкома комсомола шла в нескольких приоритетных направлениях, за которые отвечали соответствующие комиссии. Их в аппарате горкома ВЛКСМ было 4: комиссия по пропаганде и агитации; по работе со школьной молодежью и пионерами; по военно-физкультурной работе; культмассовая комиссия.

Во-первых, это учет комсомольцев города и пополнение рядов комсомольской организации. Комсомольцам отводилась авангардная роль на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях. Поэтому комитет комсомола уделял большое внимание их политической подготовке.

Большое внимание горком комсомола уделял военно-физкультурной работе. Физкультура и спорт признавались делом «большой государственной важности, частью коммунистического воспитания молодежи». Поэтому ежегодно проводились празднование Дня физкультурника (летом), лыжные кроссы (зимой), другие спортивные соревнования - главными их участниками была молодежь. Эти мероприятия проводились совместными силами горкома комсомола и военного отдела горкома партии. Цель физкультурной работы состояла в подготовке защитников родины, поэтому комсомольцы массово изучали военное и санитарное дело, готовились к сдаче норм ГТО и БГТО. На III пленуме Череповецкого горкома ВЛКСМ, за 10 дней до начала войны было сказано: «...надо не забывать, что готовимся к серьезной войне с сильным врагом. Мы должны дать отпор и уничтожить его на его территории...»⁷ Это любопытно, поскольку официальная пропаганда накануне войны отрицала вероятность нападения Германии на СССР.

Третьим основным направлением было руководство пионерской организацией города. Комитет комсомола курировал работу пионервожатых; при нем была создана комиссия по работе со школьной молодежью и пионерами.

Когда началась Великая Отечественная война, и Череповец фактически стал прифронтовым городом, перед комсомольцами города встали новые задачи. Во-первых, юноши допризывного возраста и девушки заменили ушедших на

фронт мужчин на производстве и транспорте. На предприятиях создавались фронтовые комсомольские бригады, проходили соцсоревнования – их организатором был горком ВЛКСМ. Как правило, они были приурочены к праздничным датам – дню Красной Армии (23 февраля), 1 мая, годовщинам Октябрьской революции. В 1943 г. комсомольцы города включились в соцсоревнование в честь 25-летия ВЛКСМ, его инициаторами стали комсомольцы швейной фабрики. Лучших рабочих комитет комсомола поощрял занесением на Доску Почета.

В годы войны в Череповце было развернуто несколько эвакуационных госпиталей. Комсомольские организации города взяли над ними шефство. Для подшефных госпиталей собирали посуду, постельные принадлежности, художественную литературу, подарки к праздникам. Оказывали помощь в ремонте и благоустройстве зданий госпиталей, распилке дров, стирке белья, починке и шитье обмундирования. Горкомом ВЛКСМ было утверждено 60 политбойцов – для проведения политинформаций с ранеными, для оформления наглядной агитации в госпиталях. Были организованы комсомольские дежурства в госпиталях, на железнодорожной станции и пристани.

В годы войны руководящие комсомольские органы предпринимали меры по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В 1942 г. при городском отделе милиции были созданы комсомольские группы для помощи милиции. В общественных местах (кинотеатр, рынок) дежурили комсомольцы. При Череповецком горкоме ВЛКСМ создали тройку, в которую вошли, кроме представителя комитета, сотрудник горотдела народного образования и инспектор горотдела НКВД. Тройка занималась выявлением и трудоустройством беспризорных детей.

Антонина Николаевна Соколова, выпускница Вологодского педагогического училища, была избрана секретарем горкома ВЛКСМ в марте 1942 г. До этого преподавала в начальной школе, затем была инструктором отдела пропаганды и агитации Вологодского горкома ВЛКСМ.

В ее характеристике было сказано: «...За период работы секретарем горкома комсомола тов. Соколова показала себя энергичной и способной в проведении в жизнь решений большевистской партии... значительно улучшилась работа первичных комсомольских организаций, заметно поднялась дисциплина... членов КПСС. ...Соколова часто бывает в первичных комсомольских организациях с целью проверки их работы и оказания практической помощи...»⁸

Бубнова Калерия Степановна была назначена на пост секретаря горкома ВЛКСМ 20 августа 1943 г. Родилась в Вытегре, в 1921 г. Высшее образование получала сначала в Ленинградском государственном университете, затем – в Арзамасском учительском институте. В 1940 г. вместе с мужем приехали работать в Череповец, Калерия Степановна работала заведующей библиотекой в учреждении НКВД (тюрьме). На момент избрания на должность секретаря горкома ВЛКСМ 22-летняя Калерия Степановна была вдовой с дочерью на руках. Ее муж, ушедший в Красную Армию, в сентябре 1941 г. погиб в Ленинграде, во время пожара в госпитале, в котором он находился после ранения.

Калерия Степановна руководила комитетом комсомола почти полтора года. Поскольку она хорошо зарекомендовала себя на этом посту, имела высшее образование и являлась членом партии – ее назначили на должность заведующей парткабинетом Череповецкого городского комитета ВКП(б). В 1948 г. она закончила обучение в Ленинградской областной партийной школе. Ее дальнейшая партийная карьера неизвестна.

Нина Георгиевна Луненкова накануне войны она закончила первый курс Ленинградского государственного университета. В сентябре 1941 г. начала

работать старшей пионервожатой в Череповецкой средней школе № 1. В личном деле Н.Г. сохранился отзыв о ее работе, написанный Ангелиной Анатольевной Алексеевой.

Через несколько месяцев ее «забрали» в горком ВЛКСМ, где она заведовала учетом. Для повышения квалификации ее направили на курсы пропагандистов в Свердловск. В июле 1942 г. Луненкову назначили инструктором отдела пропаганды и агитации Вологодского областного комитета ВЛКСМ; но уже через полгода она вернулась в Череповец. Работала в клубе эвакогоспиталя 5091, затем в школе ФЗО зам. директора по политчасти. В мае 1944 г. ее избрали вторым секретарем Череповецкого горкома ВЛКСМ, а в сентябре того же года она сменила К.С. Бубнову на посту первого секретаря. В 1946 г. Луненкову наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Руководящий пост она оставила в 1947 г., в связи с поступлением в Череповецкий учительский институт.

Примечания:

¹ ВОАНПИ. Ф.3599. Оп.1. Д.42. Л.3.

² Там же, Л.6.

³ Там же.

⁴ Ф.2522. Оп.10. Д.1973. Л.11.

⁵ Там же, Л.14.

⁶ Ф.2522. Оп.10. Д.2715. Л.10.

⁷ Ф.3599. Оп.1. Д.5. Л.7.

⁸ Ф.2522. Оп.13. Д.4299. Л.13.

А.А. Козлов,
экскурсовод, специалист
МБУК «Череповецкое музейное объединение»

Предложение о создании в Череповце «Шахматного сквера» на мемориальном месте дома детства международного гроссмейстера Валентины Михайловны Беловой-Борисенко (1920-1993)

Настоящая краеведческая публикация посвящена памяти выдающейся череповчанки Валентины Михайловны Беловой-Борисенко (1920-1993) – международного гроссмейстера, шахматистки, ставшей пятикратной чемпионкой СССР и четырехкратной чемпионкой РСФСР.

Валентина Михайловна Белова родилась в г. Череповце 28 января 1920 года, что подтверждается ее свидетельством о рождении, выданным городским отделом ЗАГС. На это обратил внимание череповецкий педагог по шахматам Юрий Судаков, опубликовавший информацию в газете «Голос Череповца» более 10 лет назад («Шахматная королева с берегов Шексны», № 11 от 20.03.2007 г.). Но только в последнее время удалось узнать новые сведения. Главное, что был установлен адрес дома, в котором жила будущая шахматистка! Краеведческий поиск информации начался с того факта, что в свидетельстве о рождении указаны имена родителей.

В конце 1920-х годов ее отец Михаил Белов работал в г. Череповце врачом-ветеринаром, являлся заведующим ветеринарным отделом Окружного земельного управления (ОКРЗУ), расположенным по адресу: пер. Диктатуры Пролетариата, 17. Рядом также находилась Окружная ветлечебница (Советский пр., 118). Чуть позже М.П. Белов был старшим ветврачом на городской скотобойне (ныне это район у бывшей фабрики обуви на ул. Льва Толстого). Есть сведения, что родом он происходил из Андогских сёл. Сейчас это территория Кадуйского района, где фамилия Беловых действительно является одной из распространенных (достаточно вспомнить о командарме И.П. Белове или актере Г.А. Белове, народном артисте СССР).

Мама шахматистки Анна Анисимовна Трошенкова работала врачом-акушером в Окружной больнице. В то время домашние адреса медиков сообщались горожанам, чтобы они могли обращаться к ним в случае экстренной необходимости. Да и сами врачи всем были хорошо известны, ведь город Череповец был не таким большим, как сейчас (многих из них помнят до сих пор, это В.И. Рождественский, Н.Я. Стожков, Б.Д. Стасов, В.И. Лохичева, А.А. Нелазский, П.А. Филадельфин, Г.С. Нейштубе, Д.Д. Дмитревский, Г.Б. Бревдо, семья Маршалкович и др.). Врач А.А. Трошенкова проживала по адресу: ул. Карла Либкнехта, д. 32.

Данный адрес также нашел подтверждение еще в одном источнике информации. Дело в том, что в 1964 году в местной газете «Коммунист» вышла статья В. Хортова про сеанс одновременной игры во Дворце культуры строителей, который провела знаменитая шахматистка, приехав на встречу с земляками. Кроме прочего, в статье сказано следующее: «Валентина Михайловна родилась в Череповце. В 1929 году после смерти отца, работавшего ветеринарным врачом,

она с матерью покинула наш город. И вот теперь, после 35 лет разлуки, она снова на родине! Безусловно, города сейчас уже не узнать. Он разросся, похорошел, но как приятно пройти по знакомым улицам, посмотреть на дом № 32 по улице Карла Либкнехта, где прошло детство».

На старых фотографиях можно увидеть, каким до последнего времени был дом № 32, стоявший рядом с огромными тополями. До наших дней он не сохранился. Вероятно, многие череповчане вспомнят, где стояли те тополя. В 2011 году проводился большой ремонт дороги на улице Карла Либкнехта, и был проложен новый тротуар. Теперь возле того места вместо прежних больших тополей подрастают новые деревья...

В 1934 году под Ленинградом в пионерском лагере Валентина Белова познакомилась с молодым талантливым шахматистом Георгием Борисенко, ставшим ее другом и тренером. В 1953 году они поженились, вскоре переехали в Свердловск.

В финальных турнирах женских чемпионатов СССР по шахматам В.М. Белова-Борисенко на протяжении 28 лет участвовала 24 (!) раза и оказывалась 17 раз в пятерке сильнейших, в том числе 5 раз становилась победительницей (впервые это произошло в 1945 году). Есть статистика, что всего в чемпионатах она сыграла 416 партий, из них 168 (!) выиграла и 178 завершила вничью, тем самым опередив многих «шахматных бомбардиров» и став великой шахматисткой своего времени, одной из сильнейших шахматисток мира. В турнире претенденток на первенство мира по шахматам в 1961 году она заняла 2 место, уступив Ноне Гаприндашвили.

Нона Гаприндашвили (прославленная чемпионка мира, тренером которой также был Г.К. Борисенко) в своей книге «Предпочитаю риск» рассказывает, как побывала в гостях у Валентины Михайловны и Георгия Константиновича: «Боже, что я увидела в их квартире! Это было что-то среднее между шахматным музеем и шахматной библиотекой. На стеллажах во всю стену – шахматные книги, на столе, на стульях, на тумбочках – шахматные бюллетени, журналы и те же книги. Такого обилия шахматных книг я не видела ни до тех пор, ни потом. А на свободных местах стен – огромные плакаты, на которых крупными буквами начертаны заповеди. Например: «На e4 – c5, на 2. Kf3 – e6!» И всё это раскрашено разными красками – для большей наглядности и лучшего запоминания. <...> Шахматы значат для нее в жизни все, и это несмотря на то, что Валентина Михайловна необычайно интересуется искусством; находясь за рубежом, проявляет интерес к быту и нравам людей, жадно читает. Но все ее интересы безропотно отступают перед неистовой любовью к шахматам»...

Есть известное изречение, что человека надо заинтересовать чем-то хорошим, чтобы уберечь его от плохого. И на улице Карла Либкнехта было бы очень интересно благоустроить своеобразный «Шахматный сквер», посвященный знаменитой уроженке нашего города В.М. Беловой-Борисенко. Такой мемориальный сквер мог бы способствовать дальнейшей популяризации шахмат в г. Череповце и стать замечательным местом для прогулок будущих «шахматных королей и королев».

Очень важно, что на экскурсионной карте г. Череповца появилось новое мемориальное место.

На этой газетной фотографии 1953 года запечатлены сильнейшие шахматистки того времени. Слева направо: К. А. Зворыкина – трехкратная чемпионка СССР (двоюродная племянница изобретателя телевидения В. К. Зворыкина); Л. В. Руденко – чемпионка СССР и первая советская чемпионка мира; В. М. Белова-Борисенко – пятикратная чемпионка СССР; О. И. Семенова-Тян-Шанская – двукратная чемпионка СССР (внучка знаменитого географа П. П. Семенова-Тян-Шанского); Л. И. Вольперт – трехкратная чемпионка СССР (родственница поэта И. А. Бродского по материнской линии).

Слева – дома № 34 и № 32, стоявшие на улице Карла Либкнехта. Справа – вид того же места в настоящее время (после ремонта дороги): прекрасным дополнением этого зеленого уголка мог бы стать «Шахматный сквер», посвященный В. М. Беловой-Борисенко.

Слева – прежние дома № 36, 34, 32, 30, 28. Справа – то же место в 2000-х годах (до ремонта дороги).

Слева – почтовая открытка начала XX века. Справа – тот же ракурс в 2000-х годах (до ремонта дороги).

Деревянный дом № 34, простоявший дольше других.

О.А. Владимирова,
кандидат искусствоведения, доцент ЧГУ, преподаватель
Училища искусств и художественных ремесел им. В.В.Верещагина

Роль братьев Сырохватовых в развитии музыкальной культуры и музыкального образования г. Череповца

Череповец – город с уникальной судьбой. Здесь работали люди из разных регионов нашей страны, они помогали строить промышленные предприятия и дома, закладывали основы культуры и образования. Одними из тех, кто в середине 60-х годов приехали в наш город на работу, были братья Сырохватовы – Валерий Геннадьевич (1935-1982) и Лев Геннадьевич (1938-1999).

В середине 60-х годов в Череповце для музыкантов с высшим образованием было не так много возможностей получить достойную работу: была только одна музыкальная школа, преподавалась музыка в Педагогическом институте, были музыкальные секции при дворцах культуры и Доме пионеров.

Но отличительной особенностью нашего города было то, что молодым специалистам довольно быстро давали благоустроенное жилье и отдельные квартиры, и потому многие приезжали в Череповец, привлечённые таким заманчивым предложением.

Семья Сырохватовых была родом из Сибири. Родители братьев Валерия и Льва работали в Чусовской дистанции пути Пермской железной дороги. С 1940 года их отец, Брюхов Геннадий Капитонович работал в органах госбезопасности железной дороги, и поэтому семья часто переезжала с места на место. Они жили в Зуевке, Кишинёве, Белгороде-Днестровском. Братья учились музыке. Валерий с 1946 года обучался в Белгород-Днестровской ДМШ по классу фортепиано и скрипки, в 1950 году продолжил обучение в Кишинёвской школе-десятилетке по специальностям скрипка, арфа, сочинении музыки. В 1953 году Валерий закончил школу-десятилетку с серебряной медалью по классу арфы и сочинения музыки. В тот же год он поступил в Кишинёвскую государственную консерваторию им. Г. Музыцеску в класс композиции Леонида Симоновича Гурова. С отличием окончив консерваторию, Валерий Геннадьевич получил работу на кафедре музыкальной теории и композиции. Преподавал сочинение музыки, специальный курс полифонии и гармонии у музыковедов. Параллельно с музыкальной деятельностью Валерий Геннадьевич активно вёл общественную работу по линии комсомола – он был участником пленумов РК ЛКСММ, ЦК ЛКСММ. Обладая активной жизненной позицией, он писал патриотические песни, которые исполнялись на концертах в честь этих пленумов. В 1962-63 годах Валерий Геннадьевич исполнял обязанности ответственного секретаря правления Союза композиторов Молдавской ССР. В составе комсомольских и композиторских делегаций Валерий Геннадьевич бывал в Румынии, Чехословакии на международных музыкальных конкурсах и фестивалях, в частности на «Пражской весне» - известном фестивале современного музыкального искусства. Незадолго до приезда в Череповец на работу Валерий Геннадьевич работал над фильмом молодого тогда молдавского режиссёра Э. Лотяну «Ждите нас на рассвете» о гражданской войне в Молдавии. В кинематографической литературе о музыке, созданной им вместе с Г. Нягой, находим самые положительные отзывы: «В значительной степени на драматургию фильма работает музыка. Молодые

композиторы Г. Няга и В. Сырохватов, основываясь на мотивах молдавских дойн, написали музыку, удивительно точно соответствующую характеру фильма, его романтической приподнятости. Уже в самых первых кадрах мелодия «Мугур-мугурел» настраивает зрителя на то, что он увидит в фильме характеры героические. По своему характеру она напоминает суровые гайдуцкие песни, близкие каждому молдаванину. Но даже зрителя, не знакомого с молдавским музыкальным фольклором, музыка фильма «Ждите нас на рассвете» трогает до глубины души»¹.

В Череповецком государственном пединституте им. А.В. Луначарского Валерий Геннадьевич вёл музыкально-теоретические предметы с будущими педагогами и работниками дошкольных учреждений, играл в оркестре института (в те годы в каждом высшем учебном заведении был эстрадно-духовой оркестр, для сопровождения праздничных мероприятий и танцевальных вечеров).

Параллельно с работой в институте, Валерий Геннадьевич работал по совместительству в детской оперной студии Дворца пионеров на почасовой оплате. Он сочинил две детские оперы на стихи К. Чуковского: «Муха Цокотуха» и «Мойдодыр». В 1964 году была создана детская оперная студия и первым её спектаклем стала опера «Муха-цокотуха». По воспоминаниям участницы этого спектакля Елены Григорьевны Друзь, организаторы этой студии были настоящими энтузиастами музыкального воспитания. В постановке оперы принимала участие вся семья Сырохватовых. Мать, Нина Петровна, придумывала костюмы для героев, обходясь минимумом доступных в те годы средств, жена Валерия Геннадьевича - Людмила Александровна Гончаренко - была хормейстером студии. Опера исполнялась в Череповце, и была показана в Вологде. О постановке в Череповце детской оперы узнала даже знаменитая Наталья Сац, создательница и руководитель первого детского музыкального театра в Москве и поддержала автора и исполнителей. Но в нашем городе работа братьев Сырохватовых с детьми не нашла одобрения в музыкантской среде. Возможно, сработала обыкновенная зависть к более талантливым и оригинальным музыкантам.

Братья Сырохватовы на студии телевидения.

Братья Сырохватовы были первыми дипломированными консерваторскими специалистами в области композиции музыки и музыковедения, в тогдашнем Череповце они резко выделялись на общем уровне. Уровень их требований к студентам пединститута иногда казался администрации завышенным (об этом читаем в личном деле Л.Г. Сырохватова). Оба брата вели активную музыкально-просветительскую деятельность в нашем городе: выступали на телевидении, проводили много лекций-концертов, писали о музыке в городскую газету «Коммунист».

Лев Геннадьевич играл на скрипке в 60-е в Городском любительском, а потом и на альте (во второй половине 80-х годов) в профессиональном симфоническом оркестре, созданном В.В. Голубевой. Выступал в составе трио. Много лет на общественных началах проводил по субботам лекции-концерты в музыкальном отделе Городской библиотеки им. В.В. Верещагина. Часто выступал с лекциями о музыке перед школьниками в разных общеобразовательных школах. В самом конце жизни, уже будучи тяжело больным, он вспоминал свои концертные выступления, и говорил, что их у него более 1000.

В конце 60-х годов Валерию Геннадьевичу предложили работу в Одесской консерватории, и он уехал туда на постоянное место жительства. Лев Геннадьевич замещал брата на работе в пединституте, заканчивая заочно учёбу в Кишинёвской консерватории. К тому времени у него уже была своя семья и двое детей. Работа в институте не давала достаточных средств, и поэтому в 1968 году он на год уехал на работу в Чимкент на металлургический завод подручным сталевара, чтобы как-то поправить своё материальное положение.

А потом, когда в 1969 году в Череповце открылось Музыкальное училище, Лев Геннадьевич вернулся и проработал в училище до 1980 года. Среди его выпускников – музыканты разных специальностей, у которых он вёл теорию музыки, сольфеджио, гармонию, анализ музыкальных произведений. Проводились и занятия композицией музыки. Один из учеников Льва Геннадьевича - Игорь Субботин впоследствии поступил в Петрозаводскую консерваторию на специальность «Композиция музыки» и стал профессиональным композитором, к сожалению, он прожил недолгую жизнь – меньше 40 лет...

Мне посчастливилось учиться у Льва Геннадьевича в Училище. Он вёл у нас Теорию музыки, Сольфеджио и начала курса Гармонии. Видела однажды и старшего брата - Валерия Геннадьевича, - он приезжал с небольшим авторским концертом, который провёл в Городской библиотеке. Как педагог Лев Геннадьевич поражал нас своей любознательностью к разным сферам жизни, широким кругом интересов. В частности, он учился играть на разных музыкальных инструментах, кроме струнных, фортепиано, освоил в 70-е годы игру на электронном органе и с удовольствием играл нам органные фуги Баха. Часто музыкантов представляют белоручками, но Лев Геннадьевич был мастеровитым человеком – настраивал и ремонтировал музыкальные инструменты, дома у себя обустроив квартиру, делал полки, шкафчики. Когда студентов и преподавателей отправили в глухую деревню Ярцево в колхоз на месяц, то он помог обустроиться в заброшенном деревенском доме, сделал вместе с другими мальчишками нары, на которых потом мы спали. Он был очень эмоциональный человек со своими оригинальными взглядами на музыку, музыкальное воспитание, политику, историю, искусство. Обо всём этом он говорил с нами на уроках, иногда пугая нас своими слишком эмоциональными высказываниями и нелицеприятными оценками в адрес массовой музыкальной культуры и любых проявлений халтуры и конформизма в искусстве.

В 60-70-е годы студенты и учителя за годы учёбы становились настоящими друзьями. Отношения были очень доверительными. Наши семьи потом

подружились. Лев Геннадьевич с женой Лидией Владимировной и детьми приезжали летом к моим родителям в деревню на выходные отдохнуть. Это был «активный отдых» – рано утром они уходили в лес набрать грибов, потом их чистили, кроме этого обязательно спрашивали, чем могут помочь нам в работах на участке. За общим столом во время обеда были весёлые разговоры о жизни. А поздно вечером дружная семья Сырохватовых возвращалась в город.

После окончания училища я поступила в Горьковскую (Нижегородскую) консерваторию и после завершения учёбы приехала на работу в Музыкальное училище. Вместе с Львом Геннадьевичем выступала как концертмейстер на его концертах в музыкальных и общеобразовательных школах. С ним играла скрипичные сонаты Франка, Бетховена, переложения скрипичных концертов Шостаковича. Последние годы он работал в 4 музыкальной школе (ныне ДШИ «Гармония»), вёл музыкально-теоретические предметы и класс композиции. Многие его ученики получили профессиональное музыкальное образование и работали в музыкальных школах, продолжая дело своего Учителя.

Сноски и примечания:

1. Андон В.Д. Путешествие на Молдова-фильм. Карта молдовеняскэ, 1968. С. 69-70.

Список источников:

1. Личное дело Сырохватова Валерия Геннадьевича. Архив ЧГУ Оп. №5, ед. хр. № 472. 33 л.
2. Личное дело Сырохватова Льва Геннадьевича. Архив ЧГУ Оп. №5 ед. хр. № 510 50 л.

Приложение.

Е.Г. Друзь

Воспоминания о Детской оперной студии г. Череповца

Осенью 1964 года в газете «Коммунист» появилось объявление о наборе детей в Детскую оперную студию. Моя мама, узнав об этом, повела меня на прослушивание в Городской Дом культуры. Мне было тогда 8 лет, моей сестре Людмиле – 3 года, а поскольку её не с кем было оставить дома, то сестру взяли с собой. Прослушивания я не боялась, потому что пела, по словам мамы, с 2-2,5 лет. Мой репертуар был обширный: запоминала и пела всё, что можно было услышать по радио. Мой поход на прослушивание был воплощением маминой мечты, её не до конца реализованных способностей. Дело в том, что моя мама была солисткой в детском хоре, участвовала в республиканском конкурсе детских хоров в г. Киеве. Выступление было успешным, оно было записано на грампластинку, а мама в награду получила годовой бесплатный абонемент на посещение театра оперы и балета в г. Киеве.

Впервые попав в Дом культуры, я очутилась в каком-то особенном мире: звуков, запахов, чего-то незнакомого, но страшно любопытного. Прослушивание прошло очень быстро. Сестра моя внимательно следила за происходящим, но сама петь отказалась. Но её заочно приняли как самую юную в состав участников студии. На прослушивании я впервые увидела нашего будущего хормейстера -

Людмилу Александровну Гончаренко и композитора, исполнителя всего музыкального текста опер – Валерия Геннадьевича Сырохватова.

Людмила Александровна была яркая блондинка, очень живая, порывистая, улыбчивая и строгая одновременно. Она мне очень понравилась и сразу расположила к себе.

Валерий Геннадьевич – невысокий, худощавый брюнет, показался мне напротив очень серьёзным. Но это было только на первый взгляд. Когда мы с ним познакомились поближе в процессе репетиций, оказался он совсем нестрогим и фантастическим музыкантом! Нам, детям, казалось, что он мог исполнить на рояле всё. Часто в перерывах между репетициями мы просили его что-нибудь поиграть. Видеть вблизи живого музыканта-исполнителя, виртуозно играющего любую музыку было удивительно, интересно и радостно. Мы как замороженные смотрели на него и не могли оторвать глаз!

Репетиции проводились традиционно: нас долго распевали, потом проверяли партии. В репертуаре оперной студии были две оперы: «Муха-цокотуха» и «Мойдодыр» (обе на стихи К. Чуковского). Автором музыки был В.Г. Сырохватов. Стихи, знакомые с детства, положенные на музыку запоминались легко и пелись с большим чувством и удовольствием. Нам детям, было очень лестно, что мы поём оперу как взрослые, а когда выяснилось, что мы – единственный детский оперный коллектив в стране, мы загордились ещё больше. Взрослые нам рассказывали, что сама знаменитая Наталья Ильинична Сац проявила интерес к нашей студии.

В работе никакой скидки на детский возраст не делалось – всё должно быть чисто исполнению и выразительно. Много внимания уделялось постановке речевого аппарата. Для этого мы произносили бесконечные скороговорки, учили распевки, вырабатывали чёткую дикцию. Очень серьёзное отношение было к дисциплине: не должно было быть никаких пропусков и опозданий. Надо сказать, что и наши руководители не позволяли себе ничего подобного. Вся работа шла серьёзно, ответственно, как-то очень по-взрослому. Отдельное внимание уделялось поведению на сцене и за сценой. Во время спектакля приходилось стоять на сцене больше часа, но мы, увлечённые пением, как-то не очень это замечали и не уставали.

Людмила Александровна, понимала, что работает с детьми, и поэтому старалась создать в студии домашнюю атмосферу: перед началом репетиции поздравляла очередного именинника, а раз в месяц устраивались чаепития для именинников.

В наших выступлениях было 2 отделения, в каждом из которых исполнялись по одной опере. Между отделениями был антракт, чтобы зрители и могли отдохнуть, а артисты настроиться на исполнение другой оперы. Аккомпанировал нам Валерий Геннадьевич. Особенно нам нравился момент в опере «Мойдодыр», когда глиссандо через весь диапазон рояля заканчивалось гулким ударом по клавишам, изображавшим удар в медный таз Мойдодыра.

Кроме хора, детей-солистов (среди которых были участники хоровой капеллы мальчиков Т.В. Кобриной) оперу исполняли и взрослые певцы. Партию Мойдодыра пел Валерий Нехаев (баритон), Муху Цокотуху исполняла Н.Г. Галицкая (контральто). Нас поражала ответственность и серьёзность отношения взрослых певцов к детскому репертуару. Мне особенно нравилось исполнение Мухи-Цокотухи Натальей Гурьевной – у неё был очень красивый голос сочного грудного тембра.

Костюмы для участников оперной студии были скромными: белые блузки для девочек или рубашки для мальчиков, тёмные юбочки и брюки. Мы были одеты скромно, но аккуратно. В те времена трудно было что-то найти из тканей, а тем

более заказать костюмы в мастерской. Но энтузиасты-родители (в том числе и моя мама), мать Валерия Геннадьевича - Нина Петровна (она у нас была костюмером и помощником в решении всех организационных вопросов) - нашли выход из положения: из красивого разноцветного шифона в полоску сшили нам банты-галстуки, которые стали очень симпатичным дополнением к белым блузкам девочек и белым рубашкам мальчиков. Всё это было сделано с большим вкусом. Мы стали походить на академический хор, что нам очень нравилось.

Кроме хора к исполнению опер была привлечена детская балетная группа, которая выступала вместе с нами. Маленькие артисты исполняли роли Мухи, комара, паука, бабочки-красавицы в «Мухе-Цокотухе»; мальчики танцевали Тотошу и Кокошу в «Мойдодыре». Руководила балетной группой Надежда Николаевна Фастовская – удивительный человек, замечательный балетмейстер и педагог, бесконечный энтузиаст и очень известный человек в то время в нашем городе. Костюмы шили сами. При отсутствии денежных средств и тканей сделать это было не так-то просто, но у всех было огромное желание. Сначала репетиции хора и балетной группы проводились отдельно, и только когда Людмила Александровна и Валерий Геннадьевич убедились, что мы готовы, начались совместные репетиции. После первых выступлений в Череповце появились возможности съездить на гастроли в Вологду, Ярославль и даже в саму Москву! Но побывал наш коллектив на гастролях только в Вологде. Это была наша первая поездка в другой город... Многие из нас и в поезде оказались впервые. Всё было очень интересно и весело. Выступили мы удачно, нам долго аплодировали. Мы почувствовали себя настоящими артистами. На обратном пути нам купили мороженое и наконец-то разрешили его съесть! В обычные дни нам это запрещалось, особенно перед выступлением. Счастью нашему не было предела!

... Тогда в далёкие 60-е мы не очень понимали, как и насколько трудно было Людмиле Александровне и Валерию Геннадьевичу. Проблем было много, начиная с того, что не было помещения. Спасибо администрации Дома культуры, которая приютила нас, дала возможность репетировать. Но нужны были костюмы, музыкальные инструменты, декорации, и прежде всего, штат сотрудников. Все проблемы (и не только творческие) ложились на плечи нескольких человек, бесконечно преданных музыкальному искусству и желанию приобщить детей к миру прекрасного.

Сегодня через много лет меня и мою сестру переполняет чувство глубокой благодарности и счастья от прикосновения к этому волшебному миру искусства и возможности общения с удивительными людьми: образованными, умными, творческими, интеллигентными, безгранично и бескорыстно преданными своему делу. Они научили нас не только любить музыку, но и воспитали чувство ответственности, открыли нам мир добра и красоты.

И пусть далеко не все участники детской оперной студии стали профессиональными музыкантами, но главное, что они приобрели хороший вкус и любовь к музыке на всю жизнь, сформировались как личности.

Л.В. Федченко,
руководитель отдела религиозного образования
и катехизации Череповецкой епархии

Отец Георгий Трубицын: человек и пастырь

Отец Георгий – это явление в жизни каждого человека, который был с ним знаком, это целая эпоха, это сердце, согревающее теплом и освещающее жизненные пути многих.

Для всех, начиная от архиерея до простых прихожан, отец Георгий является образцом истинного Пастыря Христова. Он воспитал целый сонм священнослужителей, ныне совершающих богослужения не только в Череповецкой, но и других епархиях.

Батюшка был опытным и мудрым духовником, к которому за советом и утешением приезжали священнослужители, монашествующие и миряне с разных концов России.

Однажды ученик воскресной школы написал в газете «Радуга», созданной, как и все остальное на приходе, по благословию отца Георгия: «Дорогой Батюшка, ты мне как папа!». Это могут сказать все духовные чада отца Георгия, прихожане храма Рождества Христова, череповчане и вологжане.

Понятия «человек» и «пастырь» нельзя разграничить. Священник – не профессия, это – призвание, причем, особое Божие призвание, это – служение Богу и людям.

Отец Георгий говорил, что ценен тот человек, который много испытал, пережил, преодолел. На его жизнь испытаний выпало немало.

Юрий родился в деревне Большие Трубицы Богородского района Кировской области в 1938 году.

Его отец – знатный тракторист Григорий Андреевич – защищал Ленинград с первого дня блокады. В марте 1944 года погиб под Нарвой. Отец Георгий так вспоминает послевоенное детство: «Мама Ирина Афанасьевна работала на ферме. Обслуживала конный двор и коров. В час-два ночи – она еще у коней. Мы, двое, на печи. В четыре утра печь истопит. Пятьсот – шестьсот трудодней зарабатывала, а хлеба нам не хватало...».

Несколько зим Ирина Афанасьевна ездила на лесозаготовки: труд мужской, тяжелый, но выбора не было. Сыновья оставались с бабушкой.

В семь лет Юрий знает тяжелый труд в помощь матери. С восьми-девяти - в доме за хозяина: зимой дрова в лесу заготовить, летом корову встретить, подоить, сена накосить. В шестнадцать плотничал в бригаде взрослых. Был пастухом, пахал в поле, купал коней, управлял жаткой, катал валенки. В 16 лет Юра с братом Валентином вместо старого ветхого построили новый дом...

В семье любили читать духовные книги.

Без отца у семьи было много обид и горестей, но всю надежду Ирина Афанасьевна возлагала на Бога.

Когда в соседнем районе, в 25-ти километрах, открыли, храм пророка Илии, мать с сыновьями стали ходить в него. Нередкими были насмешки: «Богомольцы!» - ведь души людей уже были отравлены ядом безбожия.

С двенадцатилетним старшим сыном Юрием мать решила идти пешком в Киров, в храм преподобного Серафима Саровского за 120 километров. Трудно представить такое сейчас, когда до ближайшего храма едешь на транспорте. Шли несколько дней, ночевали в деревнях под открытым небом. Зато радость какая: неожиданно попали на Архиерейское богослужение! Его красота и великолепие запомнились Юрию на всю жизнь.

В 1960 году демобилизованный из армии солдат Юрий Трубицын, возвращаясь из Владивостока домой заехал в Свердловск (Екатеринбург) к тете. И, как был, в гимнастерке с погонами пошел на Пасхальную службу в единственный городской храм на Ивановском кладбище. Народу много, душно, вышел и присел на ступенях – а тут военный патруль. До пятого часа задерживали в комендатуре богомольца в погонах. Но в то же Пасхальное утро в доме тети он впервые увидел Журнал Московской Патриархии, а в нем сделал открытие, что существуют духовные семинарии и духовные академии, и узнал их адреса. В этом событии виден явный Божий Промысел.

Надо сказать, что оба сына этой верующей матери стали священниками.

Из нескольких существовавших тогда духовных семинарий Владыка Петропавловский Иосиф посоветовал поступать в Саратовскую. Но Юрий всем сердцем стремился учиться в Ленинграде, городе, который защищал его отец. Поступил по благословению епископа Иосифа в Ленинградскую семинарию.

Четыре года семинарии, четыре года духовной Академии. Всего двадцать рублей стипендии. Форма (китель и брюки) на два года. Но теперь уже никакие тяготы не могли свернуть его с избранного пути. Эти годы учебы отец Георгий считает самыми лучшими в своей жизни, постоянно вспоминает с уважением и любовью замечательных преподавателей богословов. Протоиерей Георгий Трубицын – кандидат богословских наук.

Эту же семинарию закончил и отец Валентин.

В 1968 году он, выпускник духовной академии, определен чтецом Вологодского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы, где настоятелем был протоиерей Константин Васильев. Службы ежедневно. Читает псалмы, канон на левом клиросе, прислуживает иподиаконом Архиепископу Мефодию во время богослужения.

В Вологодской епархии во время 17 приходов. Поездки по ним с Владыкой помогают знакомиться с храмами, их состоянием, украшением, молитвенным строением.

28 сентября 1969 года в Лазаревской церкви города Вологды состоялось венчание выпускника духовной Академии Георгия Трубицына с Ларисой – дочерью известного протоиерея Геннадия Яблонского, который длительное время был секретарем Вологодской епархии. С тех пор матушка Лариса стала верной спутницей и помощницей, которая делит и помогает нести все тяготы нелегкого служения отца Георгия.

Он рукоположен в священный сан 14 декабря 1969 года в Череповецком Воскресенском соборе и прослужил в нем 25 лет.

В конце 1980-х годов, когда прекратились гонения на Русскую Православную Церковь, отец Георгий стал активно трудиться по возрождению молитвенной жизни на территории Череповецкого края. С именем отца Георгия связано восстановление старых и появление новых приходов: возрождена молитвенная жизнь в Мяксе (где создается община Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря), Филиппо-Ирапской пустыни, Абаканове, Кадуе, Покрове

и многих других местах. В 1991-1997 годах трудами отца Георгия был возрожден храм Рождества Христова в Череповце.

В редко выдававшиеся выходные Батюшка собирал нас и отправлялся по окрестным деревням – ведь нигде не было храмов – и крестил, совершал молебны, исповедовал, соборовал и причащал. Везде его знали и встречали как родного человека и долгожданного гостя. Он мог заехать в деревню, чтобы справиться о здоровье «Екатерины», «Петра», «Антонины»...

Храм новый, создавался приход, появлялись все новые направления работы. Пока не было воскресной школы, отец Георгий вместе с первыми педагогами проводил занятия в Доме ветеранов, детском доме №5, ЦСР «Гаврош». И что удивительно, все начинания отца Георгия были долговечны, основаны на твердом фундаменте веры, молитвы, труда.

Помню: работы прибавлялось все больше. Я спросила у отца Георгия: - И это выполнять?

Батюшка строго сказал: - Везде ходить, трудиться «пока ноги носят».

Сам он никогда не отдыхал: «Бог восполнит силы, даст и здоровье». Актуальные для современности разговоры о пастырском выгорании были для него чужды и непонятны. Отец Георгий всегда утешал: - Не унывайте! Ведь Господь все видит, Он поможет.

Он создал дружный приход, многочисленную воскресную школу для детей (около 400 человек) и взрослых (более 200 человек), летний православный лагерь, подсобное хозяйство в пригороде.

Любые будни были в храме праздниками! А уж праздники! Батюшка следил за чистотой, порядком, красотой убранства храма. И еще: отец Георгий всегда добивался того, чтобы все умели делать все: преподавать, петь и читать на клиросе, убирать и украшать храм, готовить,

учил соборности.

Вокруг храма с ранней весны до поздней осени радовали глаз и благоухали цветы и кустарники. Храм занимал первое место в конкурсе «Цветущий город». Отец Георгий сотрудничал со всеми образовательными, социальными и культурными учреждениями города, неумолимо шел ко всем зовущим и нуждающимся в поддержке словом и делом.

Он был очень трудолюбив, не только в храме, но и на земле любил трудиться. Очень любил заботиться о курочках, утках. В родительский дом в Матурино приедет и всегда при деле. Брата своего очень любил, младшего, когда тот слег ухаживал за ним, а у самого тоже сил таких не было. Последнее время ноги у него болели, он сказал, что когда босиком по земле походит легче.

До последнего дня Батюшка жил активной деятельной жизнью: был в курсе всех событий, много читал, посещал мероприятия.

Любовь и трепетное отношение к богослужению в отце Георгии никогда не ослабевали. Протоиерей храма Рождества Христова Владимир Беляев отметил это в своем поздравлении в день юбилея: «Отец Георгий – единственный настоятель из тех, кого я знаю, который совершает все требы и службы наравне со всеми клириками храма».

2017 год дает нам возможность переосмыслить историю, задуматься, извлечь уроки. «Нужно понять и признать: русская разруха имеет глубокое духовное корнесловие, есть итог и финал давнего и застарелого духовного кризиса, болезненного внутреннего распада», – констатирует замечательный русский богослов протоиерей Георгий Флоровский.

Прежде всего – это **оскудение христианского духа**, отход русского человека от Бога, незнание Живого Бога. Как писал Архиепископ Иоанн (Шаховской): «Не любят Бога по одной причине, Его не знают». В отце Георгии не было теплохладности, безразличия, он знал Живого Бога, не только верил в Него, но и доверял Ему.

Не было в отце Георгии и так называемой толерантности. «Толерантность к другим верам – это начало утраты своей веры» (Свт. Николай Сербский). «Миссия Волга -1990».

В последние несколько лет по просьбам горожан отец Георгий еженедельно по воскресениям принимал людей, выслушивал, утешал, давал советы, и народа шло больше и больше. Видимо потому, что его слова никогда не расходились с делом, в своей жизни он смог исполнить Заповеди Христовы. Простоту и детскость, скромность и непритязательность отец Георгий сумел сохранить в течение всего жизненного пути.

Батюшка всегда относился к людям ровно, не взирал на лица и звания, в каждом видел Образ Божий. Он не искал от священнического служения земных благ, материального преуспевания, стремясь служить исключительно Богу и помогать ближним.

Люди ехали к отцу Георгию отовсюду – из Санкт-Петербурга, чтобы покрестил, из Москвы, чтобы получить благословение.

Сам он любил служить, до службы успевал съездить кого-то причастить, исповедать болящего. Всегда с любовью, принимал чужую боль как свою. Однажды, когда я дожидалась его, а он разговаривал с кем-то из «захожан», он сказал: «Вот, Ольга, священник будет отвечать перед Богом за каждую душу зашедшую к нему в храм. Ведь это Господь приводит людей и каждому нужно найти время и внимание, тогда человек останется при храме». Так он всегда и поступал.

Дети его очень любили и он их, такое было чувство, что он с ними на одной волне. Однажды я привела детей из детского дома, они маленькие, гиперактивные. Пока мы ждали исповедь, я думала, что они весь храм разберут по кирпичику. Вышел отец Георгий, они как начали его дергать, бегать вокруг него. Ну, все, сейчас и батюшку растащат, а он как-то так ловко их под епитрахиль, сказал что-то, дети успокоились, Исповедались и всю службу как Ангелочки простояли. Привела я этих детей на экскурсию, Лариса Витальевна подводит их к иконе свт. Николая Чудотворца и говорит: «Вот этого святого вы, конечно все хорошо знаете?» «Да, - кричат мои малыши – это наш батюшка отец Георгий, он добрый».

Почему так устремлялись и устремляются люди к отцу Георгию?

Потому что проповедь его была собственной жизнью, личным самоотверженным следованием Заповедям Христовым и Евангелию. Когда

звучала его тихая речь нашего дорогого настоятеля без вычурности и красивых слов, люди внимали, и его простые слова заставляли сопереживать, плакать, каяться и стараться быть чище и лучше, потому что он жил так, как говорил – его слова не расходились с делом, и требовательным он был, в первую очередь, к себе. Он старался угодить Богу и ближнему, а не искал легких путей и теплого местечка для себя.

Духовное величие, внутреннее благородство и открытость притягивали к отцу Георгию сердца людей. Когда бы и где бы ни появлялся отец Георгий, всюду он создавал ощущение праздника – не побоюсь этого слова – Торжества Православия, даже своим красивым благородным обликом.

Отец Георгий мог увидеть в человеке лучшие качества, раскрыть их и направить в верное русло. Точно так же он мог естественно покрыть чужие немощи и пороки, потому что в каждом человеке пытался увидеть лучшее и возвышенное, ОБРАЗ БОЖИЙ. Благодаря этому человек преображается, становится лучше, воздаёт добром. Духовное величие, благородство отца Георгия притягивают к нему людей.

Заповедь Божию по отношению к ближнему отец Георгий исполнял без формализма, от чистого сердца. По его благословению у храма кормили нищих, пьющих людей. На вопрос работников:- Кормить ли их? Батюшка отвечал: - Ну а как? Спаситель что говорит:- Прозящему дай! Он же не уточняет, кому именно.

« Мы даем просфоры для богослужения в храмы Ярославской и Архангельской епархий, а также в села Батран, Шишовку, Абаканово, Мяску... Слава Богу, мы помогаем другим и нам помогают...», - вспоминает просфорница Надежда.

За 47 лет священства отец Георгий Трубицын был удостоен множества церковных наград - митры, служения с отверстыми Царскими Вратами по «Отче наш». Награжден орденом преподобного Сергия Радонежского, орденом св. блгв. князя Даниила Московского III степени, медалью преподобного Кирилла Белозерского I степени и другими церковными и светскими наградами. Владыка Максимилиан считал отца Георгия одним из лучших клириков епархии. Он говорил, что у нас перед глазами пример живого святого человека, ехать даже никуда не надо: смотри и учись! То же самое говорили о нашем Батюшке архимандрит Иоанн Крестьянкин и отец Николай Гурьянов.

10 декабря 2016 года на 79-м году жизни мирно почил о Господе старейший клирик Вологодской митрополии, духовник Череповецкой епархии, почетный настоятель храма Рождества Христова города Череповца митрофорный протоиерей Георгий Трубицын. Отец Георгий окончил свою земную жизнь в день иконы Божией Матери Знамение – образа, который особо почитается в Санкт-Петербургских духовных школах, перед которым ежедневно в течение восьми лет учебы молился отец Георгий.

Отец Георгий сподобился безболезненной, непостыдной и мирной кончины, которую предвидел и к которой готовился. 9 декабря в Воскресенском соборе г. Череповца на престольный праздник прпп. Афанасия и Феодосия Череповецких отец Георгий сослужил двум архиереям - епископу Череповецкому и Белозерскому Флавиану и епископу Скопинскому и Шацкому Матфею, исповедался, причастился Святых Христовых Таин. Весь этот день и утро следующего дня были особенно радостными и светлыми, и днем 10 декабря батюшка мирно и тихо отошел ко Господу.

Когда тело Батюшки находилось в храме, поток людей - самых разных, знакомых и незнакомых, прихожан и невоцерковленных – не иссякал ни днем, ни ночью. Даже ночью почитать Псалтырь была очередь. Похоронили отца Георгия за алтарем храма Рождества Христова, построенного его трудами и заботами.

Теперь в любое время дня могилка Батюшки у алтаря Христорожественского храма не стоит одиноко - всегда там кто-то есть. Справедливо гласит английская пословица: «К пустому источнику люди не идут».

Для всей епархии и для всего города утрата отца Георгия стала глубокой личной скорбью. За те три дня, когда наш дорогой Батюшка находился во гробе, неиссякаемый поток скорбящих шел и шел к нему, любвеобильному наставнику и неутомимому молитвеннику и труженику, потому что отец Георгий по слову Апостола Павла «для всех был всем». Владыка Флавиан в проповеди отметил: «Взирая на жизненный путь протоиерея Георгия, мы соприкасаемся с историей нашего Отечества, вспоминаем тяжелые для Церкви годы. Отец Георгий сознательно принимает решение стать священником во время, когда было обещано «показать последнего попа». Его знают, как духовника, ибо, отец Георгий в своей жизни стяжал Благодать Святого Духа, праведность, которая необходима для священнослужителя. Многие священники знают его, как прекрасного литургиста, знающего и любящего богослужение. Дорогой отец Георгий, нам будет очень не хватать Вас. Мы будем стараться подражать Вам любить Бога и богослужение. Это будет лучшей памятью».

М.Ю. Трубицына,
к.ф.н., доцент кафедры отечественной филологии
и прикладных коммуникаций ГИ ЧГУ

Из опыта паломничества на Святую Землю (по материалам путевых записок протоиерея Георгия Трубицына)

Православное паломничество - давняя и почитаемая в нашем народе традиция. Она освящена стопами Самого Христа Спасителя, который по слову Евангелия со своей Пречистой Матерью и святым праведным Иосифом ходил в Иерусалим на праздник Пасхи (Евангелие от Луки 2, 41).

Паломничество русских людей на Святую Землю началось еще во времена князя Владимира и продолжалось, не прерываясь, до 1917 года. Новый этап развития паломничества наступает после 1000 - летия Крещения Руси. До 1991 года это были поездки паломнических групп 1-2 раза в год. С декабря 1993 года практически еженедельно Русская Духовная Миссия в Иерусалиме принимала паломников из России, Украины, Белоруссии и других стран ближнего и дальнего зарубежья.

Протоиерей Георгий Трубицын совершил паломничество на Святую Землю в 1994 году на День Святой Троицы с 15 по 23 июня. Благодаря стараниям Святейшего Патриарха Алексия II впервые за долгие годы Палестину посетила большая группа верующих, более 100 человек: четыре архиерея (архиепископ Вениамин, Владивостокский; епископ Иоанн, Йошкар-Олинский и Марийский; архиепископ Евгений, Тамбовский и Мичуринский; епископ Палладий, Орловский и Ливенский). От Вологодской епархии по благословению архиепископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана поехали протоиерей Георгий Трубицын и протоиерей Константин Васильев - настоятель Кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы (г. Вологда).

На протяжении всего путешествия отец Георгий делал записи в блокноте, а если не было такой возможности, то на отдельных листах бумаги. Поражает в заметках отца Георгия прежде всего точность указанного времени: фиксировались не просто дни, часы, а каждая минута, мгновение этого пути. Батюшка сосредоточен и внимателен, нет никакой рассеянности, праздности, отдыха. Священник осознает ценность каждого момента на Святой Земле и учит нас читателей, «так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое» (Пс.89, 12). Не случайно, и спустя 20 лет после путешествия, отец Георгий, рассказывая о поездке, воспроизводил подробно все детали, впечатления и ощущения. По мнению митрополита Антония Сурожского, одна из идей паломничества заключается в том, что проходить мы должны этот путь без спешки, т.к. «путь наш - Христос, спутник наш - Христос, что Христос не только ждет нас впереди как цель, но Он же позади нас, в начале пути. Важно не достичь цели, как можно скорее, а другое: важно, чтобы каждый шаг этого пути был полон смысла, богат содержанием».¹ Древнерусские хождения и позднейшие очерки, дневники, записки о путешествиях в Палестину различаются своеобразием стиля, в каждом проглядывает индивидуальный нравственный облик писателя, глубина его мысли. Даже при посещении одних и тех же мест, при описании одних и тех же святынь авторы не повторяли друг друга. По убеждению писателя В. Солоухина «не было и нет на Руси двух совершенно одинаковых икон, даже по письму, не

говоря уж об их судьбе».² Данное высказывание может быть распространено и на целый ряд духовных явлений: храм, монастырь и, конечно, паломничество.

Путевые записи отца Георгия впоследствии не подвергались переработке, т.е. не дополнялись историческим, географическим, культурным, богословским комментарием, как это обычно происходит, когда первоначальный текст превращается в своеобразный путеводитель. Сохранившаяся первоизданность заметок помогает пройти этот путь вместе с Батюшкой, увидеть картины, где в реальности XX века таинственно соприсутствуют евангельские образы и сюжеты. Достаточно одного слова, и мы погружаемся в мир Нового и Ветхого Завета. Например, заметка от 21 июня 8 часов 56 минут: «Проезжаем монастырь преподобного Феодосия. Новостройки русских евреев. Холмы Иудейской пустыни. Палатки бедуинов, они питаются акридами (Выделено мной - М.Т.). По ассоциации вспоминается жизнь Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, который жил в пустыне и питался акридами и диким медом».

На всех святых местах паломниками читались соответствующие фрагменты из Евангелия, пелись тропарь, кондак, величание, другие песнопения празднику или святому, служился молебен.

Например, запись 22 июня 10 часов 40 минут: «Город, улица Назарета. <...> Мы стоим у дома Иосифа, он сохранился. Тропарь Благовещению. Мы стоим у решетки, а за решеткой в полутора метрах дом Иосифа, камень и звезда. Поют Архангельский глас отец Николай и протоиерей».

Текст приобретает объемность, многозначность благодаря своеобразной полифонии записок: мы слышим голоса сопровождающих группу паломников - гида - монахини Исидоры, епископа Вениамина, спутников отца Георгия - отца Константина, иеромонаха Даниила из Донского монастыря, приветствие Патриарха Иерусалимского Диодора.

Центральным, объединяющим началом становится постижение евангельских событий. Например, информация об особенностях рельефа помогает глубже проникнуть в смысл евангельских строк, осознать значимость библейского слова: «Иерихон находится на 400 м ниже уровня моря. Господь сказал: «Восходим в Иерусалим» (Выделено мной - М.Т.). Глагол «восходим» подчеркивает важность последующих событий в Иерусалиме и наглядно раскрывает направление движения, трудность подъема.

Для паломника - священника посещение святых мест неотделимо от церковной молитвы и богослужения.

Паломничество отца Георгия совпало с Днем Святой Троицы - в 1994 году - 19 июня.

В этот день паломники посетили Иерусалимскую Патриархию. Патриарх Диодор приветствовал православное духовенство словами: «Мы радуемся, глядя на большую группу, приехавшую накануне Праздника Утверждения Церкви. Мы принимаем вас как Ангелов, мы горячо молимся, чтобы Господь Церковь Русскую сохранял от бедствий».

Отец Георгий описывает торжественное шествие до храма Воскресения Христова: «Шествие начинают арабы с большим посохом с желтым наконечником. Четыре иподиакона, высокий крест, духовенство парами, наши архиереи и иерусалимские».

Шли до храма Воскресения Христова: по трем улицам, мимо лавок. Патриарх приветствует: «Христос Воскресе!» Мы отвечаем: «Воистину Воскресе!»».

Протоиерей Георгий обращает внимание на особенности и традиции совершения Литургии в храме Воскресения Христова на Гробе Господнем: «Облачения у Патриарха красные (пасхальные), у священников - белые с синими

крестами. Литургию служили четыре наших архиерея: греческих два и наместник Феодосий, три московских протоиерея. Евангелие читалось на греческом, арабском, русском*, арамейском. Часы пели. Малый вход вокруг кувуклии, впереди шли греки с большими тростями, стуча об пол. Великий вход тоже кругом кувуклии (Гроб Господень). Все причащались, священники в епитрахильях. Вечерня была на двух языках: греческом и русском* в двух местах (храмах)».

На день Святого Духа участвовали в Литургии и крестном ходе в храме Святой Троицы Русской Духовной миссии, а в 12 ч. ночи - молились за утреней и Литургией в храме Воскресения Христова: «Утреню поют два грека. Утреню помогает петь архиерей. Литургию служили в кувуклии 5 архиереев и два архимандрита и 26 священников, 3 диакона. Паломники причащались. Пел хор Горненской обители, очень тихо и мелодично. Пели «Христос Воскресе», «Да Воскреснет Бог». Духовенство причащалось в 3.10.».

Всего одна строчка с упоминанием пасхальных песнопений, но каждый христианин наполнит их тем ликованием и радостью, которые он переживал неоднократно. Своим примером отец Георгий многих верующих храма Рождества Христова вдохновил выучить наизусть Стихиры Пасхи (начинаются со слов «Да Воскреснет Бог»), и прихожане с духовным восторгом пели песнопения в церкви.

Паломник, описывая незнакомые предметы и явления, мысленно возвращается к своей родной земле. В своих записках протоиерей Георгий акцентировал внимание и на архитектурных особенностях храмов, внутреннем убранстве, делал небольшие схемы и зарисовки. Объясняется это постоянным размышлением Батюшки о строящемся в тот период храме Рождества Христова. В конце октября 1993 года закончено было строительство нулевого цикла храма Рождества Христова, объект был законсервирован, и работы возобновились в ноябре 1994 года. Можно проследить воплощение некоторых заинтересовавших отца Георгия в этой поездке конструктивных решений в планировке и внутренней отделке череповецкого храма. Например, в описании греческого монастыря пророка Божия Илии, отец Георгий сообщает, что «около солеи, слева, на стене икона пророка Божия Илии (2,05 x 2м). Иконостас 3-х ярусный, деревянный, иконы писаны недавно, свежая краска, пол мраморный, плитка 60 x 25 см. Царские ворота низкие. Справа находится икона Георгия Победоносца». Справа и слева от иконостаса в храме Рождества Христова находятся большие житийные иконы - Святителя Игнатия Брянчанинова и преподобного Нила Сорского.

Таким образом, паломничество в Иерусалим явилось для Батюшки духовным руководством в деле возрождения храма Рождества Христова.

Примечания:

1. Митрополит Антоний Сурожский. Православный взгляд на паломничество // Альфа и Омега- 2009 - №3.
2. Солоухин В.А. Время собирать камни.- М., 1990 - с.163. (Данное высказывание может быть распространено и на целый ряд духовных явлений: храм, монастырь и, конечно, паломничество.)

---

* Имеется ввиду церковнославянский язык

Содержание

Реальные лица в чудесах колоденских. Пахолкова Т.В.	5
«Кто есть кто в «Памятных книжках Вологодской губернии»» как новый ресурс Вологодской ОУНБ и как новые возможности генеалогического поиска. Демидова Е.Л.	9
Живая история Череповца: поиск истины исторических событий. Данилов В.С.	17
Из истории массовых репрессий против священнослужителей и верующих на территории Череповецкой епархии. Мальцев М.Г.	19
Обычаи и образ жизни крестьян Череповецкого уезда в 70-е гг. XIX века (по материалам диссертации П.И. Грязнова). Новиков А.Е.	39
Печная дверца как художественный и эстетический элемент печного убора. Печное чугунное литье XIX – XX веков из Череповецкого района Вологодской области. Вересов Л.Н.	43
Сословие почетных граждан в истории Череповца XIX – начала XX веков. Холенкова С.Ю.	49
Дело генерала Левашова. Шалашов Е.В.	62
434-й пехотный Череповецкий полк в Первой мировой войне. Маров А.А.	67
Судьба семейства Верещагиных в первые годы Советской власти. Из истории мемориального дома-музея В.В. Верещагина. (По документам МКАУ «ЧЦХД».) Куракин С.Е.	73
Череповецкий городской комитет ВЛКСМ: первые годы деятельности (1939-1945 гг.). Волкова О.Г.	79

Предложение о создании в Череповце «Шахматного сквера» на мемориальном месте дома детства международного гроссмейстера Валентины Михайловны Беловой-Борисенко (1920-1993). Козлов А.А.	83
Роль братьев Сырохватовых в развитии музыкальной культуры и музыкального образования г. Череповца. Владимилова О.А.	87
Воспоминания о Детской оперной студии г. Череповца. Друзь Е.Г.	90
Отец Георгий Трубицын: человек и пастырь. Федченко Л.В.	93
Из опыта паломничества на Святую Землю (по материалам путевых записок протоиерея Георгия Трубицына). Трубицына М.Ю.	99

МБУК «Объединение библиотек» г. Череповца
Центральная городская библиотека им. В.В. Верещагина.
Краеведческий отдел.

Верстка, макет и компьютерное оформление Л.И. Закусова.
Ответственный за выпуск Л.Н. Макаревская.
Октябрь, 2018